

ПИТЕР ВРОНСКИЙ

НАСТОЯЩЕЕ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Влад III Цеш (Дракула)

Джен Потрошитель

Герн Г. Холмс

Джеффри Дамер

Ричард Рамрес

Эдмунд Хемпер

СЫНЫ КАИНА:

ИСТОРИЯ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ

ОТ КАМЕННОГО ВЕКА
ДО НАШИХ ДНЕЙ

DOC
D 063
13 1980

Настоящее преступление

Питер Вронский

**Сыны Каина: история
серийных убийц от каменного
века до наших дней**

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

Вронский П.

Сыны Каина: история серийных убийц от каменного века до наших дней / П. Вронский — «Издательство АСТ», 2018 — (Настоящее преступление)

ISBN 978-5-17-113311-5

«Сыны Каина» – глобальная история серийных убийц как явления, охватывающая огромный временной период, от каменного века до наших дней, изложенная профессиональным историком-криминалистом, доктором исторических наук. Это подробное исследование феномена серийных убийц на протяжении всей истории человечества, их эволюции и того, почему их ужасающие преступления так занимают наши умы. До того как этот термин начал широко использоваться (с 1981 года), не было «серийных убийц». Были только «монстры» – убийцы, которых общество сначала воспринимало как оборотней, вампиров, упырей и ведьм, а позже – как хичкоковских психов. В «Сынах Каина» – книге, которая заполняет пробел между сухими академическими исследованиями и сенсационными преступлениями, – Питер Вронский исследует наше понимание того, что такое серийные убийства, охватывая период от доисторической эпохи (ок. 15 000 г. до н. э.) до наших дней. Углубляясь в историю и человеческую психику, автор фокусируется исключительно на сексуальных серийных убийцах, которые отличаются от всех других серийных убийц своими мотивами. Они среди нас. Их невозможно отличить от обычных людей... В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-17-113311-5

© Вронский П., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Часть I. Происхождение вида: эволюция серийных убийц	8
Глава 1. Серийные убийцы: краткое описание вида	8
Monstrum	9
Как появился термин «серийный убийца»	13
Классификация серийных убийц	15
Причины всплеска серийных убийств в 70-х и 80-х годах	16
Случайные встречи с серийными убийцами	17
Новый взгляд на серийных убийц	21
Новое слово: серийная эротофонофилия	24
Новая история мира монстров	25
Глава 2. Как всё начиналось: каменный век и триединый мозг серийных убийц-зомби	27
Как появляются серийные убийцы: современные теории	28
Триединый мозг и четыре «П» эволюционной борьбы за существование	29
От первобытных насильников-каннибалов к цивилизованным серийным убийцам. Универсальная история человечества	30
Самое первое нераскрытое дело: серийные убийцы в эпоху неандертальцев	31
Некрофобия и странные вампирские захоронения	32
Гипотеза техногуманитарного баланса	35
Цивилизованный серийный убийца	36
Глава 3. Половая психопатия: психология влечения. Серийный убийца в цивилизованном мире	39
Половая психопатия: список парафилий	40
Растим Каина: как сделать из ребенка серийного убийцу	42
Джерри Брудос – «похотливый убийца», или «убийца – обувной фетишист». Орон, 1969 г.	43
Современная дестигматизация «хороших» парафилий	44
Нарушенные «карты любви»: от любви к страсти, из ребенка в парафилийные серийные убийцы	45
От воображения к реальности: цикл воплощения навязчивых фантазий о серийных убийствах	47
Как одно убийство превращается в серию: преступник на игле зависимости от второго убийства	50
Часть II. Хроники серийных убийц: Начало судебно-медицинской истории монстров	52
Глава 4. Рассвет «незначительных» мертвецов: серийные убийцы и современность	52
Серийные убийства и досуг	52
Античные серийные убийцы-аристократы: власть и жажда крови	53
Калигула (12–41 г. н. э.)	54
Серийные убийства до эпохи модерна: травма как неотъемлемая часть повседневной жизни	55

Серийные убийства: печатные СМИ, промышленная урбанизация и «административное государство»	56
Рассвет «незначительных» мертвецов: миметическое принуждение	57
Мобильность и урбанизация современных серийных убийц	58
Глава 5. <i>Lupina Insania</i> . Криминализация оборотней. Красная Шапочка в роли жертвы, 1450–1650 гг.	61
Оборотень или ликантроп	62
Истории древних людей об оборотнях	63
Единство в переломную эпоху и криминализация оборотней	65
Суд над серийными ликантропами	68
Петер Штуббе, «оборотень из Бедбурга». Германия, 1589 год	69
Пьер Бурго и Мишель Вердан. Франция, 1521 год	70
Жиль Гарнье. Франция, 1574 год	71
«Оборотень» или «демон-портной из Шалона». Франция, 1598 год	71
Жан Гренье. Франция, 1603 год	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73
Комментарии	

Питер Вронский

Сыны Каина: история серийных убийц от каменного века до наших дней

Peter Vronsky

SONS OF CAIN: A History of Serial Killers from the Stone Age to the Present

© 2018 by Peter Vronsky

© Валерия Либельт, перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Памяти Дэйва Уолкера, убитого 14 февраля 2014 года у ворот
Смерти в Ангкор-Вате (Камбоджа)*

*«Хочу, чтобы меня похоронили по тибетскому обряду воздушного
погребения, а бичующиеся хлестали себя кнутами под зауспокойную
песнь».*

Часть I. Происхождение вида: эволюция серийных убийц

Глава 1. Серийные убийцы: краткое описание вида

В начале было Слово.

Иоанн 1:1

До того как в 1979 году я впервые встретил серийного убийцу, я даже не подозревал об их существовании. В семидесятых термин «серийный убийца» использовался разве что в узком кругу бихевиористов и агентов из убойного отдела ФБР, которые в то время пытались справиться с неожиданным наплывом нераскрытых преступлений, совершенных в разных юрисдикциях, но при этом, по-видимому, связанных с одними и теми же неизвестными нарушителями закона. Классическим примером современного для той эпохи серийного убийцы мог бы послужить Тед Банди. Его жертвами стали тридцать шесть студенток в шести штатах. Но в фильмах, романах, детективах, новостях, поп-культуре и даже судебной психиатрии не существовало общепринятого термина, подходящего для Теда Банди или того преступника, с которым столкнулся я сам. Сейчас же в нашем распоряжении есть выражение «серийный убийца».

Первая из моих трех случайных и кратких встреч с серийными убийцами (все они произошли до того, как их личности были установлены, а они сами взяты под стражу) произошла в Нью-Йорке субботним декабрьским утром. Я тогда застрял в городе на выходные почти без денег, и мне нужно было где-то остановиться до понедельника. Выбор пал на недорогой отель в западном конце 42-й улицы, на самой окраине района Таймс-сквер.

В отличие от наших дней, когда в районе Таймс-сквер и 42-й улицы можно без опаски гулять всей семьей, в 1970-е этот квартал, прозванный Двойкой, представлял собой отвратительное скопище книжных магазинов «для взрослых», где продавали жесткое порно, круглосуточных кинотеатров, палаток с холодным оружием, сувенирных лавок, пип-шоу, секс-шоу, массажных салонов, стрип-клубов, забегаловок, где можно было не только поесть, но и «повеселиться» с сотрудницами, точек продажи запрещенных веществ, наркобаров, дешевых ночлежек и проституток любого возраста, пола и внешности. То был неоновый «нью-йоркский Уайтчепел» – и, как я вскоре понял, собственный Потрошитель там также имелся.

В 1979 году в заведениях и на улицах Нью-Йорка работало более сорока тысяч проституток^[1]; так много, что в какой-то момент полицейским пришлось выставить заграждения вдоль тротуаров Восьмой авеню, чтобы поток девушек и их сутенеров не хлынул на дорогу и не заблокировал движение.

Если не брать в расчет поездку на автовокзал Порт-Оторити или обратно, то в Двойке можно было оказаться лишь по четырем причинам: что-то купить, толкнуть товар, кому-то продаться или же по небрежности или глупости стать чьей-то жертвой. В 1979 году в Нью-Йорке было совершено 2092 убийства, в 1980-м – уже 2228. В 1990-м убийцы установили рекорд: 2605 преступлений^[2]. В городе было небезопасно. Среднее количество совершаемых за год правонарушений на одном лишь отрезке 42-й улицы между Седьмой и Восьмой авеню составляло 2250 – больше, чем в любом другом квартале Нью-Йорка. Из них тридцать – сорок процентов являлись серьезными преступлениями, попадавшими под раздел 18 Уголовного кодекса США: убийство, изнасилование с применением физической силы, грабеж^[3].

Когда в то раннее воскресное утро я подходил к отелю, мне казалось, что я вполне себе представляю, что может меня поджидать. Прежде я бывал в Нью-Йорке много раз: снимал

разные провокационные вещи для документальных фильмов и кинопроектов. Иногда я останавливался в каком-нибудь из типичных дешевых отелей рядом с Таймс-сквер, но тогда впервые забрел куда-то дальше Десятой авеню: в соседний район, который еще с 1880-х назывался Адской Кухней. Сейчас он носит более престижное и подходящее для жилого района название – Клинтон, а на его улицах куча небольших модных баров и ресторанов для взыскательных гурманов. Но в семидесятых район определенно был Адской Кухней. Там, где теперь уютные милые ресторанички, в период с 1968 по 1986 год орудовала ирландская уличная банда «Вестиз»: в целом она убила от шестидесяти до ста человек, а тела жертв расчленяла в ваннах многоквартирного дома.

Я сомневался, действительно ли мне хочется остановиться там на ночь, но отель был дешевым и находился совсем недалеко от кинолаборатории, куда мне нужно было сходить утром перед отлетом домой. Поэтому, прежде чем заселиться в этот небольшой отель, я решил сначала пройтись по этажам, самостоятельно разведать и посмотреть, насколько всё плохо и кто (а может, и что) меня там поджидает.

Я стоял в маленьком вестибюле в ожидании лифта: тот застрял на одном из верхних этажей. Это раздражало до ужаса – я был молод и нетерпелив. Когда лифт наконец-то спустился и его двери открылись, я бросил тяжелый взгляд на придурка, который заставил меня ждать целую вечность, хотя на деле прошло не больше минуты.

Выглядел он... ну, обычно. Как все. Ничем не примечательный белый мужчина лет тридцати. Единственной странностью была болезненная испарина, блестевшая на лбу, несмотря на холод. Когда он вышел из лифта, то двинулся прямо на меня, словно совсем не замечая, и ударил по колену и голени тканевой сумкой – большой, твердой и тяжелой, словно набитой шарами для боулинга. Он не сказал ни слова, не извинился и даже не оглянулся. В его внешности не было ничего запоминающегося, и если бы мне пришлось описывать ее для фоторобота, я бы не смог. Но даже если бы у меня не получилось нарисовать его портрет, при встрече я бы его узнал, потому что разглядывал достаточно долго – так он мне досадил. Последний раз я взглянул на него уже из лифта, когда за мной закрывались двери. Он шел спиной ко мне, спокойно направляясь к выходу из отеля, а сумка болталась сбоку.

То была совершенно случайная встреча с монстром, который в своем номере замучил, изнасиловал и убил двух проституток с улицы, предварительно связав их и заткнув рот кляпом. Он отрубил им головы и руки и запихнул их в сумку. Когда я только приближался к отелю, убийца складывал обезглавленные тела на кровати в луже подсыхающей крови, после чего облил их горячей жидкостью и поджег. Потом преступник взял сумку с отрубленными головами и руками и спокойно вызвал лифт, который я, кипя от раздражения, с нетерпением ждал в вестибюле на первом этаже.

Разумеется, тогда я ни о чем не догадывался.

Monstrum

В первую очередь он привлек мое внимание лишь тем, что жутко вывел меня из себя. Иначе я бы его не заметил. Сейчас мне кажется – и со мной бы согласился любой профайлер (психолог-криминалист), – убийца специально держал лифт на этаже, пока не убедился, что пожар начался и стал расползаться. Им овладела одержимость и жажда полного контроля над совершенным преступлением, что типично для маньяков, которые тщетно пытаются достичь удовлетворения. Всё дело в контроле, который необходим серийным убийцам.

Воспользоваться лифтом было опрометчиво – особенно после того, как он устроил пожар, – так как для того, чтобы выйти из отеля, ему пришлось пройти мимо стойки администрации. Подобное безрассудство также присуще серийным убийцам. Я на его месте спустился бы по лестнице. Но я-то не серийный убийца.

В итоге подобная наглость довела его до тюрьмы. Спустя полгода, в мае 1980-го, он вновь остановился в мотеле в Нью-Джерси, где за три недели до этого замучил и убил очередную проститутку, после чего связал ее избитое и изуродованное тело и засунул под кровать. На следующее утро его обнаружила горничная. Никто из персонала мотеля не заметил убийцу и не узнал его, настолько он был непримечательным. Только услышав женский крик из его номера, сотрудники, напуганные предыдущим убийством, всё же вызвали полицию.

Так задержали «Расчленителя с Таймс-сквер» и установили его личность. Им оказался тридцатитрехлетний Ричард Фрэнсис Коттингем. Его жертву, восемнадцатилетнюю проститутку Лесли Энн О’Делл, спасли, и она оправилась настолько, что даже смогла выступить на его суде.

Ричард Коттингем, который после ареста говорил полиции, что у него проблемы с женщинами, вырос там же, в Нью-Джерси, в строгой католической семье из зажиточного среднего класса. Мать была домохозяйкой, а отец руководил страховой компанией на Манхэттене. Их сын Ричи примерно учился, подавал надежды в спорте и вообще казался паинькой. После выпуска Ричард успешно устроился оператором вычислительной машины в офис страховой компании «Голубой крест» на Среднем Манхэттене. Как и отцу, ему пришлось ездить на работу из Нью-Джерси, где Ричард жил со своей женой и тремя детьми. Но втайне от всех он вел совсем другую жизнь. У него имелось две любовницы-медсестры, которые не знали друг о друге, а также целая вереница временных подружек, излюбленных проституток, случайных знакомств, и иногда, когда одолевало желание, он их пытал, насиловал и убивал. Ричард лишил жизни по меньшей мере трех знакомых ему женщин. Однако чаще он предпочитал случайных жертв, которых подцеплял в барах или на улице. Работая в «Голубом кресте» с четырех дня до полуночи, свои невероятно жестокие убийства Коттингем совершал в перерывах между сменами, свиданиями с любовницами и поездками домой к семье в Лоди, штат Нью-Джерси.

В конечном итоге Коттингем был осужден за пять убийств. А не так давно, в 2010 году, он внезапно признал себя виновным еще в одном преступлении, совершенном сорок три года назад. Он также подозревается в других нераскрытых убийствах в Нью-Йорке и Нью-Джерси, случившихся в период с 1967 по 1980 год, число которых колеблется от тридцати до пятидесяти (см. фотографии с мест преступления Ричарда Коттингема и другие иллюстрации к книге «Сыны Каина» на www.sonsofcainserialkillers.com).

После того как Коттингем практически налетел на меня в вестибюле, я поднялся на свой этаж и за мгновение до включения пожарной сигнализации почувствовал запах гари и заметил в коридоре крохотные клубы дыма и кружащиеся хлопья пепла. Прежде чем пламя разгорелось и появился плотный тяжелый дым, в отеле началась эвакуация, и я спустился по лестнице на крытую парковку, а потом вышел на 42-ю улицу – как раз тогда, когда к главному входу подъехала пожарная машина. Я не стал стоять на холоде и смотреть, а сразу же по-английски ушел, намереваясь остановиться в другом месте и так и не узнав, что произошло.

На следующее утро, когда я явился в кинолабораторию, мой взгляд привлекли газеты, разложенные в приемной. Заголовки кричали о пожаре и обезглавленных телах. Когда я осознал, что речь идет об отеле, где был прошлым утром, то не сразу связал мужчину из лифта с тем, что произошло. Всем известный сегодня феномен серийных убийц и их преступлений был мне незнаком, поэтому пазл из придурка, сумки, полной шаров для боулинга, и расправы на верхнем этаже у меня в голове не сложился. Как и у любого другого человека в те годы. Только спустя время, когда Коттингема арестовали и я впервые увидел его фотографию в газетах, всё внезапно встало на свои места. Я сразу же узнал его. Тот самый придурок, что заставил меня ждать! Именно тогда шары для боулинга неожиданно обрели совершенно новый смысл.

Тело одной из жертв в том отеле так и не было опознано, и по сей день личность девушки остается неустановленной. По оценке судмедэксперта, она была несовершеннолетней. Но тело второй жертвы полиции спустя месяц после убийства удалось опознать. На ней были босо-

ножки «Филипп Марко» на высоком каблуке, пошитые из натуральной кожи с эффектом потертости, и, благодаря эксклюзивности бренда, следователи смогли найти тот самый магазин, где девушка их купила: в городе Парамус, Нью-Джерси. Полиция пришла к выводу, что жертва жила в этом штате, и сосредоточилась на местных сообщениях о пропавших без вести женщинах, которые поступили незадолго до дня убийства. В конце концов рентгеновские снимки позвоночника и шрам после кесарева сечения навели их на медкарту двадцатидвухлетней Диде Гударзи из Трентона, работавшей в элитном эскорте. В 1978-м, за полтора года до убийства, с помощью кесарева сечения она родила девочку, от которой сразу же отказалась и отдала под опеку государственных служб Нью-Джерси.

После опознания Диде большим тиражом были опубликованы ее фотографии из полиции, сделанные во время арестов за проституцию. На них она выглядела действительно элегантно и вместе с тем страстно: дорогая изысканная одежда, длинные темные волосы, пухлые губы и прекрасные миндалевидные глаза. Когда Диде не вернулась домой, равнодушные к ее судьбе люди быстро сообщили об исчезновении девушки в полицию Нью-Джерси, и внимание следователей привлекли записи медкарты.

Как сообщили СМИ, она родилась в Кувейте, ее воспитывали бабушка и дедушка, а когда ей исполнилось четырнадцать лет, отец забрал Диде в Штаты, куда ранее переехал сам. Ее жизнь в Нью-Йорке и на Лонг-Айленде нельзя назвать простой. Из старшей школы Диди отчислили, а в шестнадцать лет она сбежала из дома. В итоге Гударзи начала работать девушкой по вызову в элитном эскорте и, прежде чем осесть в Трентоне, штат Нью-Джерси, успела пожить в Нью-Йорке, Флориде, Неваде и Калифорнии.

Ее лицо, глаза и печальная кончина преследовали меня с тех пор десятилетиями. Когда Диде убили, ей было двадцать два – всего на год младше меня. Какой долгий путь, должно быть, прошла она до встречи с серийным убийцей, и меня удивляло, что это произошло всего за несколько часов до того, как судьба столкнула меня с ним же.

Я задавался вопросом, что же стало с ее головой с прекрасными глазами и длинными темными волосами, которой меня ударили. Что Коттингем с ней сделал? Как бы старательно ни обыскивали полицейские территорию отеля, а водолазы – воды текущей рядом реки Гудзон, ныряя в нее с прогнивших причалов, – пропавших голов они не нашли. Коттингем унес их с собой в какое-то тайное место, где и оставил.

На протяжении десятилетий я иногда задавался вопросом о судьбе той девочки, которую Диде отдала на удочерение. словно крошечная душа в спасательной капсуле, она за девять месяцев до жестокого убийства унеслась в безопасное место, подальше от несчастной и неустроенной жизни матери, и осталась единственным напоминанием о Гударзи на всей земле. Я размышлял, как девочка пережила безжалостные жернова государственной системы опеки, в которые ее забросила жизнь, где она приземлилась, и узнает ли когда-нибудь, кем была ее биологическая мать и какая судьба ее постигла. Я представлял, как покачивается она на волнах жизни, словно обломок корабля, уцелевший после смертельной бури.

Тогда я еще не был знаком с термином «серийный убийца», который мог бы успокоить мое сердце своим наукообразием, дав четкое определение тому, с чем столкнулся я в вестибюле отеля. Убийство казалось мне неестественно чудовищным, как из комиксов «Байки из склепа», которые я читал в детстве. С таким же успехом мог я повстречать Дракулу, оборотня, чудовище Франкенштейна или любую другую нечисть из фильмов.

В мире, где у серийных убийц еще не имелось названия, описания и классификации, меня не оставляло ощущение, будто я встретил монстра в самом древнем смысле этого слова: *monstrum* в переводе с латыни означает «предзнаменование или предупреждение о воле богов»^[4].

Та встреча окончательно определила ту форму, в которой я впоследствии буду писать о серийных убийцах. В тщетных попытках придать серийным убийцам какой-то мало-мальски

человеческий облик или лишить их монструозные деяния потустороннего ореола, большая часть современной литературы о маньяках отрицает их чудовищную натуру. Но я зашел с противоположной стороны. Я открыл для себя монстра, который знаменует собой не столько волю богов, сколько тревожное состояние нашего общества. Я начал смотреть на них как на чудовищное искаженное отражение человеческой цивилизации в некоем кривом зеркале.

Моя мимолетная встреча с монстром вдохновила меня на поиски понимания феномена серийных убийц, его социальной и криминалистической истории. Как и когда впервые появились эти чудовища? Откуда они взялись и почему в последние десятилетия XX века их число резко увеличилось до такой степени, что я случайно встретился с одним из них, а потом со вторым и даже с третьим? Было ли их просто так много, что в период с 1970 по 1990 год мой жизненный путь совершенно непреднамеренно пересекся с путями трех разных серийных убийц в Нью-Йорке, Москве и Торонто, и к тому же до того, как их личности были установлены? Долгое время три эти встречи представлялись мне чем-то до ужаса из ряда вон выходящим, но, как мы увидим, на самом деле они были вполне себе обычными.

Единственное, что отличает меня от вас или других людей, случайно натывшихся на серийных убийц, – в моем случае я впоследствии узнал, что за люди мне попадались. К счастью, большинство этого никогда и не узнает.

Хоть Коттингем так и не достиг того уровня известности, как другие серийные убийцы, он очаровал многих экспертов в сфере расследования серийных убийств. Известный криминалист, доктор Роберт Кеппел, который занимался такими неординарными личностями, как Тед Банди и Гэри Риджуэй по прозвищу Убийца с Грин-Ривер, считает Коттингема фигурой поистине выдающейся на фоне рядовых серийных убийц-садистов. «Годами после того, как Коттингема посадили, я пытался понять, что могло побуждать к действию садистский сексуальный подтип серийного убийцы, и задавался вопросом, что же так заинтриговало меня в деле Ричарда. Отчасти это была мера изощренности пыток, которые он применял к своим жертвам. Коттингем не просто убивал и калечил тела, а заставлял жертв испытывать перед смертью боль и унижение. А потом уже издевался над трупами», – писал Кеппел^[5].

Больше всего в этой короткой встрече с серийным убийцей меня удивляет, каким обычным и невзрачным человеком он мне показался. Коттингем не выглядел злым или жестоким. В нем не было ничего угрожающего. Ни острых клыков, ни красных глаз, ни зловонного дыхания, ни пожелтевших ногтей. В облике Ричарда ничто не вызывало подозрений: вел он себя совершенно спокойно, не бормотал в болезненном бреде, а на его одежде не было следов крови, несмотря на то, что он только что отпилил головы двум жертвам. Аристократическим обаянием и статью Ганнибала Лектера он тоже не обладал. В крайнем случае он выглядел словно чем-то одурманенным и смотрел пустым взглядом – именно так, я полагаю, и выглядит утоленная жажда крови.

Коттингем был таким заурядным, что к тому времени, как я вышел из лифта на его этаже, уже забыл про него и не вспоминал до тех пор, пока не увидел фотографию в газете.

После его ареста я решил получше разобраться в вопросе. Первая прочитанная мною книга в жанре криминальной документалистики, повествующая о серийных убийствах, называлась «Убийца рядом со мной» (The Stranger Beside Me). Ее написала Энн Рул в 1980 году, выразив в ней свою неординарную точку зрения о культовом маньяке Тед Банди. При этом тогда термин «серийный убийца» в тексте нигде не использовался.

До 1980-го о серийных убийцах вроде Джека Потрошителя, Генри Говарда Холмса, Альберта Фиша, Эда Гина, Бостонского душителя, Сына Сэма, Джона Уэйна Гейси и Хиллсайдских душителей тоже выходили фильмы, писались статьи и книги, но никто, кроме полицейских, да и то изредка и между собой, не называл их серийными убийцами и, что еще важнее, не выделял их преступления в особый и уникальный вид. Каждое из них выступало самостоятельным делом.

В 1986 году вышла книга «Охота на людей: Как появились серийные убийцы» за авторством Эллиотта Лейтона, социального антрополога из Канады. В США она впервые была напечатана под названием «Хронические убийцы: Современная история множественных убийств» и являлась, наверное, самой первой популярной книгой, которая развернуто описала феномен серийных убийц и их социальный анамнез. Хотя сам термин «серийный убийца» и появляется на страницах, он все еще недостаточно знаком читателю, чтобы издатель поместил его в название книги^[6].

Работы о серийных убийцах как маятник колеблются между мифотворчеством и историчностью, между полюсами сверхъестественного и научно-криминалистического подхода, между желанием нагнать страху и попытками разобраться в их психологии. Как я в конце концов осознал, определение серийным убийцам даем мы сами и оно постоянно меняется вместе с обществом в ходе истории. Но на протяжении веков и до восьмидесятых годов мы понятия не имели, кто они такие и как их описать, кроме как словом «чудовища».

Как появился термин «серийный убийца»

Еще до того, как мы осознали суть серийного убийства как явления, нам уже нужен был для него термин. На протяжении своей, в большей степени современной, истории серийное убийство называли по-разному: убийство постороннего лица посторонним лицом (убийца и жертва не знакомы друг с другом), психоубийство, серия убийств; убийство ради развлечения, по схеме, ради удовольствия, на сексуальной почве; множественное убийство, последовательное, хроническое, многократное, беспричинное и – что способно порядком спутать карты – массовое убийство. Под последним мы сейчас понимаем однократный акт истребления большого количества людей за короткий промежуток времени. Никто не пытался ни придумать для серийного убийства единый термин, ни определить, в чем его суть, ни собрать воедино характеристики и информацию по делам разных преступников и классифицировать их по группам или категориям.

Сейчас «серийный убийца» стал таким же общеизвестным и универсальным термином, как «бумажные салфетки», «скотч» или «мусорный бак». Но тридцать пять лет назад наше восприятие серийных убийц напоминало первые сцены из фильмов про зомби, где только-только зарождается апокалипсис и все куда-то бегут, пытаясь понять, почему рухнет цивилизация. Эпидемия? Смертоносный токсин? Генетическая мутация? Каннибальская ярость, передающаяся по типу бешенства? Инопланетный вирус? Что-то сверхъестественное? И почему эта зомби-эпидемия распространяется?

К 1979 году, когда произошла моя первая роковая встреча, «эпидемия серийных убийц», получившая свое название многим позже, уже всю захватывала мир и ситуация лишь ухудшалась, если принять во внимание беспрецедентный всплеск преступлений такого рода в США и других странах. Но тем не менее названия этому явлению всё еще не было. Когда я прочитал «Убийцу рядом со мной», то понял: Коттингем был чем-то похож на Теда Банди, что-то взял от Джека Потрошителя, Бостонского душителя, Джона Уэйна Гейси – от всех «множественных» убийц из 60-х и 70-х, вроде Эдмунда Кемпера, Джерри Брудоса, Хуана Короны, Хиллсайдских душителей, Дина Корлла, Сына Сэма и так и оставшегося неизвестным Зодиака. Тем не менее различий между убийцами всё же больше, чем сходств. Некоторые выбирали в жертвы только проституток женского пола, кто-то охотился на геев, кто-то – только на детей, а другие – на студентов. Один убийца калечил несчастных, а другой – нет. Они использовали разное оружие – веревки, чулки, ножи, пистолеты – или же делали все голыми руками. Кто-то убивал в одном конкретном месте и оставался ему верен, другие же в поисках жертв проезжали тысячи миль. Одни убийцы бросали тела на обочине дороги, другие хоронили их на своих личных кладбищах где-нибудь в глухом лесу. Занимались они, по сути, одним и тем же – последова-

тельно лишали жизни нескольких человек, но каждый делал это по-своему, в определенной манере. Поэтому раньше и использовали термин «убийство по схеме».

Популярное представление о серийных убийцах сформировалось благодаря фильмам вроде «Психо», «Исступление», «Грязный Гарри», «Риллингтон-Плейс, дом 10», «Глаза Лауры Марс», «Безумие», «Маньяк», «Поезд страха». Большинство из них основано на реальных событиях. Серийные убийцы в основном воспринимались как просто безумцы или необъяснимые монстры, вроде фантастически неуязвимого Джейсона из серии фильмов «Пятница, 13-е» или Майкла Майерса из «Хеллоуина». Фактически первый фильм «Пятница, 13-е» и «Хеллоуин» вышли в 1980 и 1978 годах соответственно, еще до того, как термин «серийный убийца» вошел в массовую культуру.

Не существовало ни единого общепринятого слова, способного описать этих кровожадных хищников и их образ действий. А без термина не было и представления о явлении. В то время как правоохранные органы осознавали, что оно существует и распространяется, широкая общественность и массмедиа упорно его не замечали.

Только с мая 1981 года в средствах массовой информации начали появляться первые упоминания о серийных преступлениях и предприниматься попытки описать серийных убийц. Вот что написали в газете «Нью-Йорк таймс» про Уэйна Уильямса, подозреваемого в убийстве тридцати одного ребенка в Атланте в период с 1979 по 1981 год: «Данный инцидент укрепил многих сотрудников правоохранных органов Атланты и судмедэкспертов во мнении, что лишь некоторые из убийств можно расценивать как деяния „серийного“, или „схематичного“ убийцы...»^[7]

Если считать «Нью-Йорк таймс» главным официальным печатным органом США, то Уэйн Уильямс – наш первый документально засвидетельствованный серийный убийца. У термина «серийный убийца» нет четкой истории происхождения, и вполне вероятно, что несколько человек предложили его независимо друг от друга. По словам покойной Энн Рул, писавшей в жанре криминальной документалистики, первым его ввел в оборот калифорнийский детектив Пирс Брукс^[8]. Ее коллега по жанру, Майкл Ньютон, отмечает, что данный термин использовал Джон Брофи в своей книге «Смысл убийства» (1966)^[9]. Писатель Гарольд Шехтер и исследователь криминальных отклонений Ли Меллор обнаружили, что Эрнст Август Фердинанд Геннат, глава полиции Берлина, еще в 1930 году применял понятие *Serienmörder* («серийное убийство») по отношению к преступлениям, совершенным Петером Кюртеном^[10].

Самый первый случай использования термина «серийное убийство» на английском языке в печати, которое я смог найти, принадлежит Роберту Эйслеру – библеисту, историку и выжившему узнику концентрационного лагеря. Эйслер включал его в комментарии к лекции о садизме и антропологии, которую читал в Королевском медицинском обществе в Лондоне в 1948 году. Ее текст был опубликован посмертно в 1951 году в книге с огромным количеством примечаний под названием «Из человека в зверя: садизм, мазохизм и ликантропия с точки зрения антропологии» (*Man into Wolf: An Anthropological Interpretation of Sadism, Masochism, and Lycanthropy*). Говоря о врожденном детском садизме, Эйслер писал: «На серийные убийства в детских представлениях театра «Панч и Джуди» так весело смотреть, потому что куклы сделаны из дерева и удар по бесчувственным головам звучит именно как стук по дереву. Тем не менее это веселье – всего лишь безобидная эмоциональная разрядка от младенческой тяги к жестокости»^[11].

¹ Возможно, впервые словосочетание «серийный убийца из Уайтчепела» было употреблено еще раньше, а именно в номере «Лондон дейли пост» от 9 ноября 1888 года, посвященном Джеку Потрошителю. Слова эти найдены в подборке газетных вырезок Викторианской эпохи, за подлинность которых я не готов был поручиться до выхода этой книги в печать. См. конец первого абзаца второй колонки на изображении: <http://www.alamy.com/stock-photo-the-londonpost-november-9th-1888-clippings-of-the-fifthand-final-52938673.html>. Выражаю особую благодарность Бетти Макки за то, что обратила мое внимание на эту деталь.

Как считаю я сам и, возможно, еще несколько человек, создателем термина «серийный убийца» в том виде, что мы знаем сегодня, был, вероятнее всего, Роберт К. Ресслер – агент ФБР и криминалист-бихевиорист. В своих мемуарах Ресслер отмечает, что, на его взгляд, популярный термин «убийство постороннего лица посторонним лицом» неуместен для обозначения серийных убийств, так как жертвами становились и близкие люди. В 1974 году Ресслер преподавал в полицейской академии в Англии – тогда-то он и услышал, как в название некоторых преступлений включают слово «серия». Серия изнасилований, серия поджогов, серия краж со взломом или убийств.

Ресслер говорил, что подобное описание напомнило ему о термине из киноиндустрии, которым описывали короткие эпизодические шоу, показываемые в кино по субботам в тридцатые и сороковые годы: «серийные приключения» (*serial adventures*). Неделю за неделей они вновь и вновь заманивали зрителей в кинотеатр, заканчиваясь, что называется, на самом интересном месте. Вместо того чтобы удовлетворить аудиторию, их концовки лишь усиливали напряжение. Ресслер считал, что подобным образом себя чувствуют после преступления все серийные убийцы: испытывают напряжение и желание совершить другое, более идеальное убийство, которое будет еще ближе к их фантазиям. Вместо того чтобы получить удовлетворение от убийства, серийные убийцы вынуждены лишать жертв жизни снова и снова – и таким образом оказываются в цикле захватывающих, как серийные фильмы, преступлений. Ресслер утверждал, что словосочетание «серийное убийство» – отличный термин для описания хронических множественных убийств, с которыми, как он был убежден, ему приходилось иметь дело^[12].

Классификация серийных убийц

Пока Ресслер в одиночку бился над проблемой названия, он же вместе со своим коллегой Джоном Эдвардом Дугласом из отдела бихевиористики ФБР (ОБ), который сейчас называется отделом поведенческого анализа (ОПА), и медицинским криминалистом Энн Уолберт Берджесс опрашивали двадцать девять серийных убийц, совершивших преступления на сексуальной почве, и семь осужденных за единичные убийства на той же почве. Следователи задавали вопросы о детстве, их фантазиях и о том, что думают о содеянном сами маньяки. Интервью проводились в конце 70-х и начале 80-х и позже дали начало неоднозначной системе профилирования ФБР, разделяющей серийных убийц на три типа: *организованный, дезорганизованный и смешанный*.

Организованные серийные убийцы тщательно планируют свои преступления, терпеливо выслеживают жертв, зачастую пользуются обаянием и хитростью, чтобы похитить их или получить над ними власть. Заранее подготавливают оружие и средства фиксации, а после пытаются зачистить место преступления, уничтожая следы. Как правило, они встречаются с жертвами и похищают их в одном месте, убивают в другом и избавляются от тел в третьем, что очень затрудняет восстановление хронологии событий. Такие преступники умны, общительны, физически привлекательны, женаты или состоят в отношениях, имеют работу, красиво одеваются, живут в ухоженных квартирах, ездят на хороших чистых автомобилях, и так далее.

Дезорганизованные серийные убийцы не планируют убийств, часто действуют по прихоти, спонтанно; для похищения и усмирения жертв используют грубую силу; нападают внезапно. Им не хватает социальных навыков, чтобы очаровать своих жертв, к тому же зачастую они являются одиночками, безработными или бродягами. Такие преступники используют импровизированное оружие, найденное на месте происшествия, часто бросают тела жертв там, где с ними столкнулись и убили, и оставляют место преступления в беспорядке, с большим количеством улики. Часто эти люди физически непривлекательны, живут в грязных и захламленных квартирах и ездят на отживших свой век колымагах.

К несчастью для классификации ФБР, очень немногих серийных убийц можно отнести к одной из двух категорий – большинство преступников представляют собой смесь характеристик как организованного, так и дезорганизованного типа. Поэтому ФБР ввели третью категорию – *смешанную*: ни о чем особо не говорящее сочетание первых двух категорий.

Несмотря на недостатки классификации типов преступников, она стала прорывом, который существенно помог исследователям в этой области, – первой попыткой распределить индивидуальных серийных убийц по категориям или кластерам со специфическими характеристиками. Целью исследований ФБР было не столько разгадать тайну психологии серийного убийцы, сколько понять, как особенности места преступления могут способствовать идентификации преступника, или, говоря языком ФБР, «несуба» (неопознанного субъекта). Как однажды сказал Джон Дуглас: «Если хотите понять художника – посмотрите на его картины».

Результаты бесед с заключенными были напечатаны в учебнике 1988 года «Модели и мотивы убийств на сексуальной почве» – одном из первых научно-образовательных исследований, которое почти полностью посвящено поведению, особенностям, фантазиям и детству сексуальных серийных убийц, а также содержит простое руководство по их профилированию^[13]. Ресслер, Дуглас и Берджесс, выступившие авторами труда, являются для США первопроходцами в профилировании серийных преступников и психологическом анализе места преступления наряду с более ранними новаторами вроде Уолтера Чарльза Ленгера, который в сороковых составлял психологическое досье на Адольфа Гитлера для американской разведки, доктора Джозефа Пола де Ривера – психиатра Департамента полиции Лос-Анджелеса, Джеймса Брасела – психиатра из Нью-Йорка, знаменитого своими психологическими портретами серийного бомбометателя Джорджа Матески (1950-е) и Бостонского душителя (1960-е), детектива Пирса Брукса из Лос-Анджелеса, агентов ФБР Говарда Тетена и Роя Хейзелвуда, судебного психолога из Мичигана Ричарда Уолтера и Роберта Кеппела, главного прокурора и следователя штата Вашингтон.

После выхода в печать «Моделей и мотивов» в 1988 году у нас появилось более полное понимание термина «серийный убийца» и гораздо более конкретное, хоть и несколько зачаточное описание его содержания. Вышедшая три года спустя экранизация романа Томаса Харриса «Молчание ягнят» сделала противостояние серийных убийц и агентов-профайлеров ФБР популярным сюжетом в искусстве.

Причины всплеска серийных убийств в 70-х и 80-х годах

Если вам, как и мне, за пятьдесят, то вы помните более чистый, невинный мир, над которым не нависало угрозы в виде серийных убийц. Мир, который на первый взгляд был безопасным и добрым, но превратился в место, кишашее человекоподобными чудовищными маньяками, похожими на зомби.

Ситкомы «Отец знает лучше» и «Предоставьте это Биверу», выходящие с конца 50-х до начала 60-х, были не просто телесериалами, под завязку набитыми всевозможными клише. Та эпоха дышала настоящей наивностью, и наивность эта была особенно ошутимой для детей. В те времена мало кто представлял себе мир, в котором отец из ситкома «Предоставьте это Биверу» закапывает трупы в подвале или развращает маленького главного героя, пока его мама позирует для откровенных рекламных объявлений, чтобы завлечь жертв к ним домой, а старший брат Уолли издевается над их домашним котом и параллельно с этим мастурбирует на мужские приключенческие журналы или подглядывает за соседом через окно с ножом в руке.

В невинных 50-х молоко в прозрачных стеклянных бутылках доставлялось прямо до дверей молочниками в белоснежной форменной одежде, а не продавалось в вошенных картонных пакетах с напечатанными на них фотографиями пропавших детей. В 50-х и начале 60-х люди оставляли двери незапертыми, а окна открытыми.

Но к концу 60-х всё изменилось. Мощный рост числа серийных убийств в тот период прямо-таки поражает.

- Согласно базе данных серийных убийц, созданной Рэдфордским университетом и Флоридским университетом побережья Мексиканского залива (ФУПМЗ), из 2236 преступников, зарегистрированных в США в период с 1900 по 2000 год, 82 % (1840 человек) заявили о себе в период с 1970 по 2000 год^[14].

- Еще одно исследование 431 преступления, совершенного серийными убийцами в Соединенных Штатах в период с 1800 по 2004 год, показало, что 65 % (234 дела) произошли в период с 1970 по 2004 год^[15].

- За двадцать пять лет, с 1970 по 1995 год, число активных серийных убийц увеличилось в десять раз в сравнении с периодом с 1800 по 1969 год (169 лет)^[16].

За последние тридцать лет рост числа серийных убийц в разы опередил рост населения в Соединенных Штатах. К 1980-м всплеск так сильно напоминал эпидемию, что серийные убийства начал изучать Центр по контролю и профилактике заболеваний (ЦКПЗ) в Атланте, а Конгресс США провел слушания по этому вопросу^[17] (подробнее об «эпидемии серийных убийц» читайте в главе 13).

Только подумайте, как часто термин «серийный убийца» использовался в газете «Нью-Йорк таймс». В течение десяти лет с момента первого его появления в 1981 году словосочетание «серийный убийца» было употреблено в газете 253 раза, а в 90-е, еще десять лет спустя, это число возросло до 2514 раз^[18].

К 90-м на серийных убийствах в качестве развлечения помешались не только те немногие преступники, что их совершали, но и миллионная аудитория, которая читала книги и смотрела фильмы о них в кино и по телевизору. Серийным маньякам посвящали коллекционные карточки, календари, фан-клубы. Появились и собиратели вещей, принадлежавших маньякам, в том числе созданных ими произведений искусства. К 1990 году образ серийного убийцы прочно закрепился в американской массовой культуре, заняв свое место среди динозавров, ковбоев, зомби и бейсбола.

Случайные встречи с серийными убийцами

Через семь лет после мимолетной встречи с Коттингемом в Нью-Йорке я пошел работать на телеканал «Си-эн-эн». Когда Тед Тернер, его основатель, еще только запускал «Си-эн-эн», многих своих сотрудников и служащих техперсонала компания приглашала из отделов новостей телецентров в Атланте, где базировалась телекорпорация «Тернер бродкастинг». Почти все, с кем я работал, рассказывали о своих личных встречах с серийным убийцей из Атланты Уэйном Уильямсом, который искал работу нештатным оператором для местного новостного телеканала. Слушая их и вспоминая столкновение с Коттингемом в 1979-м, я чувствовал, что не одинок.

Потом, в октябре 1990 года, я случайно столкнулся со своим вторым серийным убийцей. Во время съемок документального фильма в Москве, в полном митингующих палаточном городке, мне предложил взять интервью печально известный Андрей Чикатило, он же Красный Потрошитель или Гражданин Икс². Встреча произошла за несколько недель до того, как он вернулся в Ростовскую область, чтобы убить свою пятьдесят третью жертву, и был арестован. Годы Чикатило убивал, мучил, а иногда и ел женщин, подростков и детей обоих полов. Когда его поймали, он занял первое место в списке самых кровавых серийных маньяков

² У Чикатило были и другие прозвища: Ростовский потрошитель, Убийца из лесополосы, Сатана, Бешеный зверь, Советский Джек Потрошитель, Ростовское чудовище (*прим. ред.*)

всех времен, поскольку лишил жизни пятьдесят три человека (сейчас он находится на шестой позиции^[19]).

В отличие от неловкой, молчаливой встречи с более скрытным Коттингемом за одиннадцать лет до этого, с Чикатило мне даже удалось несколько минут побеседовать (я говорю по-русски), пока он пытался убедить меня снять с ним интервью. Чикатило хотел поговорить не об убийствах, а о какой-то абсурдной истории о том, как некая банда в его родном городе строит общественные туалеты рядом с его многоквартирным домом и что он приехал в Москву пожаловаться лично президенту СССР Михаилу Горбачеву.

История эта мне показалась глупой, особенно в сравнении с бедами других русских из этого палаточного городка, и, не желая тратить нашу драгоценную пленку на запись, я ему отказал: в 1990 году видеолента для вещательной камеры была очень дорогой и достать ее в России было тяжело. Как и в случае с Коттингемом, о том, что столкнулся со вторым в своей жизни чудовищем в естественной среде обитания, я узнал гораздо позже. Мои случайные встречи с двумя серийными убийцами, *моими серийными убийцами*, выглядели как очень странное совпадение. Серийные убийцы – большая редкость. Один раз может произойти всё, что угодно, хоть удар молнии, но две случайные встречи с серийным убийцей – это уже нечто из ряда вон выходящее. В то же время это заставило меня задуматься о том, что я вполне мог пересечься и с другими преступниками, но не знать об этом: вероятно, маньяков было три или даже больше – и эта мысль в конечном итоге вдохновила меня на написание в 2004 году первой книги о серийных убийцах.

И действительно, когда в 2005 году ФБР изменило определение «серийности» с «трех и более убийств» на «два и более», я понял, что на самом деле за свою жизнь встретил трех серийных маньяков. С третьим я столкнулся в начале 1980-х между его первым и вторым преступлениями, когда он еще только собирался стать серийным убийцей.

Я тогда работал под прикрытием в Ку-клукс-клане и снимал документальный фильм. Гэри Макфарлэйн по прозвищу Мик был охранником местного притона Ку-клукс-клана и к тому времени уже убил одного человека. Суд признал его невиновным по причине невменяемости. Несколько лет Макфарлэйн провел в психиатрическом учреждении и был освобожден после того, как врачи признали его вменяемым. Макфарлэйн нашел работу кинологом в охранной организации и вступил в Ку-клукс-клан. Через несколько лет после нашей встречи я прочел в газетах, что он убил еще одного человека. В 1980-х это не делало его серийным убийцей, но, как только ФБР понизило критерий количества жертв с трех до двух, задним числом он стал моим третьим серийным убийцей. Я размышлял, насколько это странно: абсолютно случайно встретить трех серийных убийц.

Мне не следовало так сильно переживать по поводу своих близких знакомств с серийными маньяками. *Моего* первого серийного убийцу я встретил в 1979 году, но к этому времени жена президента США уже успела встретиться со *своим*: Джон Уэйн Гейси, организатор ежегодного парада в честь дня польской Конституции в Чикаго, принимал у себя в мае 1978 года Розалин, супругу Джимми Картера. Пресс-служба Белого дома опубликовала официальное фото, на котором первая леди запечатлена с Гейси^[20]. Шесть месяцев спустя, к большому смущению резиденции президента, полиция обнаружила в подвале дома Джона Уэйна двадцать шесть гниющих трупов и еще несколько жертв, похороненных в другом месте.

Примерно в то же время Уолтер Мондейл, вице-президент США в администрации Джимми Картера, встретил *своего* серийного убийцу: подростка Джеффри Дамера, который во время поездки с классом в Вашингтон в компании друзей организовал незапланированную встречу-розыгрыш с вице-президентом (до этого он пытался встретиться с самим Картером, но не получилось)^[21].

А в 1977 году губернатор Калифорнии Джерри Браун не только столкнулся со *своим* серийным убийцей, а еще обнимал его и танцевал с ним. Доротея Пуэнте, владелица «пансио-

ната смерти» в Сакраменто, штат Калифорния, которая закопала нескольких из девяти пожилых жертв в своем же розарии, бронировала столики на политических мероприятиях по сбору средств. На одном из них она встретила губернатора и танцевала с ним^[22].

Если некоторые серийные убийцы посещали новостные редакции на телевидении, сопровождали первых леди, ходили по Белому дому и танцевали с губернаторами, то мои мимолетные встречи на их фоне начинали выглядеть довольно блеклыми. Было похоже, что на серийного убийцу рано или поздно наткнется каждый.

Считается, что Родни Алькала, осужденный за убийство семи женщин и подозреваемый еще в 130 преступлениях, в 1970 году брал уроки кинопроизводства у Романа Полански, который за год до этого разминулся с маньяками из секты «Семья» Чарли Мэнсона (их можно назвать серийными убийцами) после того, как они убили его беременную жену Шэрон Тэйт в ее же доме^[23]. Интересно, что актера Стива Маккуина и писателя Ежи Косинского также пригласили в гости в тот вечер, но те не пришли.

Серийные убийцы даже появлялись на телевидении. Тот же Родни Алькала в 1978 году участвовал в «Игре знакомств» (и выиграл), в то время как Эдвард Уэйн Эдвардс, лишивший жизни как минимум пять человек, появился сразу на двух телешоу: «По правде говоря» и «Кем я работаю?», хоть и был на тот момент уже осужден^[24]. И совсем недавно британский серийный маньяк-некрофил Стивен Порт по прозвищу Убийца из «Грайндра»³ появился на местном шоу «Мастер Шеф», где готовил фрикадельки. При этом он убил, а затем изнасиловал как минимум четырех мужчин^[25].

В настоящее время даже известны казусы, когда серийным убийцам доводилось случайно пересечься с другими, себе подобными преступниками. Например, серийного маньяка и участника сатанинского культа в Чикаго Робина Гехта, позже обвиненного в групповом изнасиловании, членовредительстве, каннибализме и убийстве семнадцати жертв женского пола, Джон Гейси нанял к себе рабочим. Ни один из них не догадывался о темных делах другого.

Адольф Джеймс Роуд, он же Сезар Барон, утверждал, что Тед Банди лично его «обучал», когда они какое-то время делили одну тюремную камеру во Флориде. Барону поручили раздавать подносы с пищей, а потом он рассказывал людям, что Банди нашептывал ему, как легко убивать женщин и избавляться от улики^[26]. Позже Барон изнасиловал и убил четырех женщин.

Но самое интересное еще впереди! Известно дело о том, как один серийный убийца лишил жизни другого: в 1973 году Уэйн Хенли застрелил Дина Корлла, Сластену, после того как в Хьюстоне, штат Техас, они вместе замучили, изнасиловали и убили двадцать восемь подростков мужского пола. Корлл угрожал Хенли тем, что хочет сделать его своей двадцать девятой жертвой, а тот ударил первым и свершил правосудие в стиле Декстера.

Ситуация действительно напоминала эпидемию зомби, только на их месте находились серийные убийцы: выглядело так, будто они кусают людей, заражают их тягой к преступлениям и даже бросаются друг на друга.

К девятистому термин «серийный убийца» был знаком всем, и многие люди сталкивались с такими преступниками сами, хотя бы на мгновение или чуть дольше. Считается, что не только Полански, но и другие знаменитости тоже встречали серийных маньяков. Шон Пенн, отсидевший в 1987 году шестьдесят дней в тюрьме округа Лос-Анджелес за опасное вождение, обменивался записками с Ричардом Рамиресом по прозвищу Ночной странник^[27]. Светловолосую певицу Дебби Харри, когда она как-то раз в начале 1970-х голосовала на дороге, подобрал Тед Банди, но, как только его поведение показалось ей подозрительным, девушка сбежала из машины^[28]. Некоторые знаменитости даже стали жертвами серийных убийц. В 1978 году в Ларри Флинта – экстравагантного главного редактора журнала «Хастлер» – стрелял Джозеф Пол Франклин, что привело к пожизненному параличу. То был серийный «маньяк-миссио-

³ *Grindr* – приложение, обеспечивающее доступ к геосоциальной сети для геев и бисексуальных мужчин (прим. ред.).

нер», одержимый расовой ненавистью и ненавидящий межрасовые пары. Он лишил жизни как минимум восемь человек и подозревался в убийстве двадцати двух. В журнале Флинта как раз присутствовали изображения межрасового секса. А итальянский модельер Джанни Версаче был убит в 1997 году на крыльце своего дома в Майами-Бич серийным убийцей Эндрю Кьюнененом.

В 2001 году актер Эштон Кутчер обнаружил тело своей подруги, убитой серийным маньяком по прозвищу Голливудский Потрошитель, который в настоящее время ожидает суда и обвиняется в трех убийствах, совершенных с 1993 по 2005 год, и подозревается еще в семи^[29]. Рассел Уильямс, полковник ВВС и серийный убийца, был пилотом самолета канадского президента, и с ним летал не только премьер-министр, но и другие высокопоставленные лица, включая королеву Елизавету. И в то же время он снимал на видео изнасилование и убийство двух женщин, одна из которых была капралом ВВС под командованием Уильямса, и совершил сотни краж женского нижнего белья^[30].

С момента, как вышла моя книга «Серийные убийцы: классификация безумных монстров», я получил десятки писем, в которых люди рассказывают о своих встречах с маньяками: как дружили в школе, общались на работе, жили по соседству или ехали попутчиками на одной машине. Большинство историй производят впечатление вполне достоверных, и в этом легко убедиться, сверив дату и место. Если им везло, встречи с убийцами проходили безобидно. Присылали и истории, так сказать, с хорошим концом, в том числе одну от бывшего снайпера-разведчика морской пехоты, который переспал в Калифорнии с гомосексуальным серийным убийцей Рэнди Крафтом по прозвищу «Маньяк со списком» или «Убийца с автострады». Крафт был осужден за накачку наркотиками, насилие и убийство шестнадцати молодых людей – некоторые из них служили в морской пехоте – и подозревался еще в шестидесяти семи преступлениях. В своем письме бывший морпех говорил, что Крафт «спас» его и подарил ему цель в жизни. В 2013 году он опубликовал свой рассказ, написав: «Благодаря ему я почувствовал себя значимым. В его словах я не сомневался. На один невероятно прекрасный калифорнийский вечер я без памяти в него влюбился. И ни один мужчина ни до, ни после нашей встречи не смог повлиять на меня столь же сильно»^[31].

В некотором роде это не лишено смысла. Все мы каждый день регулярно сталкиваемся с десятками людей, и серийные убийцы – не исключение. Большинство людей, с которыми им доводится встречаться, они не трогают. Таким образом, с этими монстрами, осознанно или же сами того не желая, встречались тысячи человек. Плохо все заканчивается лишь для пары не очень везучих ребят.

Их число, однако, резко возросло в семидесятых и восьмидесятых годах, когда на заброшенных участках, в кустах, лесу, на тайных кладбищах, в придорожных канавах, на свалках, в водопропускных трубах, в реках и болотах, закопанными в садах, в подвалах, на чердаках, а также на фото- или видеопленках стали появляться спрятанные смертоносные трофеи – завернутые в полиэтиленовые пакеты трупы. Я задался вопросом, сколько серийных убийц средний человек встречал в очереди в «Макдоналдсе», со сколькими сидел в автобусе, парковал рядом машину у торгового центра или просто случайно пересекался на улице?

Даже один из моих читателей оказался довольно известным серийным убийцей. Когда опознали и арестовали Денниса Рейдера по прозвищу Убийца СПУ (связать, пытать, убить), у него с собой была моя первая книга, а также труд моей коллеги Кэтрин Рамсланд, писательницы и профессора судебной психологии^[32]. Мысль об этом «профессиональном одобрении» до сих пор вызывает у меня дрожь.

К девяностым, даже если многие лично не сталкивались с серийными убийцами, то все равно считали, что преступники – все поголовно белые мужчины, которые как минимум три раза с перерывами совершили убийство на сексуальной почве. Но к 2010 году все изменилось. У профайлеров больше не осталось уверенности, что «несуб» окажется белым мужчиной.

Современные исследования показали, что от пятидесяти до шестидесяти процентов серийных убийц того времени – афроамериканцы, хоть они и редко попадали на первые полосы газет^[33]. Преступники, как правило, убивают представителей своей же расы, и серийные убийцы часто выбирают в жертвы маргиналов и проституток, которые не привлекут внимания СМИ. Убийство одиннадцати бедных женщин Энтони Соуэллом, прозванным Кливлендским душителем, в 2007 и 2008 годах стало новостью только потому, что он хранил их тела прямо у себя дома, несмотря на запах разлагающейся плоти и жалобы соседей. Лонни Франклин-младший по прозвищу Угрюмый спящий подозревается в убийствах сотен социально отчужденных женщин в Калифорнии, которые в течение трех десятилетий в основном игнорировались и не расследовались, пока он не был окончательно осужден в 2016 году за одиннадцать серийных убийств. Лоренцо Гильярд по кличке Душитель из Канзас-Сити обвинялся в убийстве тринадцати женщин и осужден за шесть из них. У большинства жертв рты были набиты салфетками или бумажными полотенцами, их насиловали и душили, у них не было обуви. Несмотря на большое количество трупов, имена этих чернокожих серийных убийц привлекли гораздо меньше внимания, чем имена белых маньяков, таких, как Тед Банди или Джон Уэйн Гейси.

К нулевым почти каждая шестая из серийных убийц была женщиной, пятьдесят три процента из них убили как минимум одного ребенка или женщину, а с восьмидесятих количество серийных убийц женского пола, предпочитающих в качестве жертв незнакомцев, слегка увеличилось, бросая тем самым вызов стереотипу о «Черной вдове», согласно которому женщины убивают только своих мужей или любовников^[34]. Известные как «тихие убийцы», женщины часто даже не признаются серийными убийцами. Например, техасская медсестра Дженин Джонс, подозреваемая в убийстве шестидесяти детей на ее попечении, была привлечена к уголовной ответственности за убийство только двух младенцев и получила такой срок, что в 2017-м уже могла выйти из тюрьмы. В отчаянной попытке предотвратить ее освобождение в мае 2017 года власти обвинили ее в еще нескольких убийствах, совершенных в период с 1977 по 1982 год. Также известно, что серийные убийцы женщины объединяются с серийными убийцами мужчинами и заводят с ними отношения, как, например, Карла Хомолка из Канады, которая вместе со своим мужем, Полом Бернардо, изнасиловала трех девочек-подростков, включая свою младшую сестру, и Шарлин Аделл (Уильямс) Гальего, которая со своим мужем Джеральдом замучила, изнасиловала и убила десять жертв. Интересно, что после ареста и дачи показаний против своих мужей обоим женщинам были вынесены относительно мягкие приговоры. Сейчас они уже вышли на свободу. Все три случая подробно описаны в моей книге «Женщины-серийные убийцы: Как и почему они превращаются в монстров». О жизни Карлы Хомолки после освобождения читайте в книге *Paul Bernardo and Karla Homolka: The Ken and Barbie Killers*.

Как только мы решили, что знаем, кто такие серийные убийцы, нам сразу же пришлось это переосмыслить.

Новый взгляд на серийных убийц

Существует множество определений понятия «серийное убийство»:

- Убийство не менее трех человек за период в более чем тридцать дней^[35]
- Два и более убийства, совершенные в разное время в разных местах, притом что все жертвы незнакомы, но обладают общими чертами, а сам преступник, движимый своими фантазиями, действует импульсивно и не получает от совершенного деяния материальной выгоды^[36].
- Два и более убийства, совершенных человеком, действующим в одиночку или в сговоре, в течение определенного периода с временным промежутком перед новым преступлением^[37].
- Три и более умышленных убийства, не связанных между собой, совершенных в неволе, по собственной воле преступника и в течение определенного периода времени^[38].

- Десять и более убийств, совершенных одним и тем же лицом. Убийства носят насильственный и жестокий характер, но для серийного преступника они принимают еще и вид ритуала, имея для него особое значение^[39].

- Два и более убийства на протяжении определенного времени с периодами эмоционального охлаждения между преступлениями^[40].

До 2005 года традиционным определением серийного убийства оставалось сформулированное ФБР еще в восьмидесятых: три убийства, не связанные между собой и совершенные с периодами «охлаждения» между ними. Зачастую его ошибочно используют как действующее определение. В конце концов ФБР пришло к выводу, что определение через три убийства представляет некоторые статистические и теоретические проблемы. Под него не попадали убийцы с очевидной и диагностируемой психопатологией, свойственной маньякам, но задержанные до того, как они могли бы совершить третье преступление. Оно не учитывало лиц, признанных виновными лишь в двух совершенных убийствах, что технически исключало из списка некоторых известных истории серийных убийц вроде Альберта Фиша, Эда Гина, Альберта де Сальво и Уэйна Уильямса, которым предъявили обвинение лишь в одном-двух убийствах, несмотря на убедительные подозрения в совершении большего числа преступлений. Как правило, на счету серийного маньяка не только доказанные преступления, но и некоторое количество предполагаемых жертв. И если убийца признан виновным в пределах юрисдикции одного штата, другие юрисдикции уже не утруждаются его экстрадицией и возбуждением против него судебного процесса: это весьма дорогостоящее дело.

Также эксперты не сходятся во мнениях, являются ли определяющим фактором для серийных убийц навязчивые фантазии сексуального характера, реализуемые в их преступлениях? Мы обсуждали разные вопросы. Всегда ли преступники мужчины? Всегда ли они не знакомы с жертвами? А если и так, можно ли считать наемных убийц, бандитов, военных преступников, массово истреблявших мирное население, и террористов серийными убийцами, поскольку они тоже лишают жизни незнакомых им людей независимо друг от друга, с периодами «охлаждения»? Или же серийному маньяку необходимо выбирать свою жертву, и что тогда определяет его выбор? Является ли серийное убийство вторичным симптомом таких расстройств поведения, как психопатия или социопатия, или оно представляет собой особый аддитивный вид парафилии (сексуальной девиации), называемый эротофонофилией? Подробнее о парафилиях и эротофонофилии рассказывается ниже. Многие из этих вопросов все еще обсуждаются на конференциях и появляются на страницах судебно-медицинской научной литературы.

В 2005 году в Сан-Антонио на конференции экспертов во время симпозиума по серийным убийствам, организованного Национальным центром по анализу насильственных преступлений (NCAVC) и Отделом поведенческого анализа ФБР, было наконец предложено новое определение серийного убийства: «Через противозаконных убийств двух или более человек, совершенных одним и тем же лицом или группой лиц независимо друг от друга и с любым мотивом, будь то гнев, возбуждение, финансовая выгода или привлечение внимания»^[41].

Другими словами, новый собирательный термин, предложенный ФБР, охватывает женщин, массово убивавших людей с целью геноцида преступников, наемных убийц, гангстеров, серийных маньяков-миссионеров, чьими жертвами стали гинекологи, проводившие аборт, или межрасовые пары, и даже террористов – всех, кто независимо друг от друга совершает противозаконные убийства двух или более людей.

Большинство современных специалистов данное определение серийного убийства поддерживают и также воспринимают преступления подобного рода как «убийства двух или более человек, с любым мотивом, совершенные как отдельные преступления с периодами охлаждения между ними»^[42]. Однако все еще ведутся споры о том, что именно подразумевается под «периодом охлаждения» и каков его минимальный временной промежуток^[43]. Если, к при-

меру, взять Эндрю Кьюненена, который всего за несколько недель убил дизайнера Джанни Версаче и еще четырех несчастных, Пола Джона Ноулза, чьими жертвами в 1974 году за четыре месяца «веселья» стали восемнадцать человек, Кристофера Уайлдера, в 1984 году за время шестинедельного убийственного тура через всю страну лишившего жизни восемь женщин, или Вашингтонских снайперов, что за неделю расправились с семнадцатью жертвами, – то из них никто в периоды охлаждения не возвращался к нормальному существованию. Они пребывали в готовности убивать на протяжении недель или даже месяцев. Были ли они «запойными» серийными убийцами? Или все, что они совершили, можно считать одним преступлением, растянувшимся на более долгий срок?

Как представляется, определение прольет новый свет на преступников прошлого и под него попадут наемные убийцы, «ангелы смерти» – медсестры и сиделки, которые «избавляют от страданий» младенцев, смертельно больных или пожилых людей, – родители и опекуны с делегированным синдромом Мюнхгаузена, «черные вдовы», военные преступники, террористы, наемники и те, кто убивал людей с целью геноцида, – все, у кого зачастую диагностируют те же расстройства поведения и психопатологии, что и у классических серийных убийц, совершивших преступление на сексуальной почве, а также те, кто испытывает периоды охлаждения в перерывах между совершенными преступлениями. Теперь статистика в большей степени, чем мы ожидали, пополнится серийными убийцами прошлых лет. А в будущем под данное определение будет подпадать еще больше преступлений, что может исказить и спутать статистические данные.

Для простоты в этой книге мы остановимся на тех категориях серийных убийц, которые лежат в плоскости классического образа движимого сексуальными фантазиями маньяка. Среди них выделяют несколько типов:

- меркантильные гедонисты – те, мотивами которых служат материальная выгода, вознаграждение или какая-либо прибыль, как в случае с «черными вдовами», то есть серийными убийцами-женщинами, организованными бандами наемников или «сикариос» – вооруженными боевиками на службе наркокартелей;

- гедонисты – искатели ощущений – те, для которых убийство служит источником развлечения или предметом славы, помогает ощутить власть и контроль, восстанавливает их жизненные силы;

- миссионеры – убивают ради мести или же на почве религиозной, идеологической или расовой ненависти. К этой категории можно отнести террористов; военных преступников, устроивших геноцид мирного населения; убийц бездомных, иммигрантов, межрасовых пар, гинекологов, проводивших аборт, осужденных «ангелов смерти» и даже тех, кто избирает жертвами исключительно проституток с целью очистить от них общество;

- визионеры (встречаются очень редко) – признаются экспертизой невменяемыми, страдают галлюцинациями и бредовыми иллюзиями, вызванными психическими заболеваниями. Зачастую не осознают своих действий;

- серийные убийцы с делегированным синдромом Мюнхгаузена ищут сочувствия и внимания, когда умирают близкие им люди. Чаще всего они женского пола: матери и няни, убивающие детей, о которых заботятся. Также к ним относят медсестер и медбратьев, чье стремление выглядеть героями и привлечь к себе внимание так велико, что они лишают жизни своих пациентов.

Несмотря на то, что эти категории теперь подпадают под определение «серийный убийца», обычно мы представляем себе преступника не таким. Классический серийный убийца – это мужчина, который путем убийства воплощает свои сексуальные фантазии. Другие типы встречаются реже, чем «обычный» маньяк, и они, как правило, страдают от различных психопатологических симптомов. Хотя я и использую в книге определение «убийство двух или более человек, совершенное как отдельное преступление», все же в основном речь пойдет об

истории традиционных серийных убийц, одержимых сексуальными фантазиями и по большей части мужского пола. Хотя порой у таких преступников бывают женщины-сообщницы.

Новое слово: серийная эротофофилия

Предложенная ФБР типология организованного/деорганизованного преступника полезна для процесса расследований, но совсем не отвечает на вопрос, важный для клинической и судебной психиатрии: почему сексуальные серийные убийцы совершают преступления. Современная судебно-медицинская литература иногда использует классификацию насильников, которая делит серийных убийц по следующим четырем мотивам:

- *Самоутверждение* («интеллигентный» серийный маньяк с низкой самооценкой): преступник через насилие обретает уверенность в своей мужской силе и мастерстве в постели, ошибочно полагая, что жертва тоже получает удовольствие. Изначально планируется лишь изнасилование, но не убийство. Последнее происходит, если поведение жертвы разрушает фантазию и мешает наслаждаться процессом. Тогда преступник убивает жертву либо в приступе внезапной ярости и разочарования, либо более хладнокровно из-за охватившего его замешательства.

- *Демонстрация власти* (серийный убийца реализует свое «право» на обладание жертвой): преступник стремится утвердить свою мужскую силу через власть над жертвой мужского или женского пола. Опять же, в этом случае изнасилование намечается заранее, в то время как убийство – нет, и оно происходит, если в процессе маньяк пытается добиться полного контроля над жертвой и не рассчитывает степень применяемой силы.

- *Карательный гнев* (серийный убийца мстит, вымещая свою злость): планируется как изнасилование, так и убийство. Зачастую процесс проходит с «перебором» – чрезмерной жестокостью, выходящей за рамки необходимой для убийства жертвы, которая, как правило, женского пола. Основным мотивом маньяка выступает жажда мести: он желает свести счеты с какой-то женщиной, обидевшей его, или поквитаться с ее «заместительницей». При этом нередко причиной ярости становится женщина, которая в прошлом или настоящем обладала какой-либо властью над преступником: его девушка, жена, мать, учительница или начальница.

- *Возбуждение от гнева* (серийный убийца-садист): планируется как изнасилование, так и убийство. Основным мотивом выступает садистская потребность причинять жертве (неважно, мужчине или женщине) боль и внушать ей страх, что приносит преступнику сексуальное удовлетворение. Характерны продолжительные пытки и нанесение жертве увечий, как правило, до смерти, но иногда и после. Убийство само по себе не выступает главной целью: преступник концентрируется на самом процессе.

Некоторые специалисты для выделения подобных преступников среди остальных видов несексуальных серийных убийц используют устаревший термин «убийство на почве страсти», оно же убийство на сексуальной почве, или, говоря научным языком, эротофофилия.

Термин «эротофофилия» (убийство на сексуальной почве) происходит от имени Эроса, греческого бога любви, и корня *phonos*, означающего «убийство», «кровопролитие». Существует два определения термина: «жестокое и садистское убийство с нанесением тяжких телесных повреждений, особенно в области гениталий»^[44] и «жестокое обращение, насилие и другие действия сексуального характера, относимые к сексуальному садизму и приводящие к смерти жертвы... По данному, более широкому определению сексуальных пыток, жертвы могут быть живыми или мертвыми, находиться в сознании или в бессознательном состоянии»^[45].

Из-за того, что данное определение серийной эротофофиилии обращается по большей части к мужским психопатологическим отклонениям, оно практически не учитывает серийных убийц женского пола, кроме тех весьма редких случаев, когда женщины добровольно стано-

вятся сообщницами садистов и эротофонофилов-мужчин (синдром Бонни и Клайда, или по-другому гибристофилия – влечение к преступникам).

Большинство из нас может понять концепцию убийства ради выгоды или мести, по идеологическим мотивам или из-за мании, вызванной психическими заболеваниями. Но гораздо сложнее осмыслить серийные убийства, сопровождаемые изнасилованиями и пытками, телесными повреждениями, актами некрофилии (секса с трупом) или каннибализмом, – и всё это творят на вид вполне адекватные и дееспособные члены общества, вроде дружелюбного соседа с тремя детьми, внушающего доверие коллеги или же того парня за дверью, что привез вам заказ.

Новая история мира монстров

В этой книге рассматривается обновленная макроистория серийных убийств на сексуальной почве и их расследований, дополняющая то, что я уже описал в моей работе «Серийные убийцы: классификация безумных монстров», где временная линия разворачивалась где-то с 1880 года – эпохи Джека Потрошителя. Сейчас же мы начнем не с середины, на которую приходится 1880 год, а с истоков: с каменного века где-то миллион лет назад. Здесь совершенно по-новому описана история мира монстров от древности до наших дней.

С момента, когда в 2004 году вышла моя первая книга, было проведено огромное количество новых исследований в области психопатологии и биохимии серийных убийц. Многие из новых теорий о том, почему появляются серийные убийцы, правдоподобны и убедительны, но в то же время противоречивы и всегда неоднозначны. Новые исследования, проводимые в огромном количестве, показали, как мало мы понимаем в серийных убийствах и сколько еще предстоит сделать, прежде чем удастся в полной мере понять, что порождает этих чудовищ.

Я – любознательный (следственный) историк – не профайлер, не судебный психиатр и не практикующий врач. Моя цель – не в том, чтобы провести сравнительный анализ десятков теорий о серийных убийцах, а, напротив, в отстранении от них и попытке осмыслить феномен серийных убийств с исторической перспективы, путем его рассмотрения в рамках длительного периода в социально-антропологическом контексте. За последние двадцать лет в антропологии появились совершенно новые области и были сделаны удивительные открытия, которые помогли лучше изучить природу человека и его поведение, включая склонность к серийным убийствам, как в качестве наблюдателя, так и в качестве преступника. Я пытаюсь разобраться, как серийные убийства вписываются в общую канву человеческой истории с доисторической эпохи, которая, как мне верится, и содержит в себе ключ к пониманию сути поведения серийных убийц, а не просто рассматривает их как отдельную категорию преступников.

Каждое серийное убийство происходит в свое время, в определенном месте, в конкретную эпоху – и всё ведет к тому, что в один роковой момент серийный убийца и жертва пересекаются на общей территории, которую каждый из них выбрал независимо от другого. Убийство разворачивается на осях времени и пространства, в историческом и географическом контексте, а ограничивается лишь скрытой в душе смесью тайных фантазий и странных сексуальных пристрастий, что могут развиться уже в пять лет. Подобные фантазии и поведение не возникают просто из воздуха, а развиваются в тесной связи с культурной, исторической и социальной средой – нестабильный и изменчивый культурный диалог между яростью и безумием, зачастую определяемый временем и местом, – этот процесс можно назвать *diabolus in cultura* (подробнее читайте в главе 14).

Поскольку природа серийных убийств определяется историческим, мифологическим и культурным контекстом, а также религиозными и моральными установками, основное внимание в этой книге уделяется американским серийным убийцам. В других странах и культурах серийные убийства могут принимать различные формы. Например, современная южноафри-

канская полиция борется с так называемыми «сангомас-мути» – серийными убийцами, которые в ритуальных целях лишают жизни детей, а части их тел собирают и используют для магических медицинских практик. В Мексике – стране, находящейся на стыке индейской культуры с культурой Запада, – полиция сталкивается с ритуальными убийствами в сектах наркоторговцев, а в Шанхае совершаются серийные убийства беднейших рабочих-мигрантов^[46]. Историко-экономическая и социальная динамика серийных убийств за пределами западного христианского мира все еще ждет исследования.

Глава 2. Как всё начиналось: каменный век и триединый мозг серийных убийц-зомби

Animal prius est homine.

Животное предшествует человеку.

Аниций Бозций. Наставление в арифметике, 1:1

Для того чтобы утвердиться на этой высоте, требуется непрерывная борьба между природным инстинктом и порядочностью, между чувственностью и нравственностью.

Рихард Крафт-Эбинг. Половая психопатия

Я уверен, что современная поп-культура, обожающая зомби, вдохновилась той самой волной серийных убийств, что происходили за последние пятьдесят лет. То же самое было и в прошлом: все эти монстры – вампиры, оборотни, упыри и огры из легенд по всему миру – на самом деле неопознанные охотники на людей: сексуальные убийцы, каннибалы и некрофилы, которые всегда присутствовали в человеческом обществе. В самом деле, два самых известных нашему воображению чудовища – холодный, расчетливый и в некотором роде склонный к некрофилии вампир и бешеный, несдержанный пожиратель людей оборотень – примерно соответствуют по описанию типологии серийных убийц, предложенной ФБР. В ней выделяют организованного серийного убийцу, расчетливого и равнодушного (Дракула), и дезорганизованного, небрежного и импульсивного (оборотень).

В пятидесятых – шестидесятых серийные убийцы появлялись среди нас, но медленно, а в семидесятых – восьмидесятых этих зомби развелось так много, что они уже нападали на людей стаями. И некоторые из серийных убийц были похожи на сексуализированных зомби из хоррор-комиксов – с жутким оскалом, истекающих слюной, с необъяснимым первобытным, примитивным желанием атаковать, кусать, насиловать, убивать и вновь насиловать, калечить, расчленять, коллекционировать части тела или же пожирать их в ритуальном или инстинктивном безумном порыве. Некоторые пили кровь (Ричард Чейз), пытались реанимировать тела своих жертв с помощью электрошока (Джерри Брудос), делали инъекции аккумуляторной кислоты в мозг с помощью кухонной спринцовки (Джеффри Дамер), накапливали у себя дома части тел, чтобы заниматься с ними сексом (Эд Гин, Джерри Брудос, Эдмунд Кемпер, Дуглас Кларк), рисовали губной помадой на телах жертв пентаграммы и выковыривали глазные яблоки (Ричард Рамирес), ели разлагающиеся тела и хранили их в контейнерах для химикатов в холодильнике в спальне (Джеффри Дамер), в мешках для мусора на чердаке родительского дома и в подвале («Дохлые еноты», – объяснял Кендалл Франсуа по прозвищу Вонючка своим родителям, когда они пожаловались на ужасную вонь, исходящую от восьми тел, спрятанных в доме), закапывали жертв в погребе загородного дома (Джон Уэйн Гейси похоронил двадцать пять человек), в розовом саду (семь жертв Доротей Пуэнте), во фруктовом саду (двадцать пять человек – Хуан Корона), под лодочным сараем (семнадцать жертв – Дин Корлл); бросали их на склонах холмов в Голливуде (десять жертв – Кеннет Бьянки и Анджело Буоно), прятали на поросших лесом или кустарниками свалках, чтобы потом вернуться и совершить с трупом половой акт (Тед Банди, Артур Шоукросс, Гэри Риджуэй); оставляли расчлененные, изуродованные и обезглавленные тела на месте преступления в разных странных позах в качестве приветствия скорой помощи, которая приедет на место (Ричард Коттингем, Родни Алькала, Дэнни Роллинг). Похоже на голливудские фильмы ужасов, но все вымышленные убийцы буквально курят в сторонке по сравнению с чудовищами из реальной жизни.

Как появляются серийные убийцы: современные теории

Современные теории о том, как формируется патология психики серийного убийцы в раннем детстве, обычно называют следующие причины: пренебрежение младенцем, отсутствие связи с матерью или, напротив, удушающая гиперопека, детская травма, сексуальное или физическое насилие, непринятие, изоляция, одиночество, отсутствие в семье стабильности; расстройства личности, такие, как психопатия, социопатия, пограничное расстройство личности, диссоциальное расстройство личности (его еще называют антисоциальным расстройством), диссоциативная амнезия, диссоциативная фуга, синдром Аспергера, расстройства аутистического спектра, органическое расстройство личности; генетическая предрасположенность, хромосомная аномалия, изменения в биохимии крови и мочи, аллергия, физическая травма головы, воздействие СМИ, демонстрирующих насилие, детективные журналы об убийствах, порнография, библейские тексты, религиозный экстаз, токсикомания – или же всё вышеперечисленное^[47]. Другими словами, нам известно очень мало – практически ничего – о том, почему появляются серийные убийцы.

Все те отличительные факторы осужденных серийных убийц, которые были выделены из истории их детства, психологических и физических травм, биохимических процессов и психопатологической симптоматики, присущи и многим несерийным убийцам, а то и даже некоторым, на первый взгляд, обычным законопослушным членам общества. Решающий фактор, который превращает человека в серийного убийцу, еще не был окончательно определен – по крайней мере, необходимых для этого стандартов в современной научной практике в области медицины и клинической психиатрии еще не существует.

Единственное, что действительно не вызывает ни у кого возражений, – так это факт, что тяга к серийным убийствам закладывается в детстве: примерно за двадцать лет до первого преступления (средний возраст начала криминальной деятельности – двадцать восемь лет)^[48].

Еще мы точно знаем, что большинство серийных убийц вполне вменяемы, если судить с юридической точки зрения. Они четко осознают свои действия и их незаконный характер, а также последствия – и поэтому принимают самые разные меры, пытаясь скрыть свои преступления. Некоторые серийные убийцы обладают высокой степенью осознанности, и им интересно, что за болезненные и навязчивые желания ими движут. Чтобы понять себя, они изучают литературу по судебной психиатрии, но ни раскаяния, ни сочувствия к жертвам преступники все равно не ощущают. Как рассказывал серийный убийца Ричард Коттингем, он очень хорошо знал, что именно побуждало его нарушать закон, но говорил: «Я стал тем, кто я есть, потому что не хотел контролировать свои желания»^[49].

Многим серийным убийцам (но не всем) могут поставить диагноз «психопатия» на основе стандартного теста по «Контрольному списку психопатии» (КСП), составленному Робертом Хейром. Но это не помогает объяснить их поведение, потому что психопатия сама по себе остается не до конца изученным явлением, не говоря уже о вопросе, почему некоторые психопаты становятся убийцами, а другие – успешными руководителями корпораций или членами Конгресса.

Согласно статистике, психопатию диагностируют у каждого восьмьдесят третьего американца^[50] и сто шестьдесят шестого англичанина^[51]. Следовательно, только в США сейчас проживает 3,8 миллиона психопатов из расчета на все население. Как много потенциальных серийных убийц! Большинство из нас хотя бы раз встречались с психопатом, работали с ним или же сами получали такой диагноз; но лишь немногие психопаты становятся преступниками.

Мой подход выходит за рамки социальных, психологических и биохимических теорий и сосредотачивается на эволюционном подходе к поведению серийных убийц для объяснения его появления. С какой бы точки зрения – психологии, социологии, криминологии или биохимии

мии – не смотрели мы на этот феномен, я считаю, что общее для всех убийц и глубоко заложенное желание убивать является естественным эволюционным преимуществом, которое нам подарила мать-природа, ведь до возникновения цивилизации все мы жили в дикой среде.

Триединый мозг и четыре «П» эволюционной борьбы за существование

Если не принимать во внимание сверхъестественную способность зомби из фильмов жить, когда на самом деле они мертвы, их поведение психологически и биогенетически управляется одной и той же частью мозга, что и у серийных убийц: крохотными скоплениями вещества у основания полушарий под названием базальные ганглии, они же базальные ядра, или ретикулярная формация (так называемый «рептильный мозг»).

Словно археологический раскоп, наш мозг состоит из трех слоев – трех отдельных типов мозга, которые образовались в разное время на определенных этапах эволюции. Они собраны и соединены вместе, причем каждый из слоев древнее и примитивнее предыдущего. Все в целом называется триединым мозгом^[52].

Его самая древняя и наиболее примитивная часть – это и есть рептильный мозг. Он есть у всех четвероногих животных: от ящериц и птиц до кошек, собак, приматов и, конечно же, людей. Рептильный мозг появился самым первым и отвечает за инстинкты, призванные защищать как особь, так и вид в целом, вроде добывания пищи, убийства, спасения бегством и воспроизведения себе подобных. Иначе их можно назвать «четыре „П“» эволюционного выживания»: пропитание, противостояние, побег и продолжение рода. Если какой-то из инстинктов не работает, то вид обречен на вымирание.

Если смотреть на время с точки зрения эволюции, то люди еще совсем недавно были вынуждены следовать этим инстинктам, как и все животные.

Нейробиолог из Йельского университета Пол Маклин описывал функцию рептильного мозга как «примитивное взаимодействие орального, агрессивного и полового поведения»^[53].

Ни один вид не сможет выжить без правильного функционирования инстинктов – они очень глубоко сидят в нашем мозгу, психике, разуме и личности, ну и душе, если вам так уж нравится это слово.

Словно под влиянием пружинки, мы постоянно выбираем между несколькими вариантами: страх побуждает нас бежать, ярость – бросаться в драку или даже убивать, чувство голода гонит нас на поиски пищи, а похоть – пары для заведения потомства.

И ведь большую часть своей истории человечество ничем другим и не занималось: не рисовало на стенах пещер, не пело песен, не рассказывало сказок, не строило домов, не приручало животных и не выращивало овощей, фруктов и злаков. Мы лишь постоянно либо убегали от опасности, либо убивали ее источник; собирали подножный корм либо убивали добычу и ели; занимались сексом в любое время, как только захочется сильнейшим мужчинам племени. Жизнь была до ужаса простой и безыскусной.

Когда еды в каменном веке становилось мало, иногда мы ели не только убитых и годных в пищу животных, но и тех, кто нам угрожал, а иногда даже тех, с кем занимались сексом. Во время бедствий, голода, войн и захватов территорий люди с легкостью отдавались во власть инстинктов, бездумной сексуализированной агрессии, каннибализма и некрофилии.

Сейчас наш все еще работающий рептильный мозг взаимодействует со вторым, более развитым и новым отделом – палеомаммальным (древнемлекопитающим) комплексом, также называемым лимбической системой, которая отвечает за разнообразные эмоции, долгосрочную память, сенсорные и моторные функции. Эта часть нашего мозга распознает, что мы видим, слышим и пробуем на вкус, помогает узнавать предметы, отвечает за эмоциональное состояние и мотивационное поведение.

Лимбическая система появилась позже, но она все равно тесно связана с рептильным мозгом и посылает ему информацию от органов чувств и эмоциональные сигналы, которые в случае, если человек здоров, вызывают из четырех «П» реакцию, адекватную в данной ситуации. Слово «адекватная» в данном случае ключевое.

Но отличает человека от животных именно третий слой нашего мозга – самый современный, неомаммальный (новомлекопитающий) отдел, также называемый неокортексом. Он есть только у млекопитающих. У человека неокортекс развит очень высоко и отвечает за связь между рептильным мозгом и лимбической системой. Благодаря ему у нас есть высокоинтеллектуальные способности к речи, логике, рассудочной деятельности, художественному творчеству, абстрактному мышлению, воображению и фантазиям.

Высокоразвитый неокортекс интерпретирует наши импульсы и действия в рамках духовно-философского, культурного, языкового, экспрессивного и психологического контекстов. Благодаря ему мы различаем добро и зло – понятия, не существующие в мире животных. Поэтому когда мы ведем себя как они, то можем стать серийными убийцами. Хотя, с другой стороны, животные редко убивают ради удовольствия – в отличие от людей.

Около сорока тысяч лет назад первобытные люди, как и другие животные, были движимы в основном чистыми инстинктами: страхом, агрессией, голодом, похотью. У них не было как такового воображения, философии, самосознания, раскаяния или каких-либо из неврозов, которыми наделено сегодня «человеческое животное». Наш неокортекс совсем недавно научился рассуждать, делать выводы, абстрагировать, извлекать уроки, проектировать, воображать и фантазировать, и вот благодаря этому-то и появился слой рациональных, понятийных (или неправильных, иррациональных) модуляторов функций лимбической системы (наших побуждений, желаний и воспоминаний). Именно неокортекс определяет, как они могут быть интерпретированы или переданы в рептильный мозг.

Все три отдела мозга постоянно принимают информацию и отправляют ее сами, возбуждая, анализируя и контролируя рептильные инстинкты с помощью неокортекса и его способности к мышлению.

Не все нейробиологи поддерживают теорию триединого мозга^[54], но те, кто ее принимает, знают: когда у вас в мозге три разные взаимодействующие друг с другом системы – каждая древнее предыдущей, – многое может пойти не так. Достаточно одного короткого замыкания – и всё выйдет из-под контроля, а примитивный рептильный мозг возьмет на себя управление лимбической системой, чего делать категорически не должен.

Вот что об этом писал психолог из Университета Джона Хопкинса, доктор Джон Мани: «Лимбическая система отвечает... за хищничество и нападение ради защиты самого себя и представителей своего вида. У сексуальных садистов случается расстройство мозга, при котором он подает сигналы о нападении одновременно с сигналами о сексуальном возбуждении и поведении для спаривания»^[55].

Другой психолог объясняет несколько проще: «Серийный убийца-хищник похож на запрограммированную лимбической системой машину для убийств. Он никогда не остановится – не захочет, потому что ничто в жизни не заменит чувства удовлетворения от власти и разрушения...»^[56]

От первобытных насильников-каннибалов к цивилизованным серийным убийцам. Универсальная история человечества

Универсальная история, или мегаистория, – это относительно новое направление, в рамках которого человечество рассматривается неотъемлемо от естественной истории Земли, развития биосферы и эволюции Вселенной. Человеческое поведение, в том числе и тяга к серийным убийствам, в ней представлены в контексте основополагающих биологических и

антропологических моделей. История человечества рассматривается сквозь призму «истории всего». Давайте выведем серийное убийство из контекста социальных, правовых и психологических норм и посмотрим на него с точки зрения естественной истории планеты.

Чтобы лучше понять хронологию человеческой жизни на Земле, представьте, что один год – это доллар. Например, Вселенной 13,8 миллиарда лет, планете Земля – 4,5 миллиарда лет, динозавры жили между 230 и 65 миллионами лет назад, а пещерные люди появились около 3 миллионов лет назад. Однако письменная человеческая история описывает лишь последние 5500 лет (начиная с 3500 года до н. э.), а все, что происходило до этого, уходит во тьму веков и сохраняется в памяти лишь в виде мифов и легенд. Сравните покупательную способность 13,8 миллиарда долларов и 5,5 тысячи долларов, и вы получите некоторое представление о соотношении между человеческой цивилизацией, возрастом нашей планеты и целой Вселенной. Конечно, за мелочь человечество не сойдет, но все равно сумма не очень внушительная.

Гоминиды, или человекообразные обезьяны, появились около 15–25 миллионов лет назад, а древнейшие люди *Homo habilis* (человек умелый) и *Homo erectus* (человек прямоходящий) выделились как отдельные виды около трех миллионов лет назад. Затем появился более развитый *Homo neanderthalensis* (человек неандертальский).

Мы относимся к виду *Homo sapiens* (человек разумный), и впервые он возник на Африканском континенте относительно недавно: предположительно, в период между 1,8 миллиона и 200 тысячами лет назад. Около 60–100 тысяч лет назад человек разумный начал осваивать Европу и Азию и устроил там войну с неандертальцами, которые жили на этих территориях. Так как и неандерталец, и человек разумный умели изготавливать оружие из камня, конфликт превратился в вооруженный, и именно это отличало его от стычек между другими животными.

Смертельное столкновение между неандертальцем и человеком разумным закончилось около 30–40 тысяч лет назад победой последнего, что сделало его единственным представителем человеческого рода на Земле. Полагаю, это хорошая новость. Есть и плохая: по мнению многих антропологов, биологов, крупных историков и других ученых, в ходе эволюции мы, как и любой другой вид хищников, пробивали путь к вершине пищевой цепи через череду убийств, изнасилований и кровавых пиршеств^[57]. Как мать-природа и задумывала. Единственная разница лишь в том, что наша добыча была вооружена точно так же, как и мы^[58]. Что же это говорит нам о современных серийных убийцах?

Самое первое нераскрытое дело: серийные убийцы в эпоху неандертальцев

В попытках понять, почему появляются серийные убийцы, исследователи начинают упускать из вида постоянно меняющийся горизонт теорий. Современные антропологические науки в настоящее время тоже претерпевают изменения. Каждый год совершаются новые антропологические и археологические открытия, а костные останки исследуются постоянно совершенствующимися методами определения ДНК и генома и технологиями радиоуглеродного анализа. Благодаря этому наше понимание хронологии развития человечества постоянно меняется, как и само определение человека, не говоря уже о человеке – серийном убийце.

Места нераскрытых преступлений возрастом сотни тысяч или даже миллионов лет, недавно обнаруженные доисторические пещеры, стойбища, поселения, погребения, свалки и даже первобытные туалеты с окаменелыми экскрементами помогают узнать все больше и больше о рационе, поведении, разуме и психопатологии древних людей.

Возникли совершенно новые научные направления, такие, как палеогеномика, которая реконструирует наше доисторическое прошлое с помощью анализа ДНК ископаемых человеческих останков. В середине 2000-х благодаря палеогеномике было совершено поразительное открытие: у некоторых современных людей ДНК несет в себе до 4 % генов неандертальцев^[59].

Значит, человек разумный скрещивался с неандертальцами^[60]. Вероятнее всего, это происходило в результате геноцида и изнасилований, потому что именно этим люди обычно занимались и по сей день продолжают заниматься во время войны^[61]. И хотя в современную эпоху солдатам, совершающим подобные преступления, назначают номинальное наказание в соответствии с национальными уголовными и военными кодексами, в военное время судебное преследование и приведение наказания в исполнение носят эпизодический характер. Исторически изнасилование было в военное время настолько обычным делом и так широко распространено среди мужчин, что международная конвенция о законах и обычаях войны запретила его лишь в 1996 году. И только в 2008-м Организация Объединенных Наций наконец причислила изнасилование в военное время к категории «военные преступления, преступления против человечности или одно из составляющих деяний применительно к геноциду»^[62].

Некоторые ученые и критики утверждают, что убийство Каином своего брата Авеля в Книге Бытия является аллегорией на геноцид неандертальцев, в ходе эволюции оставшийся в наших первобытных воспоминаниях, которые до сих пор отзываются в коллективном подсознании, подобно обрывкам давно забытых кошмаров. Доисторическая коллективная травма. В каменном веке, при столкновении двух видов гоминид, неандертальцы были в основном кочевниками – как Абель, в то время как человек разумный находился в шаге от оседлого земледелия – как Каин. В этой связи все человечество, а особенно серийных убийц, можно назвать сынами Каина, несущими его кровавую печать^[63].

Сорок тысяч лет назад люди одержали победу над неандертальцами, но ее ценой стало то, что на протяжении тысячелетий нам приходилось систематически уничтожать всех и каждого, кто не похож на нас. Должно быть, наш мозг жестко запрограммирован на то, чтобы агрессия по отношению к «чужим» постоянно поддерживалась даже спустя бесчисленные поколения. Вместо того чтобы готовиться какое-то время к войне либо пару месяцев или лет обучаться военной службе, как мы делаем сегодня, в каменном веке нам приходилось в течение десятков тысяч лет постоянно истреблять всех вокруг, пока мы не стали воистину непобедимым видом – видом серийных убийц.

Некрофобия и странные вампирские захоронения

Как же изменился агрессивный серийный убийца – человек разумный – за последние сорок тысяч лет, если теперь что-то заставляет нас единогласно признать убийства отклонением от нормы? Поднявшись на вершину пищевой цепи за счет многочисленных завоеваний, людям пришлось поумерить пыл, чтобы не наброситься с этим смертоносным каменным оружием уже *друг на друга*. Фактически одна из теорий о том, почему человек разумный победил неандертальца, хотя последний был крупнее, физически крепче и не менее искусен в создании копий и ножей из камня, заключается в том, что у неандертальцев не возникло запрета на убийство и поедание сородичей^[64]. Они помогли нам, человеку разумному, истребить самих себя.

Почему же человек разумный не поубивал и не выел себе подобных, хотя мы были способны к систематическому каннибализму во времена голода, подобно неандертальцам?^[65] Чем таким природа (или, если хотите, бог) наделила человеческий род, а неандертальцев и другие вымершие виды гоминидов – обделила?

У первобытных людей развился невроз – иррациональный или воображаемый страх, не вызванный реальной угрозой, – под названием некрофобия (страх перед мертвыми)⁴.

Акоп Назаретян, мегаисторик и психолог, считает: «Грузинский философ Мамардашвили (1990) писал, что род человеческий появился, когда один человек оплакал смерть дру-

⁴ Предположение о том, что некрофобия имеет рациональную мотивацию и необходима, чтобы предотвратить передачу заразных болезней от трупов, опровергается наличием у человека стойкого обонятельного рефлекса на запах разлагающейся плоти.

гого. К сожалению, эмпирические данные археологии и этнографии вынуждают нас переформулировать этот элегантный афоризм. Теперь он уже не звучит так романтично: *протолюди появились из-за страха перед мертвыми* [курсив авторский]^[66].

Судя по всему, некрофобия начинает появляться у людей примерно в то время, когда истреблялись последние неандертальцы, то есть около 30–40 тысяч лет назад, к концу среднего палеолита (древнего каменного века).

О некрофобии свидетельствуют археологические раскопки необычных первобытных могил, так называемых «девиантных погребений» (то есть таких захоронений, которые отличаются от погребений, произведенных до этого времени), которые в СМИ иногда называют «могилами вампиров». Они обладают определенного рода уникальными чертами – по всей видимости, необходимыми для того, чтобы не позволить трупам восстать из мертвых, чтобы, к примеру, отомстить живым^[67].

Археологи составили список многочисленных первобытных (и более поздних, от античных до современных нам) девиантных захоронений по всему миру, отмечая «свидетельства, доказывающие существование страха перед умершими (некрофобии). В подобные практики обычно входит создание умершим помех для возвращения: придавливание тела крупными камнями, фиксация гвоздями, клиньями и кольями или же обезглавливание»^[68].

Подобные захоронения встречаются по всему миру: в местности Чжоукоудянь в Китае (место обитания «пекинского человека») расположение большеберцовых костей двух обнаруженных скелетов указывает на то, что после смерти им связывали ноги^[69]; в неолитическом поселении Хирокития на Кипре, начиная с 4500 года до н. э., трупам клали на голову или торс тяжелые жернова^[70]; египетские мумии связывали; австралийские аборигены протыкали шею мертвых копьем, прибивая их к дну деревянного гроба; тасманийцы связывали телам руки и ноги, сверху помещали тяжелый камень, а в Италии обезглавливали^[71]; на Балканском полуострове и в Средиземноморье покойных заваливали тяжелыми камнями^[72]; в Испании труп приколачивали гвоздями к гробовым доскам^[73]. Уже в XIX веке наблюдатели пришли к выводу, что традиция ставить надгробные плиты является отголоском древнейшей некрофобии, когда на трупы сверху клали тяжелые камни или мельничные колеса^[74]. Некоторые ученые утверждают, что неандертальцы также практиковали ритуальные захоронения, но таких ученых мало, и их словам нет каких-либо убедительных подтверждений^[75].

Если взглянуть на современных серийных убийц, то сразу станет понятно, что некрофобия, свойственная большинству людей, у них отсутствует. Убивают они без малейшего страха, а с трупами взаимодействуют различными способами: расчлениают их, носят, возят с собой и даже хуже: некоторые маньяки сдвинулись по шкале некрофобии в абсолютно противоположную сторону – к некрофилии, или сексуальному влечению к мертвым. Будучи иногда спутницей серийных убийств, сексуального насилия и канибализма, некрофилия и сама зачастую включает в себя эротический канибализм, употребление крови (вампиризм) и других телесных жидкостей, а также коллекционирование частей тел в качестве тотемов или трофеев с последующим поеданием.

Термин «некрофилия» происходит от древнегреческих корней *nekros* («мертвый») и *philia* («любовь, пристрастие»). Предложили его относительно недавно – в 1850-х – и использовали для описания французского серийного некрофила Франсуа Бертрана по прозвищу Вампир с Монпарнаса (см. главу 7). Точная статистика присутствия некрофилии в делах о серийных убийствах несколько противоречива. Пиковые цифры пришлись на восьмидесятые, когда при исследовании убийств на сексуальной почве девяноста двух человек в ФБР пришли к выводу, что в сорока двух процентах случаев половой акт был совершен после смерти жертвы^[76]. Самая низкая статистика была зафиксирована отделом поведенческого анализа ФБР в 2014 году. Тогда посмертный сексуальный контакт присутствовал только в 11,2 % случаев

(исследовалось 480 дел о серийных сексуальных убийствах, в которых фигурировали девяносто два преступника-мужчины)^[77].

Если сорок тысяч лет назад убийство и изнасилование наших врагов-неандертальцев было делом обыденным и мы даже иногда ими питались, то некрофильная практика с целью сначала удовлетворить низменное сексуальное влечение, а потом уже голод, была чем-то похожа на эволюционно примитивное поведение первобытных людей: они сперва убивали, а после уже занимались прелюбодеянием и плотскими утехами. И да, некрофилия, как мы недавно узнали, свойственна не только человеку. Однополый некрофильный секс был зарегистрирован у крякв, что свидетельствует о существовании глубоко укоренившегося естественного биологического импульса, побуждающего к некрофилии (и стимулирующего гомосексуальность). И дело тут не в человеческой психологии^[78].

Если подходить к некрофилии со стороны ее противоположного полюса – некрофобии, страха перед умершими, – и принять во внимание его эволюционную функцию, как ее видят мегаисторики, то мы можем приблизиться к пониманию того, как сексуальное влечение к мертвым, наблюдаемое у серийных убийц, влияет на поведение человечества в целом и почему сейчас мы чувствуем к этому такое отвращение. Даже Зигмунд Фрейд, который с легкостью ступал на поле самых что ни на есть диковинных психоаналитических концепций, вроде зависти к пенису, анально-экспульсивного типа личностного развития и Эдипова комплекса, говорил, что не желает иметь дело с сексуальными убийствами и актами некрофилии, потому что этот «ужас» слишком уж «далек от нормы»^[79].

Желание убивать жертв, насиловать, расчленять, поедать или заниматься с ними сексом не возникает в серийных убийцах из ниоткуда. Они обнаруживают его в массе глубоко укоренившихся примитивных инстинктов, которые даются всем людям при рождении, но *вроде как* должны подавляться положительными социальными нормами и правильным воспитанием. На самом деле никто не создает серийных маньяков, – наоборот, обычные люди *обучаются не быть* убийцами еще в детстве благодаря хорошим родителям, стабильной обстановке в семье и очень удачному отсутствию различных травм. Это вполне подтверждается распространенным фактом: в детстве серийные убийцы зачастую переживают распад семьи или какие-либо проблемы.

Некоторые мегаисторики считают, что некрофобия, уникальная для нашего вида, объясняет, почему все предыдущие гоминиды вымерли, в то время как *Homo sapiens* выжил. Некрофобия стала результатом превращения некрофилии и набора инстинктов выживания в ходе эволюции в невроз, который сделал из похожих на животных *Homo sapiens* цивилизованное «мыслящее стадо сумасшедших», как описывает современное человечество один мегаисторик^[80]. В каменном же веке именно отсутствие возможности убивать, насиловать и поедать трупы было бы «ненормальным, нездоровым и просто сумасшедшим». Выживание и развитие первых гоминидов основывалось на доминировании и размножении наиболее приспособленных и крепких в сексуальном плане особей. Всем, кто не мог защищаться, добывать еду или размножаться – слабым, больным, бесплодным, увечным и старым, – в том мире просто не было места. В лучшем случае гоминиды всего лишь бросали слабых представителей вида на произвол судьбы, а в худшем – насиловали их, убивали и питались ими без единого намека на сочувствие или сожаление. По сути, мы, гоминиды, были психопатами, серийными убийцами, насильниками и людоедами, потому что только так можно было выжить в жестоком мире естественного отбора. Сама мать-природа – жестокая психопатка, не испытывающая сочувствия к собственному потомству.

Гипотеза техногуманитарного баланса

Развитие у нас некрофобии около сорока тысяч лет назад, когда мы истребили неандертальцев, – это подарок от матери-природы, которая исправлялась после того, как сама наделила гоминидов смертоносным даром изготавливать оружие.

Делать орудия из камня гоминиды начали предположительно два или три миллиона лет назад^[81]. Самые первые орудия принадлежат олдувайской культуре и сделаны из расщепленных кусков кремня, благодаря чему их края приобрели режущую кромку⁵. Превратившись в чрезвычайно эффективное ручное оружие, они позволили гоминидам убивать гораздо больше, чем те могли бы убить голыми руками.

Конрад Лоренц, лауреат Нобелевской премии и выдающийся этолог, в своей книге «Агрессия, или Так называемое зло» писал: чем лучше у вида развита естественная способность к убийству, тем сильнее подавляется агрессия, направленная на сородичей^[82]. Прирожденные машины для убийства вроде львов, тигров, акул и орлов, которых оснастила грозным оружием сама эволюция, относительно редко убивают представителей своего вида, а вот крысы и голуби очень агрессивны по отношению к сородичам. Вестники мира выклевают друг другу глаза, а крысы попросту питаются себе подобными. Поскольку гоминиды не обладали мощным оскалом, толстой шкурой или смертоносными клыками с когтями, естественное подавление внутривидового насилия было очень низким. Первобытные гоминиды убивали друг друга подобно крысам, безо всякой цели, и это никак не влияло на вид в целом.

Однако с появлением каменного оружия эволюция ушла со сцены и началась настоящая гонка вооружений. Человек разумный не был единственным видом гоминидов, создававшим оружие из камня. Наш соперник, неандерталец, тоже обладал соответствующим навыком – впрочем, как и более древние виды, жившие, по современным подсчетам, до трех миллионов лет назад^[83].

Можно сказать, что одной из причин, по которой доисторические виды гоминидов вымерли, стало отсутствие запрета на внутривидовое насилие. Они ни в чем себя не сдерживали и истребляли не только врагов, но и друг друга, причем серийно, используя каменное оружие, которого в природе нет. Так и остались лишь два вида: неандерталец и человек разумный. Первые не только могли изготавливать такие же орудия, но и были физически сильнее вторых, а еще имели более крупный мозг. Так почему мы уничтожили их, а не наоборот? Всё из-за того, что где-то в середине или даже ближе к концу эпохи палеолита (40–100 тысяч лет назад) самый молодой вид – человек разумный – начал ощущать иррациональный страх того, что мертвые могут восстать и начать мстить живым, – некрофобию. Мы стали бояться убивать друг друга.

Подобная «демобилизация» и постепенное подавление некрофобией инстинктов убийства поддерживаются *гипотезой техногуманитарного баланса*, согласно которой люди разрабатывают более мощное и смертоносное оружие и вместе с этим одновременно создают более продвинутые средства противодействия. Подобно тому, как дальнейшему развитию пулеметов, химического и ядерного оружия сопутствовали международные конвенции о нераспространении оружия массового поражения, введение понятия военного преступления и создание Организации Объединенных Наций, так и некрофобия стала примитивной естественной программой по ограничению участвовавшего использования каменных ножей и топоров^[84].

⁵ Некоторые животные проявляют зачаточные способности к орудийной деятельности, используя веточки, прутья и камни в качестве готовых стройматериалов и примитивных орудий труда. Скорее всего, эта способность развилась у них недавно, в пределах последних двух миллионов лет, однако принципиально здесь то, что они, в отличие от человека, никак не модифицируют свои орудия, а пользуются тем, что есть.

Так человек разумный приобрел в этой кровопролитной войне преимущество над неандертальцами, поскольку последние сражались не только против нас, но и в то же время убивали друг друга. Помогло это нам и не истребить самих себя, когда у нас получилось одержать победу над всеми другими видами гоминидов^[85].

Помимо большого количества девиантных захоронений, мы также обнаруживаем все больше человеческих останков тех, кто умер в более преклонном возрасте и имел проблемы со здоровьем. Значит, вместе с некрофобией люди приобрели сострадание, сочувствие, научились строить крепкие семейные и племенные связи и начали организованно заботиться о стариках и больных, несмотря на то, что никакого вклада в охоту или размножение они внести уже не могли. Люди стали жить дольше, потому что о них было кому позаботиться. И страх перед умершими, и сострадание (эмпатия) к слабым и пожилым требовали определенной социальной организации и интеллекта. Сильные отправлялись охотиться, тогда как слабые оставались дома, и в конечном итоге у них появился обычай изображать на стенах пещер коллективные фантазии и желания. Так появилась интеллигенция и возник досуг. Древнейшие из известных нам наскальных рисунков находятся в Испании и датируются примерно сорока тысячами лет назад – как раз той эпохой, когда мы успешно истребили неандертальцев и начали проявлять страх перед умершими^[86].

Некрофобия и наскальное искусство стали двумя признаками зарождения цивилизации и перехода гоминидов от состояния психопатического выживания на уровне животных к эмпатическому эволюционному прогрессу. Человечество и его превосходящий интеллект восторжествовали. Именно это и определяет человека как вид. Мы – единственные животные, у которых есть ритуалы погребения и траурные обряды; единственные, кто способен перенести воспоминания из мозга в средства массовой информации, начиная с наскальных рисунков и заканчивая интернетом.

И в самом деле, если не брать во внимание отдельные исторические периоды войн, по статистике человек разумный с течением времени стал менее агрессивным. Хотя и кажется, что современные вооруженные конфликты уносят гораздо больше жизней, цифры, напротив, утверждают, что в реальности смертность на душу населения снизилась. Исследования войн между тихоокеанскими племенами аборигенов в каменном веке показывают, что тогда потерь на душу населения было гораздо больше, чем в любой другой мировой войне (за исключением Второй мировой войны 1939–1945 гг., в которой нацистская Германия массово уничтожала еврейское и славянское население)^[87]. Неважно, что мы читаем в газетах или видим в СМИ: если брать статистику в развитых странах, то за несколько веков количество убийств гражданских лиц сократилось, хотя, конечно, есть как подъемы, так и спады. Например, в идиллической колониальной Америке 1700-х смертность составляла тридцать человек на сто тысяч населения, но в 1990-е – худшее десятилетие современности – смертность в США была в среднем десять – одиннадцать человек на сто тысяч населения^[88]. Если взять серьезный рост числа убийств в Чикаго – самый высокий по Соединенным Штатам, – смертность в период с 2005 по 2015 год составляла где-то 17,3–18,8 человека на 100 тысяч населения, что лишь чуть больше половины уровня смертности в колониальный период^[89]. К его уровню Чикаго приблизился только в безумном 2016 году^[90].

Цивилизованный серийный убийца

Наш вид начал отказываться от охоты и собирательства и вести оседлый образ жизни, развивая сельское хозяйство и одомашнивая животных, лишь около пятнадцати тысяч лет назад. Мы стали собираться в организованные группы: земледельческие хозяйства, деревни, а позднее в города и цивилизации. Пятнадцать тысяч лет недостаточно, чтобы исправить заложенные в мозг две сотни тысяч лет назад программу «человек человеку волк» и поведение

серийного убийцы, основанное на четырех «П» выживания. Период, когда мы убивали и ели, кого хотели и когда хотели, длился гораздо дольше, чем тот, в котором серийные убийства стали социально неприемлемыми.

Древние, глубоко укоренившиеся в рептильном мозге инстинкты выживания продолжают вспыхивать, загораться и бушевать, но теперь их сдерживают более развитая лимбическая система и неокортекс. Когда мы злимся так сильно, что можем убить, большинство из нас этого не делает. Цивилизованный человеческий неокортекс запрограммирован тормозить эти лимбические импульсы социальными запретами и родительским воспитанием.

Но когда зарождающаяся цивилизация начала требовать от нас «хорошего поведения», рептильный мозг человека не смог перестроиться и измениться в столь короткие сроки. Современный человек – это всего лишь обновленная модель, а не полностью новый вид, идеально подходящий для мира, созданного нашим высокоразвитым интеллектом.

Серийные убийства, изнасилования, каннибализм и некрофилия, рассматриваемые сейчас как психические расстройства у цивилизованных людей, – это эволюционный выворот, обращение в оборотня, возвращение к тому, кем мы когда-то были. Примитивные инстинктивные императивы, необходимые для выживания и эволюционирования, с зарождением цивилизации парадоксальным образом становятся энтропийными, деструктивными и, несомненно, преступными.

Если мы сведем агрессию, серийные убийства, изнасилования, садизм, каннибализм и некрофилию к их историческим, эволюционным и антропологическим императивам, то сегодня побуждение к серийным убийствам и каннибализму представится таким же устаревшим и атавистическим, как аппендикс. Его разрушительный характер можно сравнить, например, с нашим жировым обменом – подарком эволюции для выживания в дикой природе, где еды было мало. Сейчас же он вызывает в развитых странах (особенно в Северной Америке) ожирение, потому что там существует неограниченный доступ к огромным количествам дешевой, готовой, щедро сдобренной сахаром и солью нездоровой пищи, которая производится с целью продать, а не накормить. Наш развитый неокортекс это знает и понимает, но рептильный мозг и лимбическая система заставляют нас есть подобную дрянь просто потому, что можем, – и неважно, голодны мы на самом деле или нет.

Наша страсть к еде так же навязчива, как и желание преступников убивать.

К серийному убийству мы можем применить научные термины «психопатия» или «эро-тофонофилия», что проливает свет на то, *как* люди идут на преступления, но не объясняет *почему*.

Подозреваю, что ответ на этот вопрос нас слишком пугает, и поэтому мы не можем взглянуть в лицо реальности: в прошлом природа по очень веским причинам снабдила нас способностью убивать. Вот и все объяснение.

В заключение я хотел бы сказать, что, возможно, все мы рождаемся серийными убийцами, но благодаря воспитанию и социализации большинство из нас никогда на это не пойдет. Серийные убийцы не появляются, а уничтожаются. Все мы рождаемся нецивилизованными: мочимся в постель, тащим несъедобные предметы в рот, кричим, чтобы добиться внимания, бьем других детей просто так и отбираем у них игрушки, но многих сразу же переучивают и запрещают это делать. На самом деле существует мнение, что темперамент и сексуальные желания серийных убийц эмоционально незрелы и невероятно, до инфантильности нарциссичны^[91]. Дети, которые не прошли социализацию по различным клиническим причинам, выдвигаемым психологами, – от психологических травм и пережитого насилия до психопатии и различных биохимических факторов, – в конце концов остаются в предусмотренном эволюцией «естественном» состоянии выживания, с которым и родились на свет. Потом они вырастают серийными убийцами, как это и задумывалось природой, не облагороженной цивилизацией.

Проще говоря, современные серийные убийцы – это все те же мы, но только сорок тысяч лет назад. Как сказал неподражаемый Пого: «Мы встретили врага, и этот враг – мы сами». Этой цитатой, как печальной предсмертной мантрой, можно было бы завершить каждую главу моей книги – но я не буду. В некоторых из нас есть немного генома неандертальцев и точно так же кто-то несет в себе ДНК древнего серийного убийцы.

Глава 3. Половая психопатия: психология влечения. Серийный убийца в цивилизованном мире

Но довольно ужасов из этой области!
Зигмунд Фрейд. Введение в психоанализ^[92]

Всё, что выше пояса, – любовь, ниже – страсть.
Джон Уильям Мани. Карты любви

Став цивилизованными, мы обрели развитый язык и начали использовать его для описания самих себя, в том числе и серийного убийцы внутри нас. Шумерские глиняные таблички и китайские гадальные кости – самые древние из сохранившихся материальных свидетельств письменности – датируются примерно 3500 годом до н. э. В течение последних пяти тысяч лет люди считали серийных убийц существами с потусторонней природой, например, оборотнями или вампирами. На «обычных» человекоубийц, которые лишали жизни из жадности, гнева, мести или ревности, смотрели с точки зрения религии, считая их одержимыми дьяволом или просто злодеями. Мысль о том, что человек будет убивать патологически и не один раз, вообще редко приходила кому-либо в голову.

С наступлением эпохи Просвещения мы начали трактовать природу человеческого поведения по-новому, в меньшей степени обращаясь к религии. Сексуальные серийные убийства, каннибализм и некрофилию стали связывать с эволюционно примитивными основными инстинктами, беспричинной агрессией, желанием продолжить род и голодом – всем животным, воплощенным в человеке в виде нездоровых фантазий, называемых извращениями.

Одна из версий этой примитивной атавистической модели поведения, которую я ввел в предыдущей главе, стала фактически одной из первых теорий современной криминологии. Ее предложил знаменитый судебный психиатр Чезаре Ломброзо (1835–1909), общепризнанный отец криминологии.

Его теория «преступного человека» рассматривает криминальное поведение не в психологическом, а в антропологическом, эволюционном и биологическом контексте. Следуя принципам дарвинизма, Ломброзо утверждает, что все преступники являются своего рода ошибкой эволюции. Он считает, что серийные убийцы (и другие лица, совершающие насильственные преступления) являются результатом атавизма, возвращения к доисторическому примитивному состоянию. Убийцы – это «недочеловеки», несущие в себе, по мнению Ломброзо, черты обезьян, низших приматов и древних людей, сохранившиеся, по мнению Ломброзо, в «современных дикарях».

Недостаток теории Ломброзо, в конечном счете повлекший за собой ее опровержение, заключался в утверждении, что атавистические черты наследуются генетически и находят отражение во внешности преступника. Не согласен с этим и я. Когда выяснилось, что у многих убийц и насильников нет примитивных обезьяноподобных черт, итальянская школа криминологии Ломброзо уступила первенство французской школе под руководством доктора Александра Лакассаня (1843–1924) – первопроходца судебно-медицинской социологии и криминальной психологии. Он утверждал, что преступниками не рождаются, а становятся из-за определенных психологических и социальных обстоятельств (подробнее о Лакассане читайте в главе 11).

Получается, мы все рождаемся потенциальными преступниками, но воспитание и социализация сдерживают природную тягу к убийству? Или же от природы мы мирные создания, но некоторые из-за десоциализации, травм или психических заболеваний становятся серийными маньяками?

Половая психопатия: список парафилий

Важной вехой в современном понимании психопатологии стало сексуальное серийное убийство, совершенное в 1886 году, за два года до появления Джека Потрошителя; австрийский психиатр Рихард Крафт-Эбинг (1840–1902) опубликовал свой труд «Преступления любви: Половая психопатия»⁶. В этой книге он классифицировал и описал большое количество сексуальных преступлений и расстройств, отмеченных психиатрами или, как их называли в XIX веке, алиенистами.

Смесь репродуктивного сексуального влечения (похоти) и агрессии, способной привести к убийству, Крафт-Эбинг назвал *парестезией*⁷ (в пер. с греч. *para* – «необычный» и *aisthesis* – «ощущение») и дал термину следующее определение: «искаженная эмоциональная окраска сексуальных мыслей»^[93]. Помимо парестезии (смеси противоречивых желаний), причиной других сексуальных расстройств может послужить *гиперестезия* (повышенное половое влечение) или *анестезия* (отсутствие сексуального влечения).

Серийное убийство может быть вызвано различными расстройствами, возникающими из-за парестезии или гиперестезии. В современном мире мы называем эти расстройства *парафилиями* (буквально «за пределами любви»), или чаще всего сексуальными отклонениями или девиациями. Одна из самых известных – это возбуждение от причинения боли, которое Крафт-Эбинг назвал садизмом, вдохновившись французским распутником маркизом де Садом (1740–1814), который написал роман под названием «Сто двадцать дней Содомы», наполненный сценами сексуального насилия.

Парафилия встречается практически только у мужчин и представляет собой одержимость определенным и редким, если судить статистически, видом секса – единственным приносящим возбуждение. При парафилиях возникают фантазии с конкретными сценариями, появляется навязчивое эротическое влечение к какой-либо части тела человека, не относящейся к гениталиям (парциализм), сексуализация неодушевленных объектов, например обуви (фетишизм), и замещение полового акта каким-либо иным действием.

Речь тут идет не о парне, который покупает своей девушке сексуальное нижнее белье или сам одевается по выходным в латексный и кожаный костюм, а о постоянной, ежедневной, навязчивой зависимости длительностью шесть месяцев или более, исключающей возможность возбуждения от чего бы то ни было еще^[94]. У человека может быть несколько разных парафилий одновременно, они способны изменяться и замещать друг друга, но главенствует обычно одна из этих парафилий, пока ей на смену не придет другая.

Существуют десятки различных парафилий, а некоторые из них даже вполне безобидные, если только все происходит по обоюдному согласию с партнером:

- *абасиофилия* – влечение к людям с ограниченными возможностями;
- *агалматофилия* (или *пигмалионизм*) – половое влечение к куклам, манекенам или статуям;
- *агонофилия* – пристрастие к играм, имитирующим борьбу и сопротивление;
- *акротомофилия* – влечение к людям с ампутированными конечностями;
- *альтокальцифилия* – фетиш на туфли с высокими каблуками;
- *геронтофилия* – влечение к людям пожилого возраста;
- *гифофилия* (*гифефилия*) – сексуальное возбуждение от прикосновения к определенным вещам, вроде перьев, волос или тканей, а также кожи (как материала);

⁶ Цитаты из «Половой психопатии» здесь и далее приводятся в переводе Н. Вигдорчика и Г. Григорьева (*прим. ред.*).

⁷ В современной медицине термином «парестезия» называется не извращение, а ощущение жжения, зуда либо покалывания в теле.

- *клизмофилия* – сексуальное возбуждение от манипуляций с клизмой по отношению к себе или партнеру;

- *копрофилия* – половое возбуждение от экскрементов либо от осуществления кем-то дефекации на человека или им самим на его партнера по взаимному согласию;

- *мазохизм* – возбуждение от подчинения, боли или связывания;

- *маскалания (масхалагния)* – влечение к подмышкам;

- *микроскопия* – желание наблюдать за людьми, совершающими половой акт, по предварительному согласию;

- *нософилия (назофилия)* – сексуальное влечение к носу;

- *окулофилия* – сексуальное влечение к глазам;

- *плюшефилия* – фетиш на мягкие игрушки;

- *раптофилия* – имитация изнасилования с партнером по предварительному согласию;

- *трихофилия* – фетиш на волосы;

- *формикофилия* – сексуальное возбуждение от ползания по телу муравьев или других мелких насекомых.

Другие парафилии более опасны и даже, откровенно говоря, греховны и преступны, потому что уже идея, лежащая в их основе, сама по себе пагубна и разрушительна:

- *амокосцизия* – желание резать или калечить женщин;

- *антропофаголагния* – изнасилование, сопровождающееся каннибализмом;

- *антропофагия* – собственно, каннибализм;

- *биастофилия* – изнасилование или совершение полового акта без согласия на то партнера;

- *гибристофилия* – влечение к серийному убийце и желание помогать ему (одна из немногих женских парафилий);

- *колобозис* – уродование мужских гениталий;

- *мазоперозис* – уродование женской груди;

- *некросадизм* – нанесение трупам увечий;

- *некрофагия* – поедание плоти трупа на поздних стадиях разложения;

- *некрофилия* – совершение полового акта с трупом;

- *педерастия* – совершение анального секса с мальчиками;

- *педофилия* – секс с детьми, не достигшими половой зрелости;

- *перогиния* – нанесение увечий женским половым органам;

- *пикеризм (пикьеризм)* – сексуальное удовлетворение от нанесения жертве ударов и порезов ножом или любым другим острым предметом, имитируя тем самым проникновение пениса;

- *садизм* – сексуальное возбуждение от доминирования, унижения человека или причинения ему боли против его воли;

- *скопофилия (или вуайеризм)* – наблюдение за тем, как другие люди раздеваются или занимаются сексом без их на то согласия;

- *флагелляционизм* – сексуальное удовлетворение от порки или избиения человека;

- *фроттеризм* – возбуждение от трения о другого человека без его на то согласия;

- *эротофонофилия* – убийство на сексуальной почве, сопровождающееся нанесением жертве увечий до или после смерти;

- *эксгибиционизм* – демонстрация своего тела без одежды перед незнакомыми людьми против их воли.

Хоть Крафт-Эбинга и можно считать первопроходцем в распознавании природы парафилий и схем их развития, его видение «нормальной» сексуальности было актуально лишь для того времени. Крафт-Эбинг считал, что любое проявление сексуальности, которое «не служит цели, определенной природой, т. е. продолжению рода, должно расцениваться как перверсия»^[95]. Но, несмотря на очевидную оценочность его суждений, исходящих из гетеронормати-

визма, Крафт-Эбинг успешно описал этот психологический процесс и классифицировал его многочисленные проявления.

Он обнаружил, что парафилия, возникающая в детстве, обычно становится той осью, вокруг которой во взрослом возрасте будет раскручиваться маховик серийных убийств.

Растим Каина: как сделать из ребенка серийного убийцу

Мы склонны считать, что серийные убийцы мужского пола формируются в очень юном возрасте – где-то около четырех или пяти лет, когда ребенок получает набор инстинктивных половых импульсов, которые не осознаются им как сексуальные, и в то же время переживает какое-то травмирующее событие, в результате чего оно сливается с половым импульсом^[96]. Формирование серийных убийц женского пола также происходит в детстве, но психосексуальный компонент играет в этом гораздо меньшую роль. Случаев женской парафилии гораздо меньше, и дисфункциональные фантазии девочек и девушек в большей степени завязаны на мести, самолюбии, контроле и агрессии, а не на сублимировании травмы и чувства отторжения, которые выражаются в сексуальном насилии. Именно поэтому серийные убийцы женского пола, как правило, не похищают, не пытаются, не калечат и не насилуют своих жертв, кроме тех случаев, когда они сотрудничают с серийными убийцами мужского пола.

Понять сущность этого раннего слияния мешает тот факт, что детская сексуальность рассматривается как запретная тема и исследовать ее в рамках «нормальной» клинической среды сложно как с технической, так и с этической точки зрения. Врачи, как правило, начинают заниматься детской сексуальностью только в случаях, если ребенок недееспособен или выступает жертвой насилия, но нормальное половое поведение и развитие «обычных» детей, как правило, происходит за пределами клинических наблюдений. Однако и общие наблюдения могут кое о чем сообщить. Например, на снимках УЗИ заметно, что мужские эмбрионы в утробе матери испытывают эрекцию (у эмбрионов женского пола определить похожий прилив крови не представляется возможным). У младенцев также случается эрекция, а дети обоих полов проявляют инстинктивный интерес к прикосновениям к своему собственному телу или, иногда, телам других детей и получают от этого удовольствия^[97]. В детстве сексуальное желание преимущественно не осознается и может формироваться, подавляться, направляться, сбиваться с курса, искажаться, травмироваться, извращаться, эксплуатироваться, вызывать стыд или наказываться под влиянием массы различных человеческих, культурных, религиозных, медийных, внешних и случайных факторов.

Мир полон опасностей, и сексуальное влечение у детей может преследоваться, искажаться или «оскверняться» в ходе намеренных или невольных взаимодействий с другими людьми – как сверстниками, так и взрослыми. Подобный акт надругательства над половым влечением может иногда исходить от прессы, телевидения, видеоигр, интернета или же – что хуже и вреднее всего – от акта хищнического сексуального насилия. Как правило, большинство детей растет, без особого труда избегая психосексуальных опасностей, но уже взрослыми мы каким-то образом часто забываем (или подавляем свои воспоминания) о ежедневных сексуальных угрозах, пережитых в детстве.

Любое из незначительных или серьезных нарушений сексуального влечения может спровоцировать развитие парафилий. В исследовании ФБР убийств, совершенных на сексуальной почве, преступники, пережившие в детстве изнасилование (43 % от общего числа), говорили, что начали фантазировать об изнасиловании в среднем в возрасте 11,6 года^[98]. Нам, взрослым, не всегда понятно, что такого травматичного может быть в том или ином событии, но главное, что именно сам ребенок воспринимает это событие в травматическом ключе, а им может послужить что угодно: от развода родителей, словесных оскорблений, порки или случайно промелькнувших порнографических изображений до избиений, изнасилования или наблюдения

за подобными действиями. Степень травмы и нанесенный ею урон для каждого человека измеряется по-своему.

Джерри Брудос – «похотливый убийца», или «убийца – обувной фетишист». Орон, 1969 г.

Случай с Джерри выступает одним из наиболее ярких и простых примеров парафилийной парестезии, возникшей в детстве. Он убил четырех женщин, наряжал их трупы в одежду, которая была предметом его фетишизма, фотографировал их и занимался с телами сексом. Одной из своих жертв Брудос отрезал ногу и хранил в морозильнике, чтобы потом примерять на нее свою коллекцию туфель на высоких каблуках, которые похищал путем краж со взломом, а также отбирал у случайных женщин на улице, сбивая тех с ног и поспешно скрываясь со снятой обувью. Другой жертве Джерри надел на ноги свои любимые туфли и попытался реанимировать тело разрядами электричества, которые заставляли труп дергаться и в конвульсиях сбрасывать обувь, что его возбуждало.

Брудос вспоминал: когда ему было пять лет, он нашел на мусорной свалке пару красивых туфель и принес их домой. Как и все дети, Джерри играл на полу и часто наблюдал за обутыми в разные туфли ногами матери или других женщин, и эта близость к энергии женственности каким-то образом его возбуждала, хоть в то время он этого и не осознавал. Как-то раз в порыве невинной игривости, любопытства и даже, возможно, похоти, маленький Джерри надел туфли, чтобы показать матери свое превосходство над объектами желания. Но когда мать увидела, как сын с бесхитростным удовольствием ковыляет по комнате на высоких каблуках, то очень разозлилась. Она закричала, обозвала Джерри «безобразником», а потом демонстративно сожгла злополучные туфли, при этом жутко стыдя мальчика.

По большому счету, травма небольшая, но с того момента туфли на высоком каблуке превратились для Джерри в предмет постыдного сексуального желания, и Брудос обзавелся тайным фетишем, который сформировался из детского инстинктивного порыва, смешанного с отвращением, гневом, чувством унижения и покорности материнскому наказанию. Всю оставшуюся жизнь Брудос пытался примирить живую женскую ногу с ее неодушевленным заменителем: туфлями на высоком каблуке^[99]. Его путь к убийству и некрофилии начался с рано назревшей потребности как-то совместить сакрально-сексуальное сознание с профанно-сексуальным неодушевленным предметом, и под силу это было только смерти.

Брудос стал убивать не только из-за эпизода с туфлями на высоком каблуке. У него было много других проблем, типичных для детства серийных убийц, включая дисфункциональную семью, постоянное отторжение и жестокое обращение со стороны матери. Также он страдал оттого, что его покидали другие женщины – что опять-таки типично для детства серийных убийц. Нежеланный ребенок привязался к соседке, которая относилась к нему доброжелательно, и представлял, что она – его настоящая мать, находя утешение в ее присутствии, но женщина умерла от диабета. Завязал Брудос близкую дружбу и с девушкой своего возраста, о которой позже отзывался с большим теплом и нежностью, но она умерла от туберкулеза. Чувство покинутости и потеря близких серьезно отразились на психике Брудоса.

В первом классе его поймали за кражей туфель из ящика учительского стола и за это унизили перед всем классом. Его отвергла мать, бросили другие женщины, и это разожгло в нем ярость по отношению к женщинам в целом, пробудило потребность контролировать их, заставлять быть с ним. Подчинять своей воле.

Когда Брудос достиг половой зрелости, сексуальный фетиш на ноги и обувь распространился и на другие части женского тела – тела тех, что стыдили его так, что вызывали гнев, бросали в одиночестве и приводили в отчаяние. Брудос начал красть женское белье, облегающие юбки и обтягивающие свитеры.

В семнадцать лет Джерри впервые переступил черту. Его арестовали за вовлечение девушки против ее воли в свои фетишистские фантазии. Он заставил соседку позировать и совершать действия сексуального характера перед камерой, а когда другая знакомая отказалась делать то же самое, Джерри ее избил. Брудос был направлен на принудительное лечение, после чего ему разрешили закончить старшую школу. К преступлениям он вернулся не сразу, а сначала нашел хорошо оплачиваемую работу на радиостанции. Когда ему было уже за двадцать, Джерри женился, и у него родилось двое детей. Казалось, он остепенился. Исцелился. Спасся. Искупил грехи.

Позднее его жена рассказывала, что Брудос был в постели нежным и внимательным, но настаивал, чтобы она надевала кружевное белье и туфли на высоком каблуке, иначе он не мог возбудиться. Ей нравилось ему подыгрывать, но после рождения первого ребенка некогда покладистой жене стало не до сексуальных игр. Она была слишком занята и очень уставала, поэтому перестала наряжаться и удовлетворять его парафилию. Брудос быстро вернулся в мир своих фантазий, наполненных детской болью и чувством отторжения, так как его вновь отвергла и унизила еще одна важная в его жизни женщина.

В подвале и гараже их дома он устроил берлогу, куда никого не пускал и где размещалась его постоянно пополняющаяся коллекция белья и туфель на высоких каблуках. Иногда Брудос надевал их и позировал перед зеркалом, фотографировался или непроизвольно мастурбировал на фантазии, в которых овладевал полуодетыми женщинами в туфлях на высоких каблуках (точно так же себя вели серийные убийцы Деннис Рейдер и Рассел Уильямс).

Чтобы парафилия перешла на новую стадию и привела к убийству, нужен был лишь толчок.

Прежде чем Брудос совершил первое тяжкое преступление, произошло два события. Несчастный случай на радиостанции: от удара током он потерял сознание и был так серьезно ранен, что чуть не умер. Те, кто хорошо знал Джерри, говорили, что после этого Брудос уже никогда не был прежним. Стало ли это последней каплей и причиной, из-за которой Брудос начал убивать, мы точно не знаем. Но, вне всяких сомнений, Джерри получил очень сильный удар током по голове.

Вскоре после этого инцидента на свет должен был появиться его второй ребенок. Брудос хотел присутствовать при родах, держать жену за руку, протирать ей лоб, но в последнюю минуту она отказалась. И вновь Джерри почувствовал себя отвергнутым и брошенным женщиной, играющей большую роль в его жизни. Вскоре после этого последовали убийства.

В двадцать девять лет (а серийные убийцы в среднем начинают совершать преступления в двадцать восемь) Брудос стал похищать женщин и привозить в свой гараж или подвал, где лишал их жизни, а трупы хранил в морозильнике. Пока его жена и дети беззаботно жили и играли наверху, он доставал тела, давал им оттаять и использовал в качестве раздетых сексуалок, после чего отрезал определенные части, а остальное сбрасывал в реку. Одной жертве Брудос ампутировал грудь, другой же – отрубил стопу.

Безобидный фетиш на высокие каблуки обернулся для кого-то смертью, когда социально неадаптированному Джерри понадобилась нога для примерки туфель из коллекции и он почувствовал, что ради этого вынужден убивать. Таким образом, с виду безобидный фетиш может оказаться эпицентром урагана из преступных парафилийных маний.

Современная дестигматизация «хороших» парафилий

Социально-психологическая дискриминация парафилий, с которой столкнулся Брудос, чье детство и юность пришлись на 40–50-е годы, – весьма неприятное явление, ведь сегодня на Западе столь многие парафилии стали приемлемы для пар, согласных насладиться игрой. В последнем, пятом издании «Диагностического и статистического руководства по психиче-

ским расстройствам» (DSM-5) многие парафилии были официально исключены из списка расстройств, требующих лечения.

Согласно DSM-5, если парафилия «не вызывает стрессовых переживаний или не приводит к ухудшению состояния» у пациента, а также не заставляет его принуждать к чему-либо других людей, наносить им травмы или причинять вред, то она не считается расстройством, требующим врачебного вмешательства. В DSM-5 указывается, что «парафилия является необходимым, но недостаточным условием для наличия парафилийного расстройства и сама по себе не служит основанием для клинического вмешательства и не требует его проведения»^[100]. Таков взгляд современной психиатрии на новооткрывшуюся широту диапазонов человеческой сексуальности, реализуемой в рамках согласия обеих сторон, в контексте нормы и патологии (или, говоря языком DSM, *нормофилии*).

В своем отношении к парафилиям психиатрия продвинулась до признания гендерной неконформности и половой вариативности, исключив из списка расстройств все «хорошие» и не вызывающие стресса парафилии. Переоценка признаков «ненормальной» сексуальности началась в 1973 году – именно тогда во втором издании DSM из списка психических расстройств изъяли гомосексуальность^[101].

Если бы Джерри Брудосу сказали, что в фут-фетише и любви к туфлям нет ничего такого и этого не нужно стыдиться, возможно, ему бы не пришлось доводить реализацию своего позорного и секретного желания до убийства.

Таким образом, парафилии могут быть социально сконструированы в детстве в результате нарушения связи между рептильным мозгом и лимбической системой, вызванного культурным опытом, получаемым из окружающей среды, а не изменениями в естественном состоянии сексуальности, предназначение которой сегодня уже не сводится лишь к репродуктивной функции^[102].

Здесь возникает вопрос: что, если бы туфель на высоком каблуке не существовало? Стал бы тогда Джерри Брудос серийным убийцей?

Когда мы в следующих главах будем рассматривать серийные убийства с точки зрения истории, то увидим, как некоторые парафилии в самом деле изменяются с течением времени вместе с психосоциальными, социальными и культурными нормами, стадиями технологического развития и тенденциями в области моды и эстетики.

Нарушенные «карты любви»: от любви к страсти, из ребенка в парафилийные серийные убийцы

Джон Уильям Мани (1921–2006), профессор медицинской психологии и педиатрии в Университете Джона Хопкинса, предложил для описания парафилий теорию «испорченных карт любви». Он сосредоточился на том, как западная христианская культура противопоставляет понятия любви и страсти, на том, как мужское восприятие женщины колеблется между полюсами «мадонны» и «блудницы» – таков социально-культурный конструкт, созданный архаическим богословием. Мани считал, что «карта любви» – это путь, по которому человек ориентируется, перемещаясь между двумя половинами одного целого: страстью и любовью. Он писал: *«Определяющей характеристикой сексософии христианского мира является учение о разделении священной любви и греховной страсти. Оно пронизывает все сферы, проникает во все структуры современного христианства... Разрыв между священной любовью и греховной страстью наблюдается во всем сексуально-эротическом наследии нашей культуры. Любовь непорочна и священна. Страсть оскверняющая и греховна. Всё, что выше пояса, – любовь, ниже – страсть. Страсть похотлива. Любовь лирична. Страсть хранят в тайне. О любви возвещают публично. Нет ничего плохого в том, чтобы отстаивать свою любовь, но борьба за страсть порицается. Любовь искренна и не скрывается под другими именами. Страсть*

замалчивается и заменяется пристойными словами. В той или иной степени раскол между любовью и страстью закладывается в планировке карт любви всех подрастающих мальчиков и девочек»^[103].

Это объясняет существование серийных убийц среди хороших мужей/отцов/друзей, способных сочетать в себе лиричную, священную любовь к жене и детям, в то время как в душе у них кипит оскверняющая, греховная, смертельная страсть к другим женщинам, как было с Ричардом Коттингемом, отделявшим любовь к супруге и двум любовницам от садистской страсти к женщинам, которых он похищал, мучил, насиловал и убивал. То же и с Деннисом Рейдером, по прозвищу Убийца СПУ: на всем протяжении того времени, как он преследовал и убивал женщин, – у него была семья и пост старосты в лютеранском храме. Или Гэри Риджуэй, Убийца с Грин-Ривер, – уважаемый автомалляр с хорошим заработком, который добросовестно обеспечивал семью и в то же время совершал половые акты с трупами как минимум сорока девяти убитых женщин.

Джон Мани описывал возникновение парафилий как процесс превращения трагедии или травмы в торжество. Под травмой понимается искажение конвенциональной гетеросексуальной (нормофильной) карты любви ребенка из-за насилия, отвержения, чувства покинутости, унижения или любого из множества других травматичных событий, которые могут произойти в детстве. Торжество – это высвобождение страсти из-под гнета сексуально-психологических обломков, оставленных после травмы, и ее направление по новой, измененной карте любви в сторону парафилии или фетишей. Мани утверждал, что «новая карта дарит второй шанс, но не просто так. Ценой станет окончательное разделение понятий святого и греховного, страсти и любви. Мадонна и блудница расходятся навеки, как и образы примерного семьянина и распутника. Страсть относится лишь к блуднице и распутнику, а любовь – только к Мадонне и кормильцу семьи. Мадонна и кормилец, словно добропорядочный доктор Джекилл, отсекаются от блудницы и распутника, как было со злым «я» доктора – мистером Хайдом»^[104].

В модели «торжества выживания» Мани сравнивает тех, кто имеет сексуальные парафилийные зависимости, с людьми, которые пристрастились к экстремальным видам спорта, или марафонцами, преодолевающими боль и измождение, чтобы получить наслаждение, которое испытывает тело от вырабатываемых гормонов, призванных заглушить неприятные ощущения.

Модель «выживания» дополняет модель «контроля травмы», широко известную в психопатологии серийных убийц. Многие считают, что серийные убийства связаны не столько с сексом и похотью, сколько с чрезвычайно высокой потребностью во власти и контроле, необходимой для возмещения отсутствия контроля в детстве, когда убийцы переживали травмы или жестокое обращение.

Подобно Крафт-Эбингу и Ломброзо, на данный момент Джон Мани впал в немилость. В его противоречивых убеждениях звучало утверждение, что гендерная идентичность обладает не врожденным, а приобретенным характером и что педофилия может в некоторых случаях быть безобидным способом проявления ласковых чувств^[105].

Несмотря на то, что над вопросом, почему и как мощный сексуальный репродуктивный инстинкт сливается с агрессивным инстинктом убийства или голода, бьются целые легионы судебно-медицинских психиатров, психологов, нейробиологов, врачей, криминалистов и социологов, мы все еще не до конца поняли его механизм. Хотя у нас есть некоторое представление о процессе парестезии, главные причины его возникновения все еще остаются в тайне.

В целом существует устоявшееся мнение, что травмы в раннем детстве могут спровоцировать аномальное слияние сексуально-репродуктивного импульса с совершенно посторонним на первый взгляд чувством или импульсом, что и приводит к возникновению парафилий^[106]. Причина может крыться в поведении, факторах окружающей среды, генетической обусловленности, биохимических процессах – или во всем сразу. Мы просто еще не знаем или не совсем понимаем, как появляются серийные убийцы (за более подробным обзором нюансов психопатологии)

тологии серийных убийц я предлагаю читателю обратиться к моей первой работе: «Серийные убийцы: классификация безумных монстров» и другим замечательным источникам, список которых есть в конце этой книги).

Проблема со всеми теориями и моделями состоит в том, что миллионы людей переживают в детстве такие же травмы, проблемы в семье или повреждения головы, что и серийные убийцы, испытывают точно такие же мрачные фантазии, но лишь немногие действительно пытаются воплотить их в жизнь и становятся серийными маньяками-извергами.

Тот самый решающий фактор, который и определяет преступника, все еще остается неизвестным, и, пока мы его не нашли, не стоит торопиться сбрасывать со счетов старое доброе библейское Зло (о принципе «бритва Оккама» читайте в главе 10).

От воображения к реальности: цикл воплощения навязчивых фантазий о серийных убийствах

Хоть парафилии и придают концептуальную структуру фантазиям серийного убийцы – создают «почерк», согласно терминологии профилирования, – сами по себе фантазии не могут толкнуть на совершение тяжкого преступления. Многие воображают себе что-нибудь незаконное, но никогда не пытаются воплотить это в жизнь и не становятся от этого зависимыми. Опрос здоровых учащихся молодых людей, не имеющих судимостей, показал, что 62 % из них фантазировали о сексе с несовершеннолетней девочкой, а 33 % признались, что изнасиловали бы женщину, «если бы об этом никто никогда не узнал» и «не будь потом последствий»^[107].

Многих мужчин возбуждает женщина в туфлях на высоких каблуках, но они даже представить не могут, что убьют ее и отрежут ногу, как это сделал Джерри Брудос. Влюбленные пары могут заниматься «жестким сексом» в разных его проявлениях: облапывать друг друга, покусывать, царапать, дергать за волосы, даже вгрызаться в плоть от переизбытка любви и тому подобное. Как говорил Шекспир: «Та сладостная боль, когда целует до крови любимый»⁸ («Антоний и Клеопатра», акт 5, сцена 2). Подобная сексуальная игра с долей агрессии, происходящая по взаимному согласию партнеров, может содержать отголоски первобытных брачных игр, похожих на игры животных, но в ней нет цели причинить любимому настоящий вред.

Серийный убийца тем и отличается, что готов переместить проявления агрессии с «карты» игривых фантазий на путь реальности и осуществить их уже по-настоящему, даже если это приведет к ранениям и убийству объекта мечтаний.

Согласно модели серийных убийств под названием «контроль над травмой», в процессе слияния у ребенка развивается не только парафилия, но также и некоторое эмоциональное дистанцирование, направленное на то, чтобы пережить травму и попытаться ее контролировать. У ребенка появляется эмоциональный шрам и развивается защитная реакция, которую мы обычно считаем проявлением психопатии: эмоциональная пустота. Она избавляет жертву от психологической боли после травмы, но и приводит к полному отсутствию эмоций, относимых к лимбической системе, в частности эмпатии, чувства совести, вины, ответственности или раскаяния. В сочетании с фантазиями о мести и потребности во власти, сексуализируемой с приходом пубертата, во взрослом возрасте психопатия может сотворить из такого ребенка неистового серийного убийцу.

Некоторые считают, что психопатия может начаться еще в младенчестве, когда ребенок теряет физическую связь с матерью. Например, Дэвид Берковиц (Сын Сэма, как он называл себя в письме полиции) был усыновлен во младенчестве и воспитывался родителями, которые его вроде бы любили и лелеяли, но все же мальчика снедала необъяснимая ярость, уже тогда толкавшая его на преступления – еще в детстве он убил канарейку приемной матери.

⁸ Перевод М. Донского (прим. ред.).

Сразу же переданный после рождения на усыновление и брошенный своей биологической матерью, Дэвид в возрасте всего нескольких часов лишился физического контакта с ней, что, возможно, заставило пугливого младенца озлобиться и укрыться под защитой мрачной, но эмоционально безопасной для него норки психопатии, выхода откуда он так и не нашел. Предохранитель сгорел, провода оплавилась, и в нейронных связях ребенка случился кратковременный, но необратимый перерыв питания.

Двадцать три года спустя, найдя свою биологическую мать и снова почувствовав себя отвергнутым, Берковиц в ярости начал стрелять в женщин и счастливые пары на свиданиях и одновременно отправлять в газету издевательские письма.

Проблема с моделью контроля над травмами заключается в том, что, хотя некоторые профессиональные убийцы и получают высокие баллы по тестам на психопатию, лишь незначительное меньшинство психопатов начинает совершать преступления. Многие из них становятся успешными и продуктивными бизнесменами, предпринимателями из Кремниевой долины, финансовыми менеджерами с Уолл-стрит, застройщиками, адвокатами, актерами, голливудскими агентами, экранными проповедниками или политиками, то есть преуспевают в таких карьерах, где отсутствие эмпатии и заботы о чувствах других людей является преимуществом. Некоторые используют свои деструктивные «сверхталанты», чтобы избавиться от соперников, получить прибавку к зарплате и похвалу за хорошую работу. Другие же крушат и уничтожают все вокруг, разрушая свои жизни и жизни близких людей своей ложью, безответственными рисками, секретами двойной жизни, преступлениями и проступками – но никого при этом не убивают.

Исследование сексуальных убийств, проведенное ФБР, показало, что в формировании серийного маньяка психопатия выступает лишь одним из многих факторов. Наиболее распространенными отличительными чертами детской биографии серийных убийц являются травмы и нестабильная семейная ситуация. В подростковом возрасте целый ряд сексуальных парафилий сливается с вызванной травмой психопатией или чем-то вроде социопатии, антисоциального расстройства личности либо же другим поведенческим расстройством (самое простое объяснение разницы между психопатией и социопатией, которое я слышал, заключается в том, что социопат определяется тем, что он делает, а психопат – тем, кто он есть). Разница во мнениях о природе одного и того же явления между разными группами психиатров – вопрос диагностики.

Изнасилование – это не единственный тип травмы, которую серийные убийцы переживают в детстве; так же часто чувство покинутости может быть вызвано распадом семьи. Они вынуждены погружаться в мир воображаемого, в котором ищут мести и контроля. Зачастую посттравматическая психопатия или дистанцирование приводят к тому, что их поведение вызывает дальнейшее отторжение или даже издевательства со стороны сверстников, что лишь разжигает усиливающееся чувство брошенности, одиночества и изоляции, и в итоге дети отступают в область жестоких фантазий о мести, в которых находят успокоение и контроль. А контроль серийный убийца ценит *превыше всего*.

Все это происходит одновременно с развитием сексуальности ребенка. В то время как большинство детей развивают «нормальные» отношения с понятными границами, одинокий ребенок – «серийный убийца» исключается из такого рода взаимодействия и становится замкнутым и изолированным в мире своих фантазий.

В этой мрачной вселенной развиваются гормональные половые импульсы, и подросток начинает психологическое самолечение с навязчивой мастурбации на возбуждающие, приятные, примитивные и агрессивные фантазии о мести и контроле: это мощный процесс адаптации, в котором зачастую присутствует болезненное чувственное взаимодействие с крайне фетишизированными куклами, эротическими картинками или предметами, особенно вещами из женского гардероба, олицетворяющими тех, кто их носит, – объектами инфантильных жела-

ний и обид формирующегося серийного убийцы, подвергаемыми им символическому наказанию или отторжению. Такие предметы или заменители ребенок зачастую портит или ломает, вымещая свою ярость, которая продолжает пульсировать и расти в подростковом возрасте, пока окончательно не созреет во взрослом преступнике. Тогда злость и тяга к разрушению могут представлять опасность, смещаясь с неживых предметов на настоящую женщину, которая их носит.

В детстве серийные убийцы иногда подвергают себя ритуальному сексуальному насилию, а потом пробуют повторить это во взрослом возрасте, но уже на других людях. Харви Глатмен по прозвищу Убийца одиноких сердец связывал своих жертв в замысловатых позах, схожих с теми, что были на обложках детективных журналов, фотографировал, потом насиловал и душил (подробнее о Глатмене читайте в главе 14). Когда ему было три года, мать застала его за привязыванием пениса к ящику комода. В подростковые годы родители нашли его в ванне практикующим эротическое удушение: он привязал себя за шею и половой член к смесителю. В четырнадцать лет родители отвели его к психиатру, заметив на шее ожоги от трения о веревку. В исследовании ФБР о сексуальных убийствах упоминается, что некоторые преступники сообщали, будто в возрасте шести лет у них проснулась тяга к туфлям на высоком каблуке, женскому нижнему белью и веревкам – все это во взрослом возрасте они включили в ритуальные процедуры убийства.

Постепенно, в подростковом возрасте, они начнут «тестировать» свои фантазии в реальном мире. Прежде чем начать убивать, Тед Банди без каких-либо конкретных мотивов вывел из строя автомобили, принадлежащие женщинам: ему просто было интересно, что будут делать жертвы. Так он удовлетворял потребность держать под контролем объекты своего желания. До того как Эд Кемпер дорос до вуайеризма, он уродовал кукол своей сестры. Однажды она дразнила его тем, что Эд якобы влюблен в свою учительницу и хочет ее поцеловать. На что Кемпер ответил: «Чтобы поцеловать, мне пришлось бы сначала ее убить».

Иногда юные преступники воплощают свои фантазии, совершая более мелкие злодеяния: например, устраивают поджоги, мучают животных (чаще всего – кошек) или подглядывают за кем-то, иногда утаскивают женское белье или врываются в чужой дом и просто наблюдают за жертвой, пока она спит, без каких-либо дальнейших действий, что дает ощущение контроля над объектом. Определив границы своего возбуждения, преступники идут дальше: например, вламываются в дом и стоят над спящей жертвой, но уже с ножом в руке. Когда Банди было три года, его пятнадцатилетняя тетя однажды проснулась оттого, что маленький Тед пытался засунуть ей под одеяло три ножа для разделки мяса^[108]. В конце концов преступнику становится недостаточно ощущения контроля, который он испытывает, наблюдая за спящей, ничего не подозревающей жертвой, и тогда он повышает планку: вонзает в нее нож и убивает. На многих женщин Банди нападал, когда они спали в своих постелях, и наносил им увечья. Высшая степень контроля – это некрофилия, власть над трупом. Хоть Тед Банди и совершил похищение нескольких жертв, это было лишь средством «заполучения» жертвы, которую он убьет и позднее полностью возьмет под свой контроль где-нибудь в отдаленном потайном месте, где впоследствии окажутся целые скопления трупов (точно так же, как и у Убийцы с Грин-Ривер). Другие же серийные убийцы могут получать необходимую дозу контроля именно в процессе похищения. Мнения профайлеров часто начинают разделяться в попытках понять, являются ли конкретные действия серийного убийцы инструментальными (М. О. – *modus operandi*, или образ действия) или чисто патологическими («почерк») (подробнее о почерке читайте в главе 10).

Так называемые «катализаторы» вроде алкоголя, наркотиков и порнографии также используются для совершенствования и более глубокой проработки фантазийных сценариев, а также для снятия внутренних запретов на развитие этих фантазий. В качестве наркотика серийные убийцы предпочитают алкоголь. Одно недавнее исследование сексуальных убийц

показало, что 64 % пили во время совершения преступления^[109]. Другие вещества, которые принимают преступники, – это амфетамины, кокаин, галлюциногены и каннабис.

Наконец, часто срабатывает триггер, или «последняя капля»: увольнение с работы, развод, разрыв отношений, рождение ребенка, несчастный случай, даже непреднамеренное убийство (например, когда спящая жертва внезапно просыпается). Часто идентификация серийного убийцы начинается с изучения триггеров стрессовых событий в истории подозреваемого, соотносенных с графиком убийств.

У каждого серийного убийцы есть первое преступление, когда он становится убийцей, но еще не серийным. Некоторые прокальваются после первой попытки, и их задерживают прежде, чем они совершат новое убийство, оставив после себя только патологический «почерк» серийного убийцы, но не необходимое для серийного убийства количество жертв; некоторые из них после отбытия длительного срока за первое убийство или даже два затем условно освобождаются и снова принимаются за старое.

Например, Питер Вудкок (Дэвид Майкл Крюгер) в подростковом возрасте убил троих детей и на тридцать четыре года был определен в психиатрическую лечебницу. Потом его признали достаточно вменяемым, чтобы позволить на день выйти в город и пообедать в пиццерии. Он немедленно убил и изуродовал свою четвертую жертву – товарища по палате – прямо на территории больницы, потом пошел за пиццей, после чего добровольно сдался полиции^[110]. Артур Шоукросс убил в 1972 году двоих детей, отсидел четырнадцать лет, а после выхода из тюрьмы совершил за два года двенадцать убийств, сопровождаемых актами некрофилии.

Первое преступление иногда так сильно отражается на серийных убийцах, что второе они совершают лишь через много лет, когда фантазия или какой-то новый триггер побудит их действовать (как было с Джефффри Дамером или Ричардом Коттингемом). Другие становятся зависимыми с самого первого убийства.

Как правило, симптомы психопатии ослабляются в зрелом возрасте вместе с понижением уровня тестостерона, поэтому серийные убийцы, которых не успели задержать, в сорок-пятьдесят лет начинают совершать преступления гораздо реже или вообще уходят на покой. Как в случае с Гэри Риджуэйем или Деннисом Рейдером, преступники могут убить огромное количество жертв, а потом временно или навсегда отойти от дел, после чего, годы спустя, вину серийных убийц доказывают с помощью новых методов расследования, применяемых к уликам, возраст которых исчисляется десятилетиями.

Как одно убийство превращается в серию: преступник на игле зависимости от второго убийства

Второе убийство происходит на качественно новом уровне. Именно оно проводит различие между обычным «разовым» убийцей и серийным маньяком. Иэн Брейди, который убил в шестидесятых пяти детей, описал свое второе убийство как «избавление психики от искупления». С его слов: «у второго убийства будут присутствовать все те же недостатки и отвлекающие элементы, что и у первого, только меньше. Позволяет воспринимать опыт более объективно. Ощущение всемогущества расширяется, угол обзора метафизической шахматной доски становится больше. Во многих случаях элемент возвышенного эстетизма во втором убийстве окажет большее влияние на становление – больше, чем первое или любое последующее. Оно не только представляет своего рода обряд конфирмации, скачкообразную утрату веры в человечество, но и знаменует начало пристрастия к гедонистическому нигилизму»^[111].

Парафилии одновременно существуют как в воображении (в виде фантазий), так и в реальности (в виде попыток воплотить эти фантазии в жизнь). Попытка воплотить в жизнь парафилию так же идеально, как она предстает в фантазиях, вызывает сильное привыкание, особенно когда зависимость подкрепляется многолетней мастурбацией с достижением

оргазма. Среднестатистический серийный маньяк начинает убивать где-то в возрасте двадцати восьми лет, и, значит, может пройти двадцать или больше лет, прежде чем глубинные детские грезы начнут набирать обороты и перерастут в реальные преступления^[112].

Когда убийца лишает жертву жизни, насилует ее или калечит, то зачастую испытывает подавленность и потрясение, так как понимает, что на вкус новая реальность далеко не так сладка и утешительна, как долго вынашиваемая фантазия. Таким образом, он может стать зависимым от улучшения и совершенствования реальности до уровня фантазии, в то же время чувствуя фрустрацию из-за своей неспособности вернуться к удовольствию и комфорту, даруемым фантазией, которые испытывал прежде, чем ощутил вкус реальности.

Со временем серийный убийца будет пытаться развивать навыки и методы, чтобы получить больше контроля над жертвой и убедиться, что он (или она) выполняет всё в точности как по сценарию, созданному в фантазиях. Для некоторых серийных маньяков превращение жертв в неодушевленный объект, то есть убийство, или «изгнание из тела» и «изготовление кукол» – так описывал свои убийства Эдмунд Кемпер – часто является самым простым способом заполучить этот контроль. Преступник может также проявлять большую жестокость с целью компенсации потери удовлетворения, которое давали фантазии из прошлого.

Несмотря на это, в реальности серийный убийца никогда не сможет достичь такого совершенства, как рисует воображение (поэтому фантазии так и называются, глупый!). Преступник теперь постоянно сидит на игле своих сексуальных фантазий, не в силах остановиться. Серийные убийства – это зависимость.

Некоторые серийные убийцы, у которых не осталось мира грез, куда можно сбежать, или не хватает воображения создать новый, становятся буйными, утрачивают былую аккуратность, а потом их задерживает полиция, как получилось с Тедом Банди и его последними безумными преступлениями во Флориде, или с Ричардом Коттингемом (описанным выше), или Кеннетом Бьянки, одним из Хиллсайдских душителей. Некоторые серийные маньяки просто перестают убивать и сбегают в новое параллельное измерение фантазий, в которых может и не быть убийств (например, Альберт де Сальво по прозвищу Бостонский душитель), в то время как другие оказываются в тюрьме за другие неудавшиеся преступления, совершают самоубийство или просто сдаются полиции и признаются в содеянном, как поступил Эд Кемпер после убийства своей матери.

Некоторые серийные убийцы залегают на дно, и если ДНК-анализ или какая-то другая новая технология не поможет следователям распутать глухое дело, то, возможно, их личности так и останутся неустановленными. Другие умирают прежде, чем их поймают. Вот некоторые из самых известных неопознанных серийных убийц: Джек Потрошитель (Лондон, 1888), Кливлендский мясник (1930-е) и Зодиак (Калифорния, конец 1960-х).

Часть II. Хроники серийных убийц: Начало судебно-медицинской истории монстров

Глава 4. Рассвет «незначительных» мертвецов: серийные убийцы и современность

*То, чему ты так поражаешься, всего-навсего повседневные
привычки этого изверга: он этим живет, ради этого бодрствует, ради
этого зажигает у себя лампы.*

Луций Сенека о Калигуле

Я думал, что делаю вам одолжение...

Из разговора Гэри Риджуэя (Убийцы с Грин-Ривер) с полицией

Психология сама по себе не объясняет существование серийных убийц. До наступления Нового времени многие серийные убийства совершались, так сказать, «под давлением обстоятельств», а совершали их так называемые «меркантильные гедонисты»: разбойники, грабители, пираты или людоеды, основным мотивом которых выступало выживание или материальная выгода. Жизнь человеческая в те годы ценилась дешево, а институциональные правоохранительные органы практически отсутствовали. Среди меркантильных убийц-гедонистов были и печально известные женщины, которые травили и убивали ради личной выгоды, власти, мести или по указанию богатых клиентов.

Ближе к нашему нынешнему пониманию серийных убийств, основанных на сексуальных фантазиях, стоят случаи садистских казней, совершенных могущественными тиранами и аристократами ради развлечения, без какой-либо финансовой выгоды. В отличие от студентов колледжей, только фантазирующих об изнасиловании, «за которое ничего не будет», деспоты и тираны *могли* творить что угодно на свое усмотрение. В старину серийные убийства с элементами сексуально-садистской патологии часто совершались лицами, в достатке обладающими богатством, властью и свободным временем, чтобы предаваться сладострастным мечтаниям о душегубстве и претворять их в жизнь в качестве развлечения и для удовольствия. Один из ранних терминов, применяемых к серийным убийствам, так и звучал: «убийство ради развлечения».

В течение очень долгого времени господствовало мнение, что привычных нам сексуальных серийных убийц мужского пола не существовало вплоть до последних двух столетий. Место первого современного сексуального серийного убийцы в нашем представлении о мире занимает Джек Потрошитель, и его появление объясняется несколькими причинами, в частности урбанизацией и индустриализацией, которые начались в странах Запада в 1750-х.

Серийные убийства и досуг

Одна из теорий о появлении сексуальных серийных убийц выглядит следующим образом. В доисторические времена, до того, как западная цивилизация прошла промышленную революцию, большинство людей было слишком занято поиском безопасности, пищи и крова, так что на мысли о сексуальных потребностях и фантазиях сил не оставалось. Пределом грез обычного человека было дожить до утра. Первостепенной насущной задачей для большинства выступали более важные вещи: еда и ночлег в тепле и покое, где их не ограбят и не убьют.

Лишь у немногих находилось время на «хобби» вроде сексуальных серийных убийств – все были слишком заняты выживанием.

Однако немногочисленная горстка деспотов и аристократов обладала достаточным количеством времени и богатства, чтобы потакать своим не связанным с выживанием желаниям – например, наслаждаться государственной властью, расширять границы, разнообразить свою половую жизнь и покровительствовать деятелям искусства.

Например, существуют исторические свидетельства о римских императорах, которые убивали исключительно ради гедонистического удовольствия, таких, как Калигула (12–41 н. э.) и Нерон (37–68 г. н. э.); широко известен царь-садист Иван Грозный (1530–1584) и безумный господарь Влад III Дракула (ок. 1428 – ок. 1477) по прозвищу Колосажатель (рум. *Ceneiu*), ставший прототипом Дракулы в одноименном романе Брэма Стокера.

Жиль де Ре, Синяя Борода (1405–1440), один из богатейших людей Франции и соратник Жанны д'Арк, был обвинен в пытках, изнасиловании и убийстве сотен детей. Елизавета Батори (1560–1614), венгерская Кровавая графиня, обвинялась в убийстве крестьянских девушек и купании в их крови в надежде, что это сохранит ее юный облик.

Хоть они и были аристократами, от других тиранов-садистов их отличает то, что ни Елизавета Батори, ни Жиль де Ре не обладали официальной властью над жизнью и смертью, какая была у Калигулы по отношению к его жертвам. Их убийства были «частноправовыми» преступлениями, что признавал даже феодальный закон, согласно которому они правили и вершили власть. В отличие от Калигулы и других деспотов-императоров, де Ре и Батори были арестованы, преданы суду, признаны виновными и приговорены к наказанию за свои преступления, несмотря на аристократическое происхождение (хотя некоторые историки приводят веские аргументы в их пользу и считают, что их обоих оклеветали политические противники из соображений силового давления)^[113].

У этих деспотов, которые, как поговаривали, обожали убивать «голыми руками», хватало свободного времени для подобных развлечений. О политических мотивах совершения преступления, вроде обретения или удержания власти, речи не шло. Они убивали без какой-либо практической цели, маниакально и во имя личного удовлетворения. Многие современные маньяки ищут именно такой власти над жизнью и смертью, какая в прошлом была у кровавых тиранов. Именно власть и контроль, а не похоть зачастую заводит серийного убийцу, даже если они обретают власть и контроль через действия сексуального характера.

Античные серийные убийцы-аристократы: власть и жажда крови

Представлять сумасшедших деспотов серийными убийцами не значит упражняться в переоценке минувших событий. Они были признаны монстрами в человеческом обличье еще в свою эпоху и осуждались современниками и коллегами. Сегодня мы часто спокойно относимся к серийным убийствам, которые совершали античные полководцы, тираны и деспоты, видя в них не более чем проявления примитивной силовой политики, и предполагаем, что подобное поведение в те времена было в порядке вещей. Однако исторические записи показывают, что подобная жестокость *уже в то время* воспринималась как нечто странное, патологическое или девиантное.

В историях об описанном в Библии убийстве царем Иродом своей жены Мариамны сквозит недовольство тем, что он в течение семи лет держал ее труп у себя и все эти годы совершал акты некрофилии^[114]. Отсылки к деяниям Ирода связаны с «Последними вратами» – написанном во II веке разделе Вавилонского талмуда, где сообщается, что Ирод «семь лет хранил ее тело в меду. Кто-то говорит, что у него были с ней половые сношения, другие же утверждают,

что нет. По словам тех, кто верит, некрофилия имела место: он забальзамировал жену, чтобы удовлетворить свои желания»^[115].

Калигула (12–41 г. н. э.)

Римская империя с ее распятиями и гладиаторскими играми во многих отношениях кажется варварской, но даже в обществе, где кровопролитные бои и казни служили популярным развлечением для толпы, осуждалось серийное убийство «в частном порядке». Рассмотрим случай с римским императором Гаем Цезарем по прозвищу Калигула.

Подозревали, что сестра Калигулы – Друзилла – забеременела от него, а потом он ее выпотрошил, чтобы не родился ребенок, способный соперничать с ним в его божественности. Но, по многим сведениям, Калигула пытал и убивал десятки человек просто ради забавы.

Римский государственный деятель, философ и писатель Сенека Младший (4 г. до н. э. – 65 г. н. э.) в своем труде «О гневе» (*De ira*) описал зверские убийства Калигулы, осудил его одержимость пытками, желание приступить к ним как можно скорее, его склонность (или почерк, говоря современным языком профилирования) затыкать рот своим жертвам и наблюдать, как они умирают. Сенека писал: *«Вот только недавно Гай Цезарь сек плетью и подверг пыткам... других римских сенаторов и всадников, всех в один день, причем пытал не ради того, чтобы получить показания, а ради собственного удовольствия. Затем он столь нетерпеливо возжелал следующего наслаждения, которое его жестокость почитала исключительным и хотела получить безотлагательно, что прямо на террасе сада... в имении его матери, в обществе матрон и других сенаторов, при фонарях отрубил им головы. Но разве совершалась когда-либо прежде вещь столь неслыханная, как ночная казнь? В потемках прячутся обычно злодейские убийства, – напротив, справедливая казнь должна совершаться на виду у всех – тогда она принесет больше пользы как предостережение и средство исправления нравов. Но и здесь, я чувствую, мне возразят: „То, чему ты так поражаешься, всего-навсего повседневные привычки этого изверга: он этим живет, ради этого бодрствует, ради этого зажигает у себя лампы“. Хорошо, но, кроме него, вы не найдете, я думаю, никого, кто повелел бы затыкать казнимым рот губкой, чтобы лишить их возможности кричать. Где это видано, чтобы человеку, обреченному на смерть, нельзя было даже застонать?...Когда под рукой не оказывалось губки, он распорядился раздирать одежду несчастных и набивать им рот тряпками. Откуда такая дикая жестокость?»*^[116]⁹.

Представьте, жестокость Калигулы (он ведь затыкал рты своим жертвам и убивал их ночью!) шокировала общество, в котором серийные убийства были узаконены как зрелищное состязание на потеху тысячам людей, собравшихся у арены. Мужчины, которых пытаются до смерти, бросают на съедение диким зверям или заставляют драться не на жизнь, а на смерть в гладиаторских боях, проститутки, ублажающие под трибунами взбудораженных видом смерти и крови клиентов, – таковы были тогдашние развлечения. Но кляпы и убийства людей по ночам? Отвратительно! Перефразируя слова из фильма «Апокалипсис сегодня»: обвинять Калигулу в жестокости в имперском Риме – то же, что штрафовать за превышение скорости на автомобильной гонке «500 миль Индианаполиса».

Согласно избитому стереотипу, у эскимосов существует множество слов для обозначения снега – у римлян же и в самом деле имелся большой запас наименований для различных состояний и степеней жестокости и насилия. Сенека классифицировал насилие и пытки по функциям, относя, например, распятие и публичные казни на аренах к категории *crudelitas* (лат. «жестокость»), и считал их использование разумным, ведь у них была конструктивная цель: предотвращение восстания или наказание преступников. Латинское слово

⁹ Перевод Т. Бородай (прим. ред.).

crudelitas, а вслед за ним и английское *cruelty*, происходит от *crudos*, что означает «кровавый», «сырой», «бесчувственный». Но необоснованное насилие без выгоды или цели (*compendium*, лат. «выгода»), убийство ради убийства называлось *feritas* («дикость», «зверство», «звериная свирепость»). Подобное буйство приписывалось иррациональным вспышкам гнева (лат. *ira*), и Сенека утверждал, что неограниченная власть и богатство приводят к *excitum* – возбуждению *ira*.¹⁰

Зрителям нравились публичные убийства, и это уже тогда заботило некоторых наблюдателей. Упоительное возбуждение, вызванное кровопролитием, получило название *cruenta voluptate inebriabatur* («сладоострастное опьянение жестокостью»)^[117]. Афинагор в своем «Посольстве» говорил, что «наблюдать за гибелью человека на арене равносильно тому, чтобы убить его самому». Сенека писал: «Бросить человека льву – все равно что разорвать его собственными зубами»^[118]. Лактанций в «Божественных установлениях» (6.20.9–14) определяет зрителя смертельных игр как *particeps* (лат. «участник»).

Но не только насилие и жестокость этих «игр» беспокоили наших античных предков. Как и нас сегодня, их волновала *имитация* насилия и смерти на развлекательных мероприятиях в театре. Древние еще не придумали термина для того, что мы называем садизмом, но уже в 350 году до н. э. греческий философ Платон записал диалог со своим бывшим учителем Сократом на тему удовольствия, которое зрители получают от созерцания страдающих персонажей пьес. «Нужно ли нам напоминать... об удовольствиях рыданий и тоски, примешанных к страданиям? Когда зрители в одно и то же время и радуются, и плачут? А разве тебе не известно, что и в комедиях наше душевное настроение также не что иное, как смесь печали и удовольствия?»^[119].

Почти шестьсот лет спустя Августин Блаженный испытывал те же опасения по поводу радостных откликов на страдания в драматических представлениях. «Меня увлекали театральные зрелища, они были полны изображениями моих несчастий и служили розжигом моему огню. Почему человек хочет печалиться при виде горестных и трагических событий, испытать которые он сам отнюдь не желает? И тем не менее он как зритель хочет испытывать печаль, и сама эта печаль для него наслаждение. Удивительное безумие!»^[120].

Серийные убийства до эпохи модерна: травма как неотъемлемая часть повседневной жизни

Согласно «досуговой» теории серийных убийств, до наступления эпохи модерна у простых людей не было свободного времени на сублимирование детских травм в ярость и жажду мести и контроля. У них и детства-то, в сущности, не было, ведь каждый ребенок воспринимался как маленький взрослый.

Не имелось тогда не только времени для размышлений, но даже и самого понятия «жестокое обращение с детьми», четко оформленного в общественном сознании; сексуальное насилие, бросание на произвол судьбы и другие травмирующие события, которые мы сегодня связываем с психологией серийных убийц, были в те годы неотъемлемой частью самой жизни. Все видели, как животных убивают ради утоления голода и мучают ради развлечения, как публично сжигают на кострах ведьм и еретиков, а на площадях пытаются и казнят преступников. В общинном жилье нельзя было избежать контакта с сексом, а инцест практиковался повсе-

¹⁰ Две тысячи лет спустя в одной из систем профилировки для серийных убийц и насильников применяется термин «возбуждение от гнева»: с его помощью описывают наиболее злостную категорию преступников – тех, чья мотивация целиком сводится к расторможенным садистским фантазиям и позывам.

¹¹ Перевод Н. Самсонова и А. Егунова (*прим. ред.*).

¹² Перевод М. Сергеенко (*прим. ред.*).

местно, учитывая, насколько серьезные запреты наложила на него (а также на изнасилование, каннибализм, некрофилию и убийство) религия. Дети часто оставались без родителей, потому что те умирали от болезней или подвергались насилию, и сами они тоже переживали изнасилование и жестокое обращение, причем жертвы почти не чувствовали себя отличными от других. Современные же дети после полученной травмы часто отчуждаются от коллектива.

Серийные убийства: печатные СМИ, промышленная урбанизация и «административное государство»

Еще одна возможная причина, по которой средневековые дети редко становились серийными убийцами, заключалась в том, что люди жили преимущественно в маленьких деревушках и на хуторах, где все друг друга знали, а к странствующим чужакам относились с подозрением и страхом и внимательно наблюдали за их действиями. Было бы трудно совершить несколько убийств подряд, не привлекая к себе внимания.

Или, возможно, *мы просто не знаем, сколько серийных убийц было на самом деле*. Как утверждают многие (и я с ними согласен), просто помыслить о существовании таких монстров было настолько сложно, что самые леденящие душу преступления приписывались всевозможным чудовищам и сверхъестественным силам: оборотням, вампирам или ведьмам. Подробнее об этом мы поговорим в пятой главе.

В XIX веке у нас появились газеты и повысилась доля грамотного населения, что привело к увеличению числа *свидетельств* о серийных охотниках на людей. Так что, возможно, серийных убийц не стало больше, но о них стали чаще говорить в появившихся органах печати, из которых черпали информацию образованные люди.

В то же время в газетах появляются криминальные сводки и вводится новая современная система охраны правопорядка. Первая на Западе полицейская служба современного типа появилась в 1829 году в Лондоне, в других же европейских городах, например, в Париже и Берлине, существовали пока что лишь «полицейские отделения» – по сути дела, паравоенные корпуса вооруженных жандармов, ответственные за поддержание общественного порядка и защиту монарха или республики от восстаний и революций (в отличие от современной полиции, которая борется с преступностью). Таким образом, согласно этой теории, явный рост числа серийных убийц в XIX веке связан с появлением финансируемых государством ведомств по борьбе с преступностью и средств массовой информации, освещающих криминальные события. Другими словами, убийц как таковых больше не стало, но увеличилось количество полицейских, которые могли их найти и задержать, а также газет, где публиковались новости о поимке преступника.

Еще один довод в пользу современности заключается в том, что с приходом индустриализации в новых огромных городах с массовым скоплением обездоленных серийный убийца сохранял анонимность, ведь толпа не только скрывала его личность, но и предоставляла ему целый набор жертв – никому не знакомых и никого не интересующих оборванцев без роду и племени. Одно дело – убить крестьянского ребенка в каком-нибудь земледельческом поселении: вся родовая община тут же поднимет тревогу и объявит на преступника охоту. Совсем другое – избрать в жертвы обитателя перенаселенных трущоб заводского Лондона, Парижа, Нью-Йорка или Чикаго, в которых пропавший всем безразличен и искать его, в общем-то, некому.

С приходом индустриализации выделился средний класс, и, по мере того, как росли доходы его представителей, возникло и укоренилось мнение, что вокруг одни лишь «социальные низы»: городская беднота, неквалифицированные рабочие, служанки, запойные алкоголики, проститутки, сироты, попрошайки, матери-одиночки, бродяги и бездомные.

Растущий средний класс и высшие слои общества ненавидели и боялись отчаявшихся и отверженных людей, что и привело к формированию органов полиции, которые должны были защищать богатых от бедных, тогда как забота о последних в их обязанности не входила.

Джек Потрошитель избрал в жертвы как раз такую категорию, которую зажиточный средний класс того времени презирал, а серийные убийцы истребляли и продолжают истреблять в наши дни, – социально отчужденных уличных проституток.

Рассвет «незначительных» мертвецов: миметическое принуждение

По словам криминолога Стивена Эггера, классовый страх и отвращение, возникшие во времена Джека Потрошителя, существуют и сейчас. Дело даже не в том, что серийных убийц стало больше, – просто возросло число доступных жертв, чья жизнь не является ценностью в глазах общества. Эггер считает, что в современном обществе сложился своеобразный климат, или экологическая обстановка, особенно благоприятная для серийных убийц, поскольку смерть некоторых категорий граждан считается незначительной (это касается, к примеру, проституток, бездомных бродяг, наркоманов, психически больных, сбежавших из дома подростков, пенсионеров, представителей разного рода меньшинств, женщин из числа коренных народов и городской бедноты). Общество не воспринимает их смерть как что-то важное, в отличие, скажем, от убитой девушки-студентки из зажиточного района в пригороде или невинно замученного белокурого малыша. Иногда об исчезновении этих жертв даже не сообщается. Криминалисты назовут их «дважды пропавшими»^[121] (см. главу 13).

Эггер пишет: «Смерть от рук серийных убийц тех жертв, что при жизни относились к не имеющему ценности слою общества, становится „незначительной“ (так как до убийства сама их жизнь была столь же незначительной, а потом они и вовсе исчезли, словно их никогда и не было), и их гибель от рук тех, кто решился избавить мир от нежелательных элементов, представляется очищением от язв и пороков»^[122].

В массовом сознании считается, что серийные убийцы – это оторванные от общества изгои, те, кто отвергает социальные нормы, но чаще все происходит с точностью до наоборот. Убивая, Джек Потрошитель преследовал людей, которых избрало в жертвы само викторианское общество с его яростным презрением и брезгливостью по отношению к проституткам. Как заметил Ангус Макларен в своем исследовании по делу доктора Томаса Нила Крима, серийного убийцы Викторианской эпохи, который лишил жизни по крайней мере пять «незначительных» жертв (проституток и женщин, приходивших к нему сделать аборт), его преступления были в значительной степени определены обществом, которое и произвело их на свет.

По словам Макларена, серийный убийца, вместо того, чтобы предстать изгоем, скорее «будет не столько „лицом вне закона“, сколько „сверхсоциализированным“ человеком, который видит себя палачом, выносящим приговор тем, на кого указало общество»^[123]. Обществовед и социальный критик Марк Зельцер предполагает, что серийных убийц сегодня питает и лелеет «культура надрыва» (или буквально раны – *wound culture*) – «всеобщая увлеченность разорванными и вскрытыми телами и вывернутым наружу внутренним миром человека, коллективный ажиотаж вокруг шока, травмы и ран», – на которую серийные убийцы реагируют, внося собственный кровавый вклад, а весь этот процесс Зельцер назвал «миметическим принуждением»^[124].

Покойный Роберт Кеннеди как-то раз сформулировал ту же мысль более простыми словами: «Каждое общество получает тех преступников, которых заслуживает»^[125].

Как сказал полиции после ареста Эри Риджуэй, убийца сорока восьми проституток с Грин-Ривер: «Когда я убивал проституток, я думал, ребята, что делаю вам одолжение. Послушайте, вы же не можете их проконтролировать, а я могу. И извести их тоже не можете. Только

арестовать, надеть на них наручники, ну, может, немного поколотить – так, самую малость. Но саму проблему вам не решить. Я, ребята, делал вам одолжение, совершая то, что вы не могли сделать сами».

Пожалуй, самый ужасающий вклад в синдром «незначительных» смертей вносят новости в СМИ. В середине 1990-х о суде над Уильямом Лестером Суффом, убившим тринадцать женщин в окрестностях города Лейк-Элсинор, штат Калифорния, практически ничего не сообщалось. Он убивал уличных проституток с наркотической зависимостью и бросал их тела за мусорными баками у торговых центров в разных позах, акцентирующих внимание на их зависимости. Но Суфф предстал перед судом как раз в середине разбирательства по делу О. Джея Симпсона. Что такое тринадцать мертвых шлюх-наркоманок в сравнении с двумя жертвами из высшего класса, убитыми знаменитостью в престижном районе Brentwood? А как насчет Джоэла Рифкина, который убил семнадцать проституток в Нью-Йорке и на Лонг-Айленде? Средства массовой информации проигнорировали его дело в пользу статьи об убийстве Колином Фергюсоном шести «добропорядочных служащих» в пригородном поезде. Суд над Джоэлом, на котором он был приговорен к наказанию за девять убийств, несмотря на количество жертв, практически не освещался. Возможно, мы бы даже не узнали его имя, если бы об этом не пошутили в одном из эпизодов сериала «Сайнфелд»^[126]. Для средств массовой информации, пишущих о серийных убийствах, больше не имеет значения количество жертв, главное – их статус или кредитный рейтинг: сегодня по курсу обмена за каждый десяток мертвых проституток в мусорке идет один шикарный внедорожник у дома.

Политики тоже в меньшей степени озабочены «незначительными» смертями. Когда в конце девяностых в Ванкувере (Канада) пропало без вести около двадцати пяти женщин из числа коренного населения, их семьи просили, чтобы полицейское управление предложило ту же награду в размере ста тысяч долларов, что и за информацию о серии взломов частных гаражей в богатых домах западной части города месяцем ранее. Мэр насмеялся над петицией семей, говоря: «Некоторых из этих девушек нет уже целый год. И вот внезапно... это становится значимым событием». Как он сообщил семьям пропавших, выделять деньги на определение местоположения проституток никто не будет^[127].

Департамент полиции Ванкувера ответил, что они «скорее объявят „небольшое вознаграждение“ в размере тысячи долларов для самих женщин за сообщение о своем местонахождении полиции»^[128]. Их позиция заключалась в следующем: «Своенравные женщины спрятались и дразнят полицию, а выманить их можно вознаграждением в тысячу долларов»^[129].

Фрагменты останков некоторых пропавших женщин были в итоге найдены среди сорока девяти жертв, которых Роберт Пиктон убил и расчленил на своей свиноферме, за что позже был осужден. Когда в 2002 году его арестовали, он выражал сожаление, что не успел довести число несчастных до ровного количества – пятидесяти.

Мобильность и урбанизация современных серийных убийц

В течение некоторого времени существовала теория, согласно которой резкий рост числа серийных убийств в Соединенных Штатах в послевоенные годы был связан с небывалой ранее доступностью личного автомобильного транспорта, что увеличивало мобильность преступников и они безнаказанно убивали, разъезжая по разным юрисдикциям. В 2009 году, в связи с необходимостью распутать более пятисот преступлений, связанных с федеральными автомагистралями, была запущена инициатива ФБР по расследованию серийных убийств, совершенных на дорогах. По-видимому, она подтвердила восприятие системы автодорог США как сосудов национального организма, по которым циркулирует «дурная кровь» в виде серийных маньяков. Но, несмотря на количество нераскрытых преступлений, совершенных на трассах, стереотипный образ высокомобильного серийного убийцы-бродяги – миф. Реальность куда страшнее:

74 % серийных убийц остаются поближе к дому и убивают в комфортной обстановке своего штата^[130]. Так что скорее преступник окажется не заезжим незнакомцем, а вашим соседом.

Теорию о том, что система автомагистралей между штатами увеличила число серийных убийц, предоставив им легкую мобильность и анонимность, оспаривает эссеистка и специалистка по охране окружающей среды Джинджер Стрэнд^[131]. Она утверждает, что автострады в самом деле способствовали росту преступлений, но это связано с особенностями их расположения, а не с легкостью передвижения маньяков: в пятидесятых и шестидесятых они шли через неблагополучные районы и тем самым увеличивали число доступных «незначительных» жертв. Строительство автострад разрушило городские кварталы и разбросало людей по бездушным и унижающим человеческое достоинство гетто. Стрэнд пишет: «В свое первое десятилетие [1956–1966 гг.] федеральная дорожная программа уничтожила по всей стране около 330 000 единиц городского жилья, большинство из которых было занято представителями национальных меньшинств и малоимущими. После этого темп ускорился. Точного числа не знает никто, но, по различным оценкам, дорожная программа стала причиной переезда около миллиона американцев»^[132]. Последствия были неоднозначными: перемещение бедных слоев населения и национальных общин привело к появлению скоплений «незначительных» жертв, а хаос и деградация разрушали семьи и порождали серийных убийц.

Стрэнд рассказывает, как в пятидесятых прекратил свое существование процветающий и благополучный район Бронкс: людные бедные районы снесли для освобождения места под скоростную автомагистраль Кросс-Бронкс, а их жителей выселили и распахали по социальным квартирам в многоэтажных гетто. То же самое произошло и в Атланте, где оживленный и богатый район Оберн-Авеню, известный также как «милый Оберн», объявленный журналом «Форбс» в 1950-х «самой богатой негритянской улицей в мире», в 1966 году был разделен надвое федеральной эстакадой. Процветающий афроамериканский район со всеми торговыми центрами, культурными учреждениями, церквями и фамильными домами был разрушен, а его бедные жители отправились в мрачные безликие социальные квартиры в густонаселенных жилых комплексах^[133].

Отчуждение имущества и уничтожение «милого Оберна» ради федеральной магистрали I-20 спустя десятилетие подарят серийному убийце Уэйну Уильямсу множество незащищенных детей. Стрэнд пишет: «Для жителей Атланты I-20 сыграет ключевую роль в понимании, почему в конце семидесятых их дети начали исчезать»^[134].

Разрушение семей и общин, вызванное строительством автомагистралей прямо через бедные районы и поселения национальных меньшинств в Нью-Йорке, Майами, Новом Орлеане, Детройте, Чикаго, Нэшвилле, Бостоне, Атланте, Лос-Анджелесе и других городах, наряду с кокаиновым бумом девяностых, сказалось на криминальной обстановке тогда и продолжает сказываться до сих пор. В опустошенных, сломленных и разрушенных семьях вырастут серийные убийцы.

Затянувшийся на несколько десятилетий процесс разрушения городских общин меньшинств и их семей породил огромное количество как серийных маньяков, так и жертв. Если в прошлом считалось, что серийными убийцами становятся преимущественно белые мужчины, то недавний опрос Эрика Хикки показывает, что с 2004 по 2011 год пятьдесят семь процентов всех серийных убийц были чернокожими; в то время как база данных серийных убийц, созданная Рэдфордским университетом и ФУПМЗ, показывает, что в 2010 году чернокожими являлись почти шестьдесят процентов серийных убийц^[135] (и это несмотря на то, что афроамериканцы составляют только 13,2 % американского населения)^[136]

Да, правда, что общее количество убийств значительно снизилось с девяностых, но я бы не был так оптимистичен. Учитывая потерю работы, финансовые затруднения в семейной жизни, вызванные мировым кризисом 2008 года, и непрекращающийся ужас кровопролитной войны с терроризмом, на которую призваны наши юные сыновья и дочери, прежде чем вер-

нуться домой, чтобы растить детей, – в долгосрочной перспективе нам не стоит ожидать сокращения числа убийств, поскольку нынешнему поколению детей вот-вот исполнится двадцать восемь лет – средний возраст начала деятельности серийных убийц.

Глава 5. *Lupina Insania*. Криминализация оборотней. Красная Шапочка в роли жертвы, 1450–1650 гг.

Им знакомо то удовольствие, что испытывают в обличье волка...
Жан Боде. Демономания колдунов

Species non mutatur.
Человеческий род никогда не меняется.
Клод Приёр. О ликантропии

Даже до промышленной революции серийное убийство не было исключительной прерогативой богатых аристократов, как когда-то думали, – на самом деле среди серийных маньяков хватало обычных лавочников, ремесленников, крестьян и просто бродяг. К тому же, несмотря на теорию урбанизации, мы знаем, что серийные убийства происходили как в городах, так и в сельской местности.

Как писал в своем эссе «Сын Каина или Сын Сэма? Чудовище из „Беовульфа“ как серийный убийца» Брайан Михан, за тысячу лет до Джека Потрошителя в англосаксонской эпической поэме «Беовульф» антагонистом стал серийный убийца. Михан утверждает, что *sceadugenga* («ходящий в тени», «ходящий во мраке», «таящийся на болотах», «исчадие ночи»¹³) по имени Грендель является маньяком, который избирает жертвами уязвимых воинов, отключившихся после обильных возлияний.

«Как доверчивые студентки и как проститутки, которые садятся в чужие машины, эти воины бессильны, слабы, чем и пользуется убийца. Каждую ночь они напиваются до чертиков, а когда приходит Грендель, лежат перед ним так же смиренно, как какая-нибудь спящая жертва Ричарда Рамиреса или молодой человек, закованный в наручники Уэйном Гейси. Более того, Грендель убивает просто так. В процессе он наслаждается унижением и болью, оскверняя человеческое тело, потроша и поедая его, как Джефффри Дамер и его книжный собрат Ганнибал Лектер... Подобно Альберту де Сальво, Грендель питает странное благоговение перед людьми, которых убивает, и перед местами, где совершается его злодеяние»^[137].

Тем не менее известные серийные убийцы редко появляются на страницах летописей вплоть до середины 1400-х. Впервые фигурировать в судебных документах серийные убийцы стали в эпоху Возрождения, а годовое число их задержаний в то время почти сопоставимо с современным количеством маньяков на душу населения в США. За двести лет – с 1450 по 1650 год – в Европе было привлечено к суду более чем триста серийных убийц^[138] (для сравнения: согласно данным Эрика Хикки, за двести четыре года в период с 1800 по 2004 год в США задержали четыреста тридцать одного серийного убийцу^[139]). Только тогда их еще не называли серийными убийцами. Их арестовывали, обвиняли и судили за оборотничество или ликантропию – преступление против Церкви, введенное незадолго до того времени и каравшееся смертной казнью.

Чтобы лучше понять социально-историческую динамику того, как мы пришли к современному определению серийных убийц, появлению в ФБР отдела бихевиористики и Программы предотвращения насильственных преступлений, развитию целых отдельных подразделений по задержанию серийных убийц, а также раскрыть тайну эпидемии преступлений, разразившейся в семидесятых и восьмидесятых, взглянем-ка поближе на ее предвестника – эпидемию серийных «оборотней» и связанную с ней охоту на ведьм, которые длились с 1450 по 1650 год.

¹³ Вариант из «канонического» перевода В. Тихомирова (*прим. ред.*).

Оборотень или ликантроп

Слово «ликантроп» происходит от древнегреческого *lykánthropos* (*lykos* «волк» и *anthrōpos* «человек»). Что касается английского *werewolf*¹⁴ «оборотень», то *wer* – древнее англосаксонское слово, означающее «человек» (от латинского *vir*, что переводится как «мужчина» [см. *virile* «мужественный»]) – то есть буквально «человек-волк». Самое раннее письменное использование термина «оборотень» в англосаксонской культуре восходит к 1000 году н. э. – так в «Законах» короля Кнута именуется дьявол^[140].

Для многих культур по всему миру характерно представление о том, что животные могут рассвирепеть или стать одержимыми злыми духами, а то и самим дьяволом, а потом укусить человека, тем самым передав ему злого духа и способность по желанию путем ритуалов, магических приспособлений или сделки с нечистым превращаться или принимать облик чудовища, схожего с диким хищным зверем, или же обратить против воли проклятием или заклинанием^[141]. В Древней Греции оборотней называли *vekolakas*, что переводится как «в волчьей шкуре», а в Древнем Риме им придумали имя *versipellis* – «способный менять кожу». Позднее они обрели свои названия и в других странах: *loup garou* во Франции, *lupo mannaro* в Италии, *lob omen* в Португалии, *hombre lobo* в Испании, *Werewolf* в Германии, *волколак* (человек в волчьей шкуре) в России, *wilkotak* в Польше, *wikodlak* в Сербии и *qutrub (cucubuth)* в Арабских странах. Все эти слова означают «оборотень», «человек в волчьей шкуре», «зверь». В краях, где волков не водилось, их заменили другими хищными животными: в Индии – тиграми, в Африке – леопардами, львами, гиенами и шакалами; в Китае и Японии – лисами^[142]. Верования народа навахо в оборотней были описаны еще в 1940-х^[143].

Долгая и витиеватая история веры в оборотней и в их связь с изнасилованиями, увечьями, убийствами и каннибализмом восходит к древнегреческому мифу о Ликаоне, царе Аркадии, который был превращен Зевсом в бродячего волка за трапезу, во время которой на стол было подано человеческое мясо (о чем, разумеется, никто не знал). В мифах также есть история о жителях горы Парнас, которых стая воющих волков увела на вершину, где они и основали новый город под названием Ликорея. Согласно легенде, парнасяне практиковали ритуал «Ликаоновой скверны», во время которого в жертву приносился ребенок: из его внутренностей готовили блюдо и скармливали пастухам, после чего один из них превращался в оборотня, обреченного восемь лет скитаться и способного вновь стать человеком, только если все эти годы не притронется к человеческому мясу^[144]. Вопреки распространенному заблуждению, термин «ликантроп» происходит не от имени мифического царя Ликаона, а от корня *lykos* («волк»), сходство же этих слов – лишь случайное совпадение^[145].

В книге о природе садизма под названием «Из человека в зверя: садизм, мазохизм и ликантропия с точки зрения антропологии», написанной в 1948 году (кстати, в ней же он одним из первых использовал термин «серийное убийство»), Роберт Эйслер утверждает, что древние мифы об оборотнях вместе с феноменом садистских сексуальных серийных убийств с элементами каннибализма заложены в памяти нашего триединого мозга с древних времен, когда человек начал отходить от вегетарианства и стал еще и хищником, что случилось примерно в эпоху последнего ледникового периода, закончившегося около пятнадцати – двадцати двух тысяч лет назад^[146].

Весьма интересная теория. Сегодня, безусловно, ряд убедительных фактов свидетельствует о том, что физически люди не приспособлены охотиться и есть мясо, поскольку у нас нет настоящих клыков (мы их только так называем) и когтей на руках – они больше подходят для сбора плодов и листьев, чем для охоты, убийства и разделывания добычи. У людей длинный

¹⁴ И русского «вервольф» (прим. ред.).

кишечник, тогда как у плотоядных животных он обычно короткий, чтобы быстро выводить гниущее мясо из пищеварительного тракта^[147]. Все это говорит о том, что от природы мы не всеядны, и, по словам Эйслера, это сегодня и гложет нам душу. Во второй главе мы видели, как во времена голода и переломных эпох примитивные гоминиды-вегетарианцы от *Homo erectus* и *Homo neanderthalensis* до *Homo sapiens* начинали охотиться и есть мясо и даже прибегали к каннибализму, если возникала острая нужда (сельское хозяйство мы не развивали вплоть до десяти – пятнадцати тысяч лет назад).

Эйслер считает, что, прежде чем отступил последний ледник, в холодном климате не было достаточно трав, ягод и корней для еды, и поэтому люди стали хищниками, начали есть мясо и одеваться в звериные шкуры для сохранения тепла, а когда и такой добычи становилось мало, то доходило до актов каннибализма. В конце концов эти одетые в меха двуногие хищники, похожие на поросших шерстью монстров (вервольфов, или оборотней *versipellises*), мигрировали на юг, где климат был умеренным. Там они столкнулись с кроткими племенами вегетарианцев, на которых тут же начали нападать, насиловать, убивать, а порой и есть. Среди этих мохнатых душегубов были не только мужчины. Эйслер пишет об эротическом образе «Венера в мехах» в западном искусстве и литературе, где представлена «...нагая окровавленная менада, или „буйная дева“, закутанная в медвежьи, рысьи или лисьи шкуры, которая мчитя по первобытным лесам наравне с разъяренными мужчинами в единой стае, чья цель – охота, соревнуясь с ними в кровожадности, когда дело доходит до убийства, и наконец обретая покой после всеобщего безумного возбуждения от пиришественной оргии с поглощением сырого, сочащегося кровью мяса еще теплой жертвы»^[148].

Эйслер осмелился предположить, что человеческий садизм – это пережиток позова охотиться ради выживания, и сравнивает его с поведением кошек, которые иногда забавляются с пойманной птицей или мышью, но не всегда съедают добычу. Действительно, в спонсируемом ФБР исследовании «Модели и мотивы убийств на сексуальной почве» подтверждается, что некоторых серийных убийц-садистов, словно хищных животных, провоцировал на нападение и бездумное убийство сам вид убегающей жертвы^[149]. Как, например, Роберта Кристиана Хансена по прозвищу Пекарь-мясник, который с 1972 по 1983 год на Аляске лишил жизни по меньшей мере семнадцать женщин (предположительно, общее число жертв составляет двадцать одну). Он приглашал их «в гости» в свой охотничий домик в лесной глуши, доставлял их туда на маленьком самолете, а потом заставлял бегать голыми по тундре, пока на них охотился. Процесс доставлял ему гораздо большее удовольствие, чем собственно убийство.

Миф об оборотнях в шкурах животных отпечатался в нашем коллективном бессознательном вместе с зарождающейся склонностью преследовать, побеждать, убивать, насиловать и пожирать людей как добычу. Тяга к садизму в современных людях похожа на непонятную ошибку в коде ДНК, отчего наш примитивный мозг начинает глючить даже в цивилизованном обществе, а в некоторых индивидах запускает вирусную программу серийного убийцы (подобно тому, как происходит с ожирением, что мы описали во второй главе).

Истории древних людей об оборотнях

Мы считаем наших предков невеждами, ведь они верили в плоскую Землю, верили, что ведьмы не тонут, если их бросить в воду, и что беспричинные убийства можно объяснить превращением людей в волков или их одержимостью дьяволом или бесами. И, возможно, неграмотные крестьяне в массе своей и правда в это верили. Но представители образованной элиты не были такими уж глупыми. Еще в 500 году до н. э., за тысячу лет до Колумба, греческий математик Пифагор утверждал, что Земля круглая, а не плоская^[150] – точно так же многие древние мыслители и ученые рассудительно доказывали, что оборотни, вампиры и другие чудо-

вища суть плоды нашего воображения, наваждения и симптомы болезней или органических расстройств.

В начале первого тысячелетия, с момента появления христианства на Западе, богословы отвергали и осуждали веру в оборотней, которую считали отжившим языческим предрассудком. В своем сочинении «О душе» один из отцов ранней христианской церкви, Тертуллиан (Квинт Тертуллиан, 155–220 г. н. э.), утверждал, что человеческая душа не может переместиться в животное, и хотя люди могут вести себя как животные, но на самом деле в них не превращаются. Святой Амвросий (339–397 г. н. э.) настаивал на том, что сама идея ликантропии – это бессмыслица и порождение «досужих вымыслов»^[151].

Согласно раннехристианской теологии, только Бог обладает преобразующей силой, способной превратить человека в зверя. Дьявол в лучшем случае может лишь обмануть человека и заставить его поверить, что он стал ведьмой, оборотнем или каким-либо другим сверхъестественным существом. В V веке Августин Блаженный в своем труде «О граде Божием» писал: «Демоны по могуществу своей природы... могут делать только то, что попускает Он... Но если демоны и делают нечто такое, о чем идет у нас речь, то, конечно, творят не новые природы, а изменяют по виду те, которые сотворены истинным Богом, так что они кажутся не тем, что они есть на самом деле»^[152].

В 787 году н. э. император Карл I Великий постановил, что вера в ведьм – глупое суеверие, а сожжение обвиненных в ведьмовстве – языческий обычай, и объявил его вне закона. Сжечь ведьму считалось преступлением сродни убийству^[153]. В 1000 году н. э. в христианских канонических книгах и «Епископском каноне» (*Capitulum episcopi*) объявили веру в оборотней, ведьм, колдунов и других сверхъестественных монстров не только бессмыслицей, но и не подобающей христианину ересью, караемой десятью днями поста на хлебе и воде^[154]. Все, кто верил в существование оборотней, ведьм, демонов и чудовищ, осуждались «Каноном» как еретики (неверные).

«Кто верит, что возможно кому-нибудь, кроме Создателя Вселенной, обращать какое-либо существо в лучшее или худшее состояние или придавать ему другой облик, тот, без сомнения, неверующий и хуже язычника»^[155].

В Средневековье, согласно христианскому учению, дьявол уже не мог ничего сделать без Божьего на то попущения, кроме как обманывать и дурачить людей. Предполагаемая власть Сатаны к XV веку настолько ослабла, что его образ больше не вызывал ужаса и отвращения, а вместо этого представлялся знакомым нам по мультфильмам красным бесенком с крючковатым хвостом, способным максимум на мелкие пакости^[156].

Власти по-прежнему казнили за колдовство или чернокнижничество как женщин, так и мужчин, но с небольшим отличием: считалось, что у ведьм нет никаких сверхспособностей или чудодейственных сил, как, например, той, что позволяет им летать на метлах. Преступление именовалось *maleficium* – причинение вреда с помощью оккультных средств, что сегодня можно приравнять к использованию яда, – и считалось, что совершают его обычные люди, простые смертные. Само слово буквально означает «причинение вреда» или «злодеяние» и сегодня фигурирует в англо-американской юридической терминологии в форме *malfeasance* «должностное преступление» – умышленное действие, направленное на причинение вреда. Другими словами, можно было колдовать и понести за это наказание, не обладая при этом никакими сверхъестественными способностями. Чародейство воспринималось как преступное деяние, совершаемое обычными людьми^[157].

Когда дело доходило до оборотней, то бессмыслицей ликантропию объявляли не только священники, монахи и богословы; византийские врачи один за другим в период с V по VII век утверждали, что вера в ликантропию сама по себе является болезнью, бредовым психическим

¹⁵ Перевод Н. Цветкова (прим. ред.).

расстройством, которое можно диагностировать, или формой меланхолии. Например, Павел Эгинский (620–690 н. э.) писал в своем «Дневнике»: «Те, кто страдает ликантропией, ночью выходят на улицу, во всем подражая волкам, и задерживаются у могил до утра. Вы можете узнать этих людей по этим знакам: они бледны, их зрение слабое, глаза сухие, язык очень сухой, слюноотделение остановлено; но они хотят пить, и на их ногах неизлечимые язвы от частых падений. Таковы признаки болезни. Вы должны знать, что ликантропия – это разновидность меланхолии»^{16[158]}.

Термины «клиническая ликантропия», «ликомания», *lupine insania*, *manialupine*, синдром «человека-волка» и «зооантропия» по сей день используются для описания редкого психического расстройства, при котором больной считает, что способен превращаться в волка или любого другого дикого зверя. Клиническая ликантропия отличается от обычного понимания ликантропии – оккультной веры в сверхъестественное превращение или обращение людей в волков или других животных (хоть *lykos* и означает «волк», термин «ликантропия» обычно применяется к превращению человека в любое животное). Подобное обращение можно назвать более точно зооантропией или обратной интерметаморфозой.

Некоторое время с XIX по начало XX века считалось, что клиническая ликантропия исчезает, так как в оборотней верило все меньше людей, но возрождение их образа в современной литературе и кино вызвало соответствующее увеличение количества случаев клинической ликантропии, которая по симптомам относится к классу расстройств шизофренического спектра, или расстройствам самоидентификации, сопровождаемым галлюцинациями^[159]. Кое-где в медицинской литературе с возникновением случаев клинической ликантропии связывалось употребление препарата МДМА, также известного как экстази^[160].

К 1000 году явление оборотничества настолько рационализировали и изучили в медицинском плане, что вервольфы стали предметом романтического увлечения, своего рода средневековым аналогом «героинового шика» в литературе, и в романах о поисках священного Грааля, легендах и сказаниях их зачастую изображали привлекательными, одинокими, страдающими, жертвенными и самоотверженными героями-рыцарями. В таких рассказах о «галантном оборотне» часто встречается благородный рыцарь или принц, который превращается в животное, чтобы защитить даму сердца, но, пока он в шкуре зверя, дама предаёт его, крадет обращающий предмет (зелье, кольцо, пояс, одежду) и навеки запирает в чужом обличье^[161].

В Средние века европейцы встали на путь к гармоничному, рациональному видению проникнутого святостью мира без Сатаны и чудовищ, и, поскольку в XIV веке начала набирать обороты эпоха Ренессанса, которая ознаменовалась возрождением знания, культуры и гуманизма, можно было ожидать, что недавно «возрожденная» церковь и общество теперь достигнут еще больших высот в научном познании мира и взаимопонимании. Мы даже изобрели печатный станок, чтобы свободно распространять знания среди людей! К сожалению, история никогда не оправдывает наших ожиданий. Эпоха Возрождения принесла знания и великое искусство, но также и привела к паранойе, смертям, беспорядкам, войнам, охватившим чуть ли не весь континент, Великой охоте на ведьм и первой документально зафиксированной эпидемии серийных убийц в виде всплеска случаев оборотничества.

Единство в переломную эпоху и криминализация оборотней

Превращение «галантного оборотня» в серийного убийцу-монстра произошло в рамках так называемой Великой охоты на ведьм, длившейся с 1450 по 1650 год, когда тысячи женщин систематически подвергались пыткам, изнасилованиям и убийствам в ходе судебного пресле-

¹⁶ Перевод С. Девочкина.

дования за колдовство, что без преувеличения можно назвать спонсируемой государством и церковью кампанией серийных убийств (подробнее читайте в главе 6).

Охота, будь то на ведьм, оборотней, евреев, якобинцев, республиканских антимонархистов, анархистов, коммунистов, геев, нелегальных иммигрантов, исламских террористов или даже серийных убийц, часто происходит в обществе, где элита разделяется и утрачивает чувство безопасности.

Охота на ведьм направлена на объединение представителей элиты, способных повести простых людей вперед под прикрытием борьбы с назревшей ужасной угрозой, которая лишает прежней свободы мысли и действий; например, то же произошло после трагедии 11 сентября: теперь существует представление, что мы должны пожертвовать нашей личной свободой и неприкосновенностью частной жизни во имя коллективной безопасности и защиты от терроризма. Не нужно далеко ходить для сравнения нашего современного страха перед террористами с прошлым ужасом перед ведьмами. Например, вероятность того, что гражданин США погибнет от рук террориста, ничтожно мала: всего лишь один к двадцати миллионам. Сравните с шансом погибнуть в автокатастрофе (один к девятнадцати тысячам), утонуть в собственной ванной (один к восьмистам тысячам) или умереть от удара молнией (один к полутора миллионам), но общество все равно находится в состоянии острого беспокойства, вызванного террористической «угрозой»^[162]. Дело даже не в логике, а в восприятии. Охотники на ведьм, как правило, публично объявляют об опасностях, которые сложно объяснить или показать, но сама эта охота прекрасно работает в качестве замены или отвлекающего маневра от того, что на самом деле разделяет элиты.

Что разделяло образованную европейскую элиту в 1400-е? Религия и власть всемогущей Римско-католической церкви. В Западной Европе существовала лишь одна церковь, способная венчать на трон или же лишить трона. Нельзя было стать правителем, пока папство Католической церкви не благословит тебя на престол. Сосредоточившая в руках такую власть церковь не раз сталкивалась с вызовами своему главенству от антипап и новых христианских течений, что в итоге вылилось в появление в 1517 году новой, бунтарской протестантской церкви.

Мнения представителей элиты о том, какое направление христианства выбрать, чьей поддержкой и одобрением на трон заручиться, разделились. С изобретением Гутенбергом печатного станка в 1450-х годах, сравнимым по силе с возникновением интернета в 1990-х, все эти религиозные споры и раздоры стали быстро распространяться среди грамотной аристократии. Той аристократии, которую захлестнула волна противоречивых фактов и доказательств, так что следовало померить пыл и объединиться за Римской церковью в борьбе против внутренней угрозы, вероятно, более серьезной, чем проблема ее нравственного разложения – церковного раскола.

Теперь Церковь призвала элиту сплотиться для великой войны – христианского джихада или внутреннего крестового похода – которую, по ее словам, она всегда вела против дьявола и его приспешников: тайных ячеек еретиков, ведьм, колдунов, демонов, вампиров и оборотней – всех, конечно же, заключивших сделку с дьяволом^[163]. Внезапно дьявол, который до того представлялся лишь забавным мелким пакостником, обрел дотоле небывалую силу: теперь это был этакий потусторонний аналог Усамы бен Ладена, способный на колдовство, совершение оккультных обрядов и создание монстров.

В булле (декрете), выпущенной 5 декабря 1484 года и очень похожей по содержанию на современные нам законы о борьбе с терроризмом, Папа призвал церковные и светские власти во всем мире забыть о разногласиях и пойти на сотрудничество с привлеченными инквизиторами и демонологами в войне против ведьм, монстров и ереси, придерживаясь рекомендаций печально известного своим женоненавистничеством руководства по охоте на ведьм под назва-

нием «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), написанного монахом доминиканского ордена Генрихом Крамером¹⁷.

Эта книга, полная теологических ошибок и противоречий, объясняла хаос религиозного инакомыслия кознями «террористов дьявола»: ведьм и оборотней. В период с 1486 по 1520 год вышло четырнадцать изданий *Malleus Maleficarum*, и в некоторых областях Европы она стала настольной книгой инквизиторов, прокуроров и судей^[164].

В «Молоте ведьм» утверждалось, что оборотни, подобно ведьмам, существуют благодаря сделкам с дьяволом, который, по заверению Крамера, имеет бóльшие полномочия, предоставленные ему Богом, чем Церковь признавала ранее. Идя вразрез со здравым смыслом (даже того времени), Крамер утверждал, что смертным никогда нельзя быть уверенными в реальности окружающего мира: любое явление может на самом деле быть не тем, чем кажется, и оказаться бесовским наваждением. В отличие от более ранних верований, отрицавших существование демонов, Крамер не признавал существования здравого разума и самой реальности^[165]. Многие заплатили за это отрицание очевидного своими жизнями.

О запретах, которые Церковь наложила на веру в ликантропию, Крамер сообщал уклончиво и утверждал, что оборотни суть либо настоящие волки, одержимые демонами, либо люди, которых заколдовал дьявол и заставил поверить, что они наделены теперь звериной силой и свирепостью: «Каким же образом это происходит? Настоящие ли это волки или демоны, принявшие на себе личину волков? Говорят, что это настоящие волки, одержимые демонами или побуждаемые к своим поступкам демонами же, что это происходит также и без посредства ведьм... Подобные нападения волков также считаются бесовским наваждением. Так, Вильгельм... рассказывает об одном человеке, который время от времени утверждал, что он оборачивается волком, и поэтому скрывался на это время в берлогах. Когда он там спокойно сидел, ему казалось, что он превращается в волка, который рыскал по окрестностям и разрывал детей. Его утверждение было ошибочным. Он не был оборотнем. Причина лежала в дьяволе, который вселился в волка. Этот человек так и остался помешанным. Однажды его нашли мертвым в лесу. При этих явлениях веселится демон, потому что ему удастся вновь освежить заблуждения язычников, верящих в преобразование мужчин и старых женщин в зверей»^[166].

Некоторые светские власти были враждебно настроены по отношению к этой новой фракции церковных демонологов и тянули с преследованием тех, кого обвиняли в колдовстве или превращении в оборотня. Разве «Епископский Канон» не провозгласил ересь веру в таких существ, как ведьмы и оборотни? Крамер писал, что скорее ересь является так упрямо отрицать их существование^[167].

Поскольку увлечение охотой на ведьм пошло от раскола Католической церкви, можно было лишь надеяться, что еретики-протестанты отринут подобные идеи. Но они точно так же, как и католики, открыли охоту на ведьм, заметив в этом способ возрождения единства; и как только разразилась Тридцатилетняя война (1618–1648), в которой католики и протестанты устраивали массовые кровопролитные бои (погибло как минимум восемь миллионов), чужое вероисповедание добавилось в список преступлений, за которые полагался смертный приговор.

Не хочется думать, что вышедшее в 1486 году параноидальное руководство Генриха Крамера по выявлению ведьм чем-то похоже на книгу Роберта Ресслера, Джона Дугласа и Энн Берджесс под названием «Модели и мотивы убийств на сексуальной почве», напечатанную в 1988 году и дающую определение серийным убийцам, однако у них все же есть нечто общее. Хоть «Молот ведьм» и был бредом бесноватого фанатика, а «Модели и мотивы» являются настоя-

¹⁷ Более известным как Инститориус (*прим. ред.*).

¹⁸ Перевод Н. Цветкова (*прим. ред.*).

щим научным исследованием (пусть и статистически не вполне достоверным, так как к исследованию было привлечено всего тридцать шесть преступников), обе работы функционировали как руководства по истолкованию ранее существовавших девиантных общественных явлений, которые прежде никто не систематизировал и не включал в судебную систему. Подобно тому, как «Модели и мотивы» стали процедурным пособием по профилированию серийных убийц, *Malleus Maleficarum* стал практическим мануалом по выявлению ведьм и оборотней. Разница, конечно, в том, что в «Моделях и мотивах» описывается явление, которое действительно существует, – серийные убийцы, а в «Молоте ведьм» рассказывается о фантастическом феномене, далеком от реальности, – ведьмах и оборотнях. Но с исторической перспективы эти две книги похожи.

Суд над серийными ликантропами

При обнаружении съеденного или изуродованного детского либо женского тела вину за злодеяние веками возлагали на всамделишных волков или вымышленных оборотней, но подобные случаи редко расследовались, не говоря уже о привлечении полиции или возбуждении уголовного дела. Чаще всего убийства происходили на окраинах деревень: жертвы либо ехали на рынок, либо пасли овец, либо работали в поле рядом с опушкой леса – в общем, односельчане в любом случае их не видели. Тогда не было ни полиции, которая могла бы расследовать преступление, ни судебной медицины, которая могла бы понять характер ранений и установить причину смерти. Каждая община или местные феодальные власти разбирались с подобными происшествиями по-своему.

В 1450-х в сложную систему юрисдикций вмешалась церковь и объявила, что теперь не только признает существование монстров, подобных ведьмам и оборотням, но и считает их действия преступлением против Господа, а еще светские власти должны применять силу и наказывать подобное от имени судов церковной инквизиции. С этого момента оборотни и ведьмы стали существовать с юридической точки зрения, а «Молот ведьм» запрофилировал их и криминализировал, объявив чудовищ приспешниками дьявола и наказав преследовать, расследовать, судить и применять к ним как светское, так и церковное наказание.

Сегодня мы знаем, что волк, если он не болеет бешенством, вряд ли нападет на человека, и нам легко представить, как в прошлом бродячий серийный маньяк набрасывался на случайных жертв и утолял свою жажду крови зверским убийством, возможно, даже в состоянии психоза, воображая, что стал оборотнем. Серийные убийцы-визионеры – шизофреники, страдающие от органических психических расстройств и испытывающие галлюцинации, – правда существуют. Например, Ричард Чейз по прозвищу Вампир из Сакраменто в период с 1977 по 1978 год убил и серьезно изувечил пятерых человек, а Герберт Маллин, «Убийца смертной песни», с 1972 по 1973 год лишил жизни тринадцать человек и изуродовал их тела в надежде, что его жертвы помогут предотвратить землетрясения, которых он безумно боялся.

В XV веке произошло сразу две вещи. В «Молоте ведьм» получили определение и были объявлены преступниками оборотни, ведьмы и другие монстры, и одновременно с этим возник государственный аппарат и целая индустрия, которая занялась расследованием, преследованием, арестом, наказанием и уничтожением чудовищ, – своего рода полиция. Одновременно с этим мы видим, как оборотней начали привлекать к суду, теперь уполномоченному бороться с новой угрозой христианству. С этого момента в сохранившихся судебных документах обвинения подобного рода будут появляться все чаще.

Суды над оборотнями, которые, как мы сегодня понимаем, на деле являлись вполне посторонними серийными убийцами, начинают происходить во время преследований за колдовство, в период с 1450 по 1650 год. Я полагаю, что серийные убийцы существовали и раньше, но либо их дела редко доходили до официального суда, либо судебные протоколы не

сохранились, либо, что весьма вероятно в допечатную эпоху, актуальные отчеты об их делах не писались и не распространялись в массовом порядке. Возможно, записи о серийных убийцах сейчас пылятся себе в каком-нибудь монастыре и ждут, пока их обнаружат среди вороха прочих редкостных манускриптов. До появления печатного станка архивные записи велись очень выборочно.

Кроме того, до «Молота ведьм» серийные убийцы официально к ответственности не привлекались, ведь они считались оборотнями, вера в которых прежде расценивалась как ересь. Пока не началась охота на ведьм, в Европе не существовало сколько-нибудь отлаженной и систематизированной организации по поддержанию правопорядка, способной принимать превентивные меры по отлову преступников. Не было ни полицейских управлений, ни прокурорских органов – потому-то и появилась вездесущая и организованная инквизиция, которая преследовала еретиков, собирала доказательства и доставляла обвиняемых в церковные суды. Правосудие и наблюдение за исполнением законов в средневековом мире занималось, главным образом, преступлениями против монарха и его приближенных, владеющих землей, нарушениями общественного порядка, посягательствами на права и собственность высокопоставленных землевладельцев и неуплатой налогов.

Преступления вроде убийства или изнасилования кого-нибудь из числа крестьян, которые никак не касались власти, не нарушали общественного порядка, не имели никакого отношения к имуществу или системе налогообложения, самостоятельно расследовались общиной, что зачастую заканчивалось самосудом, кровной мезтью или денежной компенсацией родственникам, то есть действиями за рамками официальной судебной системы. В лучшем случае все решала власть местного феодала. До 1450-х серийных убийц, если их удавалось опознать и схватить, как правило, без суда и следствия вздергивали на виселице или поднимали на вилы местные жители.

Но с появлением охоты на ведьм мы замечаем, что в архивных записях наблюдается увеличение числа пометок о разбирательствах над серийными убийцами, в том числе над снискавшими дурную славу аристократами – Жилем де Ре в 1440-м и Елизаветой Батори в 1611 году. В первую очередь их обвиняли в колдовстве и черной магии, а только потом уже в массовых убийствах^[168]. Однако перед судом предстала не только знать. Многие простолюдины были также обвинены в убийствах «ради развлечения».

По сравнению с судебными разбирательствами над ведьмами, описанными в следующей главе, суды над оборотнями встречались реже, но обвиняемые очень похожи на современных серийных убийц. В период с 1450 по 1650 год в Западной Европе было проведено по меньшей мере триста судебных процессов над оборотнями (по сравнению с сорокастами тысячами судебных процессов над ведьмами), и хотя не все судебные записи сохранились, по некоторым из них понятно, что у части обвиняемых имелась удивительно знакомая нам сейчас патология. Возьмем, для начала, относительно известное (по крайней мере, среди историков, изучающих серийных убийц) дело оборотня в Германии 1589 года, материалы которого легко можно было бы подшить в досье какому-нибудь современному маньяку вроде Джона Уэйна Гейси.

Петер Штуббе, «оборотень из Бедбурга». Германия, 1589 год

Петер Штуббе (он же Пеетер Штуббе, Петер Штумпф, Петер Штумп) совершал преступления в немецком городе Бедбурге. На его счету восемнадцать серийных убийств. Он насиловал, убивал, калечил и поедал своих жертв в том же городке, где и жил. После ареста в 1589 году Штуббе обвинили в сделке с дьяволом, который наделил его силой, дающей возможность превращаться в оборотня для удовлетворения тяги к славе, известности, сексуальному разврату и похоти.

Об этом судебном разбирательстве повествует один из первых образцов детектива в жанре криминальной документалистики – памфлет, который был напечатан в 1590 году, переведен на английский язык и разошелся широким тиражом по всей Европе^[169].

«[Петер Штуббе]... с юности, лет с двенадцати до двадцати, питал сильное влечение ко злу и нечестивому искусству... за ничтожные плотские удовольствия навеки отдал душу и тело дьяволу, чтобы прославиться и заставить всех на земле говорить о себе».

Штуббе казался обычным членом общества: «...По улицам он расхаживал как добропорядочный гражданин и был очень вежлив, ведь все местные жители хорошо его знали. Часто с ним здоровались те, чьих друзей и детей Петер зарезал, но никто ни о чем не догадывался.

За несколько лет убил он тринадцать маленьких детей и двух прекрасных беременных молодых женщин, чьих младенцев вырывал из чрева самыми кровавыми и дикими способами, а после съедал сырыми еще горячие, трепещущие сердца. Штуббе считал их самыми лакомыми кусочками, способными удовлетворить его прожорливость».

По легенде, Петер даже изнасиловал свою дочь, отчего та забеременела, а когда ребенок появился на свет, Штуббе убил его и съел.

Поскольку в любой популярной книге в жанре криминальной документалистики должен присутствовать мотив, Петеру приписывают сделку с дьяволом, в ходе которой ему дали волшебный пояс (или кушак), и если он его надевал, то становился оборотнем, в чьем облике мог утолять жажду крови.

С места последнего убийства он уходил с охотниками, которые глаз с него не спускали. Штуббе «ловко стянул с себя пояс, не принимая при этом обличье волка, и вскоре обрел свой истинный облик, и, когда пошел он к городу, в руках у него был посох. Но охотники, что не сводили со зверя пытливых глаз, вопреки своим ожиданиям увидели его изменившимся в том же самом месте, и это вызвало в их умах чрезвычайное удивление; и если бы они не узнали человека перед собой, то обязательно бы поняли, что это дьявол в человеческом обличье. Но так как он им был известен с давних пор как житель города, то охотники подошли к нему, завели разговор, уговорами привели в город, в родной дом, и обнаружили, что он на самом деле человек, а не представляется им обманом или иллюзией, после чего Штуббе предстал перед судом для получения заслуженного наказания».

Заканчивается эта история 18 октября 1589 года – вынесением Штуббе приговора: «...распорядились, что сначала его распнут на колесе и в десяти разных местах раскаленными докрасна клещами отделят плоть от костей, после чего деревянным топором или тесаком сломают руки и ноги, отрубят голову, а потом сожгут тело дотла».

Этот памфлет – вероятно, самая первая сохранившаяся запись о серийном убийце в том смысле, который мы вкладываем в его современное определение. Штуббе был добропорядочным и уважаемым жителем той же общины, которую тайно истязал, совсем как Джон Уэйн Гейси, которого считали успешным строительным подрядчиком и «хорошим соседом», и именно ему выпала честь принимать в гостях первую леди Розалин Картер во время ее визита в Чикаго. Отметим также, что Штуббе – в типичной для серийного убийцы манере – начал «питать склонность ко злу» в возрасте от двенадцати до двадцати лет.

Пьер Бурго и Мишель Вердан. Франция, 1521 год

Не менее интересен случай Пьера Бурго и Мишель Вердан – оборотней из коммуны Полиньи во Франции, которых казнили в 1521 году. Предположительно, они были парой серийных убийц-оборотней, которые после совершения сделки с дьяволом превратились в кровавых чудовищ. Вдвоем они убили случайно подвернувшуюся женщину (или, по другим источникам, ребенка), которая собирала горох в огороде; лишили жизни одну четырехлетнюю девочку и съели ее; поступили так же с другой, выпили ей кровь и объели шею; их четвертой

жертвой стала девочка восьми-девяти лет. Бурго признался, что «перегрыз ей шею зубами, так как она однажды отказала ему в милостыне; и как только он совершил это ужасное деяние, то тут же вновь стал просить подаяние ради Христа»^[170].

Жиль Гарнье. Франция, 1574 год

Жиль Гарнье был признан виновным в нескольких убийствах, совершенных во Франции в 1574 году, когда он якобы становился оборотнем. Отчет по делу гласит: «В День святого Михаила Жиль Гарнье, обернувшись волком, напал на девочку десяти-двенадцати лет, гулявшую по винограднику на ферме Горж, неподалеку от Шастенуа, что в четверти лье от города Доль, близ леса Ла-Сер. Оборотень задрал бедняжку голыми руками, напоминающими волчьими лапы, и принялся пожирать плоть с бедер и рук. И так ему понравилось, что Жиль отнес несколько кусков домой, чтобы угостить жену. Признался он и в нападении на другую девочку, которую бы убил и съел, если бы не помешали трое крестьян. Еще две недели спустя, на винограднике Гредизан Жиль напал на десятилетнего мальчика, задушил его и сожрал все мясо на руках, бедрах и животе жертвы. В следующий раз Жиль был не в волчьем, а в человеческом обличье и набросился на мальчика лет двенадцати-тринадцати в роще близ деревни Перуз. Оборотень собирался насытиться жертвой, но его вспугнули проходившие мимо люди, как сам он потом добровольно признавал. Его признали виновным и сожгли заживо в соответствии с постановлением суда»^[171].

«Оборотень» или «демон-портной из Шалона». Франция, 1598 год

В 1598 году во французском городе Шалоне было заведено дело на безымянного городского оборотня, который, как и Петер Штуббе, орудовал в окрестностях родного поселения. Судебных записей о Джеффри Дамере XVI века не сохранилось: предположительно, их уничтожили власти из-за непристойного содержания. Имя подсудимого было предано забвению вместе с судебными протоколами в процессе *damnatio memoriae* (лат. «проклятие памяти»), но, согласно отрывкам сохранившихся источников, преступник работал портным и заманивал детей к себе в лавку, где насиловал их, перерезал им глотки, «напудривал и наряжал» трупы и пожирал их.

Во время обыска в его лавке власти обнаружили бочку с останками многочисленных жертв, похожую на контейнер из-под химикатов из квартиры Джеффри Дамера, в котором тот хранил отрезанные части тел убитых в 1991 году. Неясно, решил ли сам безымянный портной, что он оборотень, но все звали его «оборотнем из Шалона» или «демоном-портным из Шалона»^[172].

Жан Гренье. Франция, 1603 год

Наиболее подробно описанным случаем и первичным прецедентом в европейской «ликантропной эпидемии» и судебной медицине раннего Нового времени выступает дело Жана Гренье от 1603 года. Тринадцатилетнего мальчика из коммуны Кутра неподалеку от города Бордо на юго-западе Франции обвинили в серийных убийствах и оборотничестве.

Согласно собственным показаниям обвиняемого, после того, как Жан стал оборотнем и начал вести ночную жизнь, он либо сам сбежал из дома, либо его выгнал отец. Гренье также утверждал, что мачеха видела, как его «тошнило лапами собак и пальцами маленьких детей»^[173]. В ужасе от увиденного она отказывалась возвращаться домой, пока отец не выставил сына за дверь.

Бездомный мальчик бродил по окрестностям, попрошайничал и часто подходил к девушкам, пасущим овец в полях. Внимание местных властей он привлек после того, как посту-

пили жалобы от группы встревоженных его поведением пастушек. В отчете по делу говорится: «Выглядел он довольно странно. Густые рыжеватые волосы, не знавшие ни гребня, ни ножниц, ниспадали на плечи и лицо. Маленькие светло-серые глазки свирепо и злобно поблескивали в глубоких глазницах. Лицо покрывал темно-оливковый загар, крупные зубы сияли белизной, причем клыки виднелись даже тогда, когда губы были сомкнуты. Большие сильные руки казались бы даже красивыми, если бы не уродливые грязные ногти, заостренные на концах, словно птичьи коготки. Бедняга был одет в тряпье, словно нищий. Сквозь старые лохмотья виднелось изнуренное тело»^[174].

Девушки заявили, что мальчик с ними заигрывал, пообещав, что женится на самой красивой, а после сказал им: «По понедельникам, пятницам и воскресеньям и в остальные дни я превращаюсь в волка за час до заката. Я – оборотень. Я убивал собак и пил их кровь; но маленькие девочки вкуснее, ведь их плоть нежнее и слаще, а кровь гуще и теплее. Во время вылазок мы с товарищами пожрали немало юных дев. Воистину, я – оборотень, и, будь сейчас вечер, я бы с удовольствием перекусил кем-нибудь из вас!»

Напуганные девочки бросились бежать, а их рассказ о встрече с незнакомцем вызвал интерес у властей, так как за несколько месяцев до этого в округе зверски убили, расчленили и съели младенца и нескольких девочек. В конце концов его узнала тринадцатилетняя Маргерит Пуарье, которая то и дело жаловалась на него родителям: бродячий мальчишка постоянно пугал ее страшными рассказами про оборотней, пока она пыталась пасти овец.

«Жан часто уверял ее, будто продал душу дьяволу и за это приобрел способность с наступлением темноты, а иногда и при свете дня превращаться в волка и рыскать по округе в поисках добычи. Мальчик признался, что уже задрал и съел несколько собак, но их мясо менее вкусно, чем нежная плоть молоденьких красавиц, ничего изысканнее которой быть не может. Жан сказал, что загубил уже немало девиц, но особенно запомнил два случая. В первом он насытился до отвала, а то, что не доел, бросил волкам, сбегавшимся на запах крови. В другой раз он был непомерно голоден и загрыз девочку до смерти, а потом сожрал целиком, так что от нее остались только руки, и выпил всю кровь».

Поначалу отец и мать не обращали особого внимания на жалобы дочери, списывая их на богатую фантазию (из-за подобного родительского скептицизма соседи доверяли приглядывать за своими детьми серийному убийце-некрофилу Эду Гину по прозвищу Псих; играя у него дома, мальчики и девочки видели сморщенные человеческие головы, чаши из черепов, костюмы, сшитые из мумифицированной женской кожи, и рассказывали об этом взрослым, но те лишь смеялись над ними).

Однажды девочка прибежала домой раньше обычного, от ужаса забыв про свое стадо, и рассказала, что мальчик превратился в ужасное чудовище и накинулся на нее, но ей удалось отбиться от него пастушеским посохом. По ее словам, напавшее на нее животное с рыжей шерстью, маленькой головой и коротким хвостом походило на волка, только было немного меньше. Бродячего мальчишку Жана Гренье взяли под стражу и допросили. Обвиняемый охотно рассказывал о себе и своих злоключениях: «Что до обвинений Маргерит Пуарье, то они справедливы. Я действительно собирался убить и съесть ее, но она отбилась от меня палкой. Я загрыз только одну белую собаку, но крови ее не пил».

Под давлением Гренье признался, что как-то раз в деревне, названия которой не помнит, он зашел в пустой дом и увидел в колыбели младенца. В комнатах никого не было. Тогда Жан схватил ребенка, кинулся с ним в сад, разорвал и сожрал, сколько смог, пока голод не утих. По словам убийцы, остатки тела он скормил волкам. Признался Гренье и в убийстве девочки, которая пасла овец при приходе Сент-Антуан-де-Пизон. Имени ее Жан не знал – помнил только, что на ней было черное платье. Он разодрал ее тело зубами и ногтями и съел. За шесть недель до ареста Гренье набросился еще на одного ребенка в том же приходе, неподалеку от каменного моста, но его отогнал случайный прохожий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.
Prostitution Task Force et al. Prostitution in New York City: Answers to Some Questions. New York: New York Women in Criminal Justice, 1977, p. 2.
2.
<http://www.disastercenter.com/crime/nycrime.htm>.
3.
Michelle Young. Images of America: Broadway. Charleston, SC: Arcadia Publishing, 2015, p. 70, а также Robert p. McNamara. The Times Square Hustler: Male Prostitution in New York City. London and Westport, CT: Praeger, 1994, p. 21.
4.
<http://www.oed.com/viewdictionaryentry/Entry/121738>.
5.
Robert D. Keppel, PhD, with William J. Birnes. Signature Killers: Interpreting the Calling Cards of the Serial Murderer. New York: Simon & Schuster, 1997, p. 82.
6.
Elliott Layton. Compulsive Killers: The Story of Modern Multiple Murder. New York: New York University Press, 1986. Второе издание: Hunting Humans: The Rise of the Modern Multiple Murderer, second ed. New York: McClelland & Stewart, 2005.
7.
M. A. Farber. «Leading the Hunt in Atlanta's Murders». New York Times, May 3, 1981; New York Times Online, Proquest search, December 31, 2012.
8.
Ann Rule. Foreword to Keppel, Signature Killers, p. XV.
9.
Michael Newton. The Encyclopedia of Serial Killers. New York: Facts on File, 2000, p. 205.
10.
<https://www.psychologytoday.com/blog/shadow-boxing/201410/who-coined-serial-killer>.
11.
Robert Eisler. Man into Wolf: An Anthropological Interpretation of Sadism, Masochism, and Lycanthropy. London: Routledge and Kegan Paul, Ltd., 1951, p. 78, n. 10. Дата лекции из электронной переписки с Брайаном Коллинсом, профессором классической филологии и религиоведения в Университете Огайо, 25 марта 2016 г. – <https://ohio.academia.edu/BrianCollins>.
12.
Robert K. Ressler and Tom Shachtman. Whoever Fights Monsters. New York: St. Martin's Press, 1992, pp. 32–33.

13.

Robert K. Ressler, Ann W. Burgess, and John E. Douglas. *Sexual Homicide: Patterns and Motives*. Lexington, MA: Lexington Books, 1988.

14.

Mike G. Aamodt. Radford/FGCU Serial Killer Database (23 November 2015). *Serial Killer Statistics* (retrieved 25 February 2016 from <http://skdb.fgcu.edu/info.asp>).

15.

Eric Hickey. *Serial Murderers and Their Victims*, seventh ed. Boston: Cengage Learning, 2016, pp. 335–36.

16.

D. Kim Rossmo. *Geographic Profiling*. Boca Raton, FL: CRC Press, 2000, p. 14.

17.

R. Emerson Dobash and Russell p. Dobash. *When Men Murder Women*. New York: Oxford University Press, 2015, p. 109.

18.

New York Times Online. Proquest searches, 31 December 2012.

19.

https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_serial_killers_by_number_of_victims#Serial_killers_with_the_highest_known_victim_count.

20.

Фотография: [http://en.wikipedia.org/wiki/File: Johnwaynegacyrosalynncarter.jpg](http://en.wikipedia.org/wiki/File:Johnwaynegacyrosalynncarter.jpg).

21.

Derf Backderf. *My Friend Dahmer*. New York: Abrams, 2012, pp. 96–97.

22.

Peter Vronsky. *Female Serial Killers: How and Why Women Become Monsters*. New York: Berkley, 2007, p. 230.

23.

Например, см. https://www.vice.com/en_us/article/the-haunting-photography?of?a?serial-killer. и <http://abcnews.go.com/Nightline/dating-game-serial-killer-rod?ney-alcala-guilty-murder/story?id=9949007>. Однако окончательного подтверждения тому, что Алькала был студентом Полански или что в то время Полански преподавал или проводил уроки, о которых идет речь, автор не нашел.

24.

<https://www.youtube.com/watch?v=HNW1JWq2oIc>.

25.

<http://www.nydailynews.com/news/world/suspected-serial-killer-appeared-celebrity-masterchef-uk-article-1.2407560>.

26.

Don Lasseter. *Dead of Night: A True Crime Thriller*. Crime Rant Books, 2014, Kindle ed. (Kindle locations 549–50).

27.

<http://radaronline.com/celebrity-news/sean-penn-talks-about-serial-killer-richard-ramirez>.

28.

<http://www.telegraph.co.uk/culture/music/music-news/8191211/Blondies-Debbie-Harry-claims-serial-killer-Ted-Bundy-lured-her-into-car.html>.

29.

<http://www.cbsnews.com/pictures/michael-gargiulo-under-arrest/>. Также см. <https://web.archive.org/web/20140220060641/> и <http://www.suntimes.com/6482474-417/la-detective-murder-suspect-could-have-killed-10-women.html>.

30.

См. Alan R. Warren. *Above Suspicion: The True Story of Serial Killer Russell Williams*. VP Publication, 2017, а также David A. Gibb. *Camouflaged Killer*. New York: Berkley, 2011.

31.

<http://www.orangecoast.com/features/center-of-the-universe/?src=longreads>.

32.

Stephen Singular. *Unholy Messenger: The Life and Crimes of the BTK Killer*. New York: Simon & Schuster, 2006, pp. 101–102. Также Katherine Ramsland. *Confession of a Serial Killer: The Untold Story of Dennis Rader, the BTK Killer*. Lebanon, NH: University Press of New England, 2016, Kindle ed. (Kindle location 4418).

33.

Allan L. Branson, «African American Serial Killers: Over-Represented Yet Underacknowledged». *The Howard Journal*, vol. 52, no. 1, February 2013, pp. 1–18. And Mike G. Aamodt, *Serial Killer Statistics*.

34.

Vronsky, *Female Serial Killers*, pp. 4, 15, 41–42.

35.

R. Holmes and S. Holmes, *Murder in America*. Thousand Oaks, CA: Sage, 1994. [Р. и С. ХОЛМСЫ].

36.

S. A. Egger. «A Working Definition of Serial Murder and the Reductions of Linkage Blindness». *Journal of Police Science and Administration*, vol. 12, 1984, pp. 348–357. [СТИВЕН ЭГГЕР]

37.

Vernon Geberth. *Practical Homicide Investigations*. Boca Raton, FL: CRC Press, 1996. [ВЕРНОН ГЕБЕРТ]

38.

B. T. Keeney and K. Heide. «Gender Differences in Serial Murderers». *Journal of Interpersonal Violence*, vol. 9, no. 3, September 1994, pp. 383–398. [Б. Т. Киней и К. Хайде]

39.

Helen Morrison. *Mind of a Killer*, CD. Chicago: Kozel Multimedia, 1995–1998. [Хелен Моррисон]

40.

Deborah Schurman-Kauflin. *The New Predator: Women Who Kill*. New York: Algora, 2000. [Дебора Шурман-Кауфлин]

41.

Federal Bureau of Investigation. *Serial Murder: Multidisciplinary Perspectives for Investigators*. Behavioral Analysis Unit, National Center for Analysis of Violent Crime (NCAVC), Department of Justice, Washington, DC: 2008, p. 10; and <https://www.fbi.gov/stats-services/publications/serial-murder>.

42.

Eric W. Hickey. *Serial Murderers and Their Victims*, fifth ed. Belmont, CA: Thomson/ Wadsworth Publishing Company, 2010, p. 27.

43.

Jeffery R. Osborne and C. Gabrielle Salfati. «Reconceptualizing ‘Cooling-off Periods’ in Serial Homicide». *Homicide Studies*, vol. 19, no. 2, 2015, pp. 188–205.

44.

Eric W. Hickey. *Serial Murderers and Their Victims*, sixth ed. Belmont, CA: Thomson/ Wadsworth Publishing Company, 2013, p. 157.

45.

Janet McClellan. *Erotophonophilia: Investigating Lust Murder*. Amherst, NY: Cambria Press, 2010, Kindle ed. (Kindle locations 173–178).

46.

См. <http://www.independent.co.uk/news/africa-witchcraft-returns-to-haunt-new-south-africa-1139937.html>, а также <http://www.iol.co.za/news/south-africa/muti-killings-is-a-way-of-life-in-rural-areas-470603>, и <http://alterreddimensions.net/2013/african-muti-medicine-murders-hospitals-sell-body-parts-murderers-harvest-organs-from-live-victims-witch-doctors-black-magic-spells>, и <http://www.dispatchlive.co.za/news/2013/10/29/sangoma-killing-people-with-muti-is-my-job>, и Micki Pistorius. *Strangers on the Street: Serial Homicide in South Africa*. Johannesburg: Penguin Books, 2002, Kindle ed., и Teresa Rodriguez. *The Daughters of Juarez: A True Story of Serial Murder South of the Border*. New York: Atria Books, 2007.

47.

Более подробно обо всех этих теориях читайте в новейшем издании книги: Eric W. Hickey, *Serial Murderers and Their Victims*, seventh ed., pp. 68–116.

48.

Согласно «Статистике по серийным убийцам» Майка Аамодта, средний возраст составляет 27,5 лет; Хикки в седьмом издании своей книги снизил возраст с 30 лет до 29,5 для современных серийных убийц. См. Hickey, *Serial Murderers and Their Victims*, seventh ed., p. 238.

49.

Nadia Fezzani. *Through the Eyes of Serial Killers: Interviews with Seven Murderers*. Toronto: Dundurn Press, 2015, Kindle ed., Kindle locations 2985–2989.

50.

Craig S. Neumann and Robert D. Hare. «Psychopathic Traits in a Large Community Sample: Links to Violence, Alcohol Use, and Intelligence». *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, vol. 76, issue 5, 2008, pp. 893–899.

51.

J. Coid, M. Yang, S. Ullrich, and R. Hare. «Prevalence and Correlates of Psychopathic Traits in the Household Population of Great Britain». *International Journal of Law and Psychiatry*, vol. 32, issue 2, 2009. pp. 65–73.

52.

Paul D. MacLean. *The Triune Brain in Evolution: Role in Paleocerebral Functions*. New York: Plenum, 1990.

53.

Paul D. MacLean. «New Findings Relevant to the Evolution of Psychosexual Functions of the Brain». *Journal of Nervous and Mental Disease*, vol. 135, issue 4, 1962, pp. 289–301.

54.

Julian Kiverstein and Mark Miller. «The Embodied Brain: Toward a Radical Embodied Cognitive Neuroscience». *Frontiers in Human Neuroscience*, May 6, 2015, <https://doi.org/10.3389/fnhum.2015.00237>.

55.

John Money. «Forensic Xexology: Paraphilic Serial Rape (Blastophilia) and Lust Murder (Erotophonia)», *American Journal of Psychotherapy*, vol. 44, January 1990, pp. 26–36.

56.

L. Miller. «The Predator's Brain: Neuropsychodynamics of Serial Killing». In Louis B. Schlesinger, ed. *Serial Offenders: Current Thought, Recent Findings*. Boca Raton, FL: CRC Press, 2000, p. 158.

57.

Во избежание недопонимания признаю, что не все ученые считают, что представители вида «человек разумный» намеренно насиловали и убивали неандертальцев. Ни по одной из теорий, что я привожу в данной главе, не существует единой точки зрения среди исследователей. Тем не менее отмечу, что я не цитирую двусмысленные или противоречивые утверждения школ антропологии и психологии. В наши дни аргументы любой школы, даже с противоположными точками зрения, звучат убедительно. И все же чем больше открытий мы совершаем, тем лучше понимаем, как мало знаем, особенно о том, что касается происхождения человека.

58.

Carles Lalueza-Fox. «Agreements and Misunderstandings Among Three Scientific Fields Paleogenomics, Archeology, and Human Paleontology». *Current Anthropology*, vol. 54, no. S8, Alternative Pathways to Complexity: Evolutionary Trajectories in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age, December 2013, pp. S214–S220.

59.

Richard E. Green et al. «A Draft Sequence of the Neandertal Genome». *Science*, vol. 328, no. 5979, May 7, 2010, pp. 710–722.

60.

К примеру: Owen D. Jones. «Sex, Culture, and the Biology of Rape: Toward Explanation and Prevention». *California Law Review*, vol. 87, issue 4, July 1999, pp. 827–839, также Jared Diamond. *The Third Chimpanzee: The Evolution and Future of the Human Animal*. New York: HarperCollins, 1992, p. 45; João Ricardo Faria. «What Happened to the Neanderthals? – The Survival Trap». *KYKLOS*, vol. 53–2000–fasc. 2, pp. 161–72; Kwang Hyun Ko. «Hominin Interbreeding and the Evolution of Human Variation». *Journal of Biological Research-Thessaloniki*, vol. 23, no. 17, December 2016; Grant S. McCall and Nancy Shields. «Examining the Evidence from Smallscale Societies and Early Prehistory and Implications for Modern Theories of Aggression and Violence». *Aggression and Violent Behavior*, issue 13, 2008, pp. 1–9.

61.

Valerie M. Hudson, Bonnie Ballif-Spanvill, Mary Caprioli, and Chad F. Emmett. *Sex and World Peace*. New York: Columbia University Press, 2012; Susan Brownmiller. *Against Our Will: Men, Women, and Rape*. New York: Ballantine Books, 1993 (first published 1975); Janie Leatherman. *Sexual Violence and Armed Conflict*. Malden, MA: Polity, 2011; Sonja M. Hedgepeth and Rochelle G. Saidel, eds. *Sexual Violence Against Jewish Women During the Holocaust*. Lebanon, NH: Brandeis University Press, 2010; Iris Chang. *The Rape of Nanking: The Forgotten Holocaust of World War II*. New York: Basic Books, 2012; Gina Marie Weaver. *Ideologies of Forgetting: Rape in the Vietnam War*. State University of New York Press, 2010; J. Robert Lilly. *Taken by Force: Rape and American GIs in Europe During World War II*. New York: Palgrave Macmillan, 2007; Mary Louise Roberts. *What Soldiers Do: Sex and the American GI in World War II*. Chicago: University of Chicago Press, 2013; Miriam Gebhardt. *Als die Soldaten kamen (When the Soldiers Came)*; in English: *Crimes Unspoken: The Rape of German Women at the End of the Second World War*.

62.

Marlise Simons. «UN Court, for First Time, Defines Rape as War Crime». *The New York Times*, June 28, 1996, <http://www.nytimes.com/1996/06/28/world/un-court-for-first-time-defines-rape-as-war-crime.html> (retrieved March 17, 2016), а также United Nations, Security Council Resolution 1820. Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on June 19, 2008.

63.

James Hawkins. «Could the Story of Cain & Abel Be the Story of the Genocide of Neanderthals?» *Science 2.0*, March 27, 2009, http://www.science20.com/hawkins_science/blog/could_story_cain_abel_be_story_genocide_neanderthals.

64.

Christoph p. E. Zollikofer, Marcia S. Ponce de León, Bernard Vandermeersch, and François Lévêque. «Evidence for Interpersonal Violence in the St. Césaire Neanderthal». *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 99, no. 9, April 30, 2002, pp. 6444–6448.

65.

Richard Stephen Charnock. «Cannibalism in Europe». *Journal of the Anthropological Society of London*, vol. 4, 1866, pp. XXII–XXXI; And Elizabeth Pennisi. «Cannibalism and Prion Disease May Have Been Rampant in Ancient Humans». *Science*, new series, vol. 300, no. 5617, April 11, 2003, pp. 227–228.

66.

А. П. Назаретян. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации // *Вопросы философии*, № 11, 2002, с. 73–84 [цитата М. К. Мамардашвили. *Мое понимание философии*. М.: Наука, 1990].

67.

<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/bulgaria/11153923/Vampire-grave-found-in-Bulgaria.html>; также Eileen M. Murphy, ed. *Deviant Burial in the Archeological Record*. Oxford: Oxbow Books, 2008.

68.

Anastasia Tsaliki. «Unusual Burials and Necrophobia: An Insight into the Burial Archeology of Fear», in Murphy, ed. [http://works.bepress.com/anastasia_tsaliki/13] (дата запроса 25.10.2014), p. 1.

69.

Pierre Teilhard de Chardin and C. C. Young. «The Late Cenozoic Formation of S. E. Shansi». *Bull. Geol. Soc. China*, vol. XII, 1933. And «Cenozoic Formation of S. E. Shansi». *British Journal of Social Science*, vol. XII, 1933.

70.

Tsaliki, «Unusual Burials», p. 8.

71.

Letizia Cavallini. «Le sepolture anomale in Italia: dalla lettura tafonomia all'interpretazione del gesto funerario, in Pagani e Cristiani. *Forme e attestazioni di religiosità del mondo antico*». In Emilia, vol. X, Edizioni All'Insegna del Giglio, Firenze, 2011, pp. 47–105.

72.

S. Sublimi Saponetti, F. Scattarella, A. De Lucia, V. Scattarella. «Paleobiology, Palaeo-pathology and Necrophobic Practices in Early Iron Age Burials (IX–VII century BC) in Capo Colonna, Trani, Apulia, Southern Italy – The State of Health of a Small Sample from Iron Age. *Coll Antropol*, vol. 31, no. 1, March 2007, pp. 339–344.

73.

А. П. Назаретян. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации.

74.

J. G. Frazer. «On Certain Burial Customs as Illustrative of the Primitive Theory of the Soul». *J. Anthropol. Inst. Great Brit. Ireland*, no. 15, 1886, pp. 63–104.

75.

Некоторые антропологи утверждают, что неандертальцы практиковали похожие ритуальные захоронения. Но на данный момент доказательства в пользу существования ритуальных погребений у неандертальцев крайне скудны и противоречивы. См.: W. Rendu, C. Beauva, I. Crevecoeur, p. Bayle, A. Balzeau, T. Bismuth, L. Bourguignon, G. Delfour G, J. p. Faivre, F. Lacrampe-Cuyaubère, X. Muth, S. Pasty, p. Semal, C. Tavormina, D. Todisco, A. Turq, and B. Maureille. «Let the Dead Speak...: Comments on Dibble et al.'s Reply to «Evidence Supporting an Intentional Burial at La Chapelle-aux-Saints»». *Journal of Archeological Science*, no. 69, 2016, pp. 12–20; R. H. Gargett. «Middle Paleolithic Burial Is Not a Dead Issue: The View from Qafzeh, Saint-Césaire, Kebara, Amud, and Dederiyeh». *Journal of Human Evolution*, no. 37, 1989, pp. 27–90; R. H. Gargett. «Grave Shortcomings: The Evidence for Neanderthal Burial». *Current Anthropology*, vol. 30, no. 2, 1989, pp. 157–190; W. Rendu, C. Beauval, I. Crevecoeur, p. Bayle, A. Balzeau, T. Bismuth, L. Bourguignon, G. Delfour, J. p. Faivre, F. Lacrampe-Cuyaubère, C. Tavormina, D. Todisco, A. Turq, and B. Maureille. «Evidence Supporting an Intentional Neanderthal Burial at LaChapelle-aux-Saints». *Proceedings of the National Academy of Sciences*, vol. 111, no. 1, January 2014, pp. 81–86; Nikki A. Basset. «Neanderthals and Modern Behavior: Did They Bury Their Dead?» *UMASA Journal*, vol. 33, 2015, <http://umanitoba.ca/publications/openjournal/index.php/mb-anthro/article/download/249/80>.

76.

Robert K. Ressler, Ann W. Burgess, John E. Douglas, *Sexual Homicide*, Kindle locations 1281–1282.

77.

Robert J. Morton, Jennifer M. Tillman, Stephanie J. Gaines. *Serial Murder: Pathways for Investigation*. Washington, DC: Federal Bureau of Investigation, Behavioral Analysis Unit, National Center for the Analysis of Violent Crime, US Department of Justice, 2014, p. 47.

78.

C. W. Moeliker, «The First Case of Homosexual Necrophilia in the Mallard Anas Platyrhynchos (Aves: Anatidae)». *DEINSEA – Annual of the Natural History Museum Rotterdam*, November 2001, pp. 243–248.

79.

Зигмунд Фрейд. Полное собрание сочинений в 26 томах. СПб: ВЕИП, 2005–2019. Том «Три очерка по теории сексуальности». Первоначально очерки Фрейда были опубликованы в 1905 году.

80.

А. П. Назаретян. Архетип восставшего покойника как фактор социальной самоорганизации // *Вопросы философии*, № 11, 2002, с. 73–84. См. также Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Ленинград: Тип. им. Володарского, 1947; John E. Pfeiffer. *The Creative Explosion: An Inquiry into the Origins of Art and Religion*. New York: Cornell University Press, 1985; Гримак Л. П. «Вера как предпосылка гипноза»/прикладная психология, № 6 (2001), с. 89–96.

81.

«Earliest Stone Tool Evidence Revealed», August 11, 2010 <http://www.becominghuman.org/node/news/earliest-stone-tool-evidence-revealed> (дата запроса 15.03.2016); Robert W. Shumaker, Kristina R. Walkup, and Benjamin B. Beck. *Animal Tool Behavior: The Use and Manufacture of Tools by Animals*. Baltimore: John Hopkins University Press, 2011.

82.

Конрад Лоренц. *Агрессия, или Так называемое зло*. АСТ, 2017.

83.

Rebecca Morelle. «Oldest Stone Tools Predate Earliest humans». BBC News, May 20, 2015, <http://www.bbc.com/news/science-environment-32804177>.

84.

А. П. Назаретян «Power and Wisdom: Toward a History of Social Behavior». *Journal of Social Behavior*, vol. 33, no. 4, 2003.

85.

Christoph p. E. Zollikofer, Marcia S. Ponce de León, Bernard Vandermeersch, and François Lévêque. «Evidence for Interpersonal Violence in the St. Césaire Neanderthal».

86.

<http://www.nytimes.com/2014/10/09/science/ancient-indonesian-find-may-rival-oldest-known-cave-art.html>.

87.

Edward O. Wilson. *On Human Nature*. Cambridge, MA, and London: Harvard University Press, 1978. And Geoffrey Blainey. *Triumph of the Nomads: A History of Ancient Australia*. London: Macmillan, 1976.

88.

<http://blogs.berkeley.edu/2010/06/16/acrime-puzzle-violent-crime-declines-in-america/> (retrieved March 31, 2016).

89.

<http://www.chicagotribune.com/news/local/breaking/ct-chicago-homicides-study-met-20160726-story.html>.

90.

<http://time.com/4635049/chicago-murder-rate-homicides>.

91.

Например, см. Catherine Ramsland. *Inside the Minds of Serial Killers: Why They Kill*. Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2006, p. 101.

92.

Зигмунд Фрейд. *Введение в психоанализ*, СПб: Азбука, 2017, с. 119.

93.

Рихард фон Крафт-Эбинг. *Половая психопатия*. М.: Алгоритм, 2017, с. 41.

94.

American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5), fifth ed. Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2013.

95.

Рихард фон Крафт-Эбинг. Половая психопатия. М.: Алгоритм, 2017, с. 79.

96.

Catherine Purcell and Bruce A. Arrigo. The Psychology of Lust Murder: Paraphilia, Sexual Killing, and Serial Homicide. New York: Elsevier Press, 2006, p. 26, Kindle ed.

97.

G. N. Bianchi, J. E. Cawte, J. Money, and B. Nurcombe. «Sex Training and Traditions in Arnhem Land». British Journal of Medical Psychology, no. 43, 1970, pp. 383–399.

98.

Robert K. Ressler, Ann W. Burgess, John E. Douglas. Sexual Homicide, Kindle locations 1049–1051.

99.

Peter Vronsky, Serial Killers, p. 169.

100.

Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-5), fifth ed., pp. 685–86.

101.

Vivek Datta, MD, MPH. «When Homosexuality Came Out (of the DSM)». Mad in America Science, Psychiatry and Community, December 1, 2014, <http://www.madinamerica.com/2014/12/homosexuality-came-dsm>.

102.

Lisa Downing. «John Money's 'Normophilia': Diagnosing Sexual Normality in Late-Twentieth-Century Anglo-American Sexology». Psychology & Sexuality, vol. 1, issue 3, 2010.

103.

John William Money (2011-11-15). Lovemaps: Sexual/Erotic Health and Pathology, Paraphilia, and Gender Transposition in Childhood, Adolescence, and Maturity. Buffalo, NY: Prometheus Books, 1986, Kindle ed. (Kindle locations 88–89; 1233–1239).

104.

John Money, Lovemaps, Kindle locations 1316–1318.

105.

«Interview: John Money». PAIDIKA: The Journal of Paedophilia, Spring 1991, vol. 2, no. 3, p. 5.

106.

Catherine Purcell and Bruce A. Arrigo. The Psychology of Lust Murder, p. 26. And Robert K. Ressler, Ann W. Burgess, and John E. Douglas, Sexual Homicide, Kindle locations 1048–1049.

107.

C. Crepault and M. Couture. «Men's Erotic Fantasies». Archives of Sexual Behavior, vol. 9, issue 6, 1980. pp. 565–81; <http://www.newsweek.com/campus-rapists-and-semantics-297463>; <http://jezebel.com/1-in-3-college-men-admit-they-would-rape-if-we-dont-ca-1678601600>; <http://online.liebertpub.com/doi/pdf/10.1089/vio.2014.0022>.

108.

Myra MacPherson. «The Roots of Evil», Vanity Fair, May 1989.

109.

R. Langevin. «A Study of the Psychosexual Characteristics of Sex Killers: Can We Identify Them Before It Is Too Late?» International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology, vol. 47, issue 4, 2003, pp. 366–382.

110.

Mark Bourrie. Peter Woodcock: Canada's Youngest Serial Killer. St. John's, Newfoundland: VP Publication – R. J. Parker Publishing, 2016.

111.

Ian Brady. The Gates of Janus: Serial Killing and Its Analysis. Los Angeles: Feral House, 2001, pp. 87–88.

112.

Hickey, Serial Murderers and Their Victims, sixth ed., p. 226.

113.

Подробнее о де Ре и Батори читайте в книгах Питера Вронского: Serial Killers: The Method and Madness of Monsters и Female Serial Killers: How and Why Women Become Monsters.

114.

J. p. Rosman and p. J. Resnick. «Sexual Attraction to Corpses: A Psychiatric Review of Necrophilia». The Bulletin of the American Academy of Psychiatry and the Law, vol. 17, no. 2, 1989, pp. 153-163 (citing H. von Huber, «Nekrophilie», Kriminalistik, no. 16, 1962, pp. 564–568, and Ernest Jones, On the Nightmare, New York: Liveright, 1931, pp. 109–1012).

115.

Tractate Sanhedrin. Folio 66b, n. 18; Tractate Baba Bathra, Folio 3b http://www.come-and-hear.com/bababathra/bababathra_3.html#PARTb.

116.

Луций Анней Сенека. «Философские трактаты», О Гневe, Книга III. СПб: Алетейя, 2000, с. 180–367.

117.

St. Augustine. Confessions, book 6, chapter 8, c. 397 and 400 AD.

118.

Сенека. О милосердии. 1.25.1.

119.

Платон. Диалоги. М.: РИПОЛ классик, 2016.

120.

Аврелий Августин. Исповедь. СПб: Азбука, 1999.

121.

Kenna Quinet. «The Missing Missing: Toward a Quantification of Serial Murder Victimization in the United States». *Homicide Studies*, vol. 11, no. 4, November 2007, pp. 319–339.

122.

Steven A. Egger. *The Killers Among Us: An Examination of Serial Murder and Its Investigation*. Upper Saddle River, NJ: PrenticeHall, 1998, pp. 74–75.

123.

Angus McLaren. *A Prescription for Murder: The Victorian Serial Killings of Dr. Thomas Neill Cream*. Chicago: University of Chicago Press, 1993, p. XIII.

124.

Mark Seltzer. *Serial Killers: Death and Life in America's Wound Culture*. New York: Routledge, 1998, p. 1.

125.

Robert Kennedy. In *Statement by Attorney General Robert F. Kennedy to the Permanent Subcommittee on Investigations of the Senate Government Operations Committee*. Washington, DC: September 25, 1963.

126.

Питер Мельман и Кэрол Лейфер. Эпизод «Массажистка», сериал Сайнфелд, телеканал NBC. Первый эпизод вышел в эфир 18.11.1993.

127.

D. Kim Rossmo. *Criminal Investigative Failures*. Boca Raton, FL: CRC Press, 2009, p. 31.

128.

Lora Grindlay. «Police Don't Think a Reward Would Help». *Province*, April 7, 1999, p. A18.

129.

Patrick Moores. (Re)Covering the Missing Women: News Media Reporting on Vancouver's «Disappeared». Master's dissertation, University of British Columbia, 2006, p. 62.

130.

Hickey, *Serial Murderers and Their Victims*, sixth ed., p. 237.

131.

Ginger Strand. *Killer on the Road: Violence and the American Interstate*. Austin: University of Texas Press, 2012, Kindle ed.

132.

Ginger Strand, *Ibid.*, Kindle locations 892–894.

133.

Ginger Strand, *Ibid.*, Kindle location 939.

134.

Ginger Strand, *Ibid.*, Kindle locations 927–928.

135.

Eric Hickey, *Serial Murderers and Their Victims*, seventh ed., p. 222; Mike G. Aamodt, *Serial Killer Statistics*.

136.

<http://quickfacts.census.gov/qfd/states/00000.html>.

137.

Brian Meehan. «Son of Cain or Son of Sam? The Monster as Serial Killer in Beowulf». *Connecticut Review*, Connecticut State University, Fall issue, 1994, p. 2.

138.

Willem de Blécourt. «The Werewolf, the Witch, and the Warlock: Aspects of Gender in the Early Modern Period». In Allison Rowland, ed. *Witchcraft and Masculinities*. New York: Palgrave Macmillan, 2009, p. 207.

139.

Eric Hickey, *Serial Murderers and Their Victims*, seventh ed., pp. 335–36.

140.

B. Thorpe, ed. *Ancient Laws and Institutes of England*. London: Commissioners on the Public Records of the Kingdom, 1840, pp. 160–161.

141.

Leslie A. Sconduto. *Metamorphoses of the Werewolf: A Literary Study from Antiquity Through the Renaissance*. Jefferson, NC, and London: McFarland, 2008, Kindle ed. (Kindle locations 3084–3085).

142.

Robert Eisler and W. Robert Foran. «Lycanthropy in Africa». *African Affairs*, vol. 55, no. 219, April 1956, pp. 124–134.

143.

Alberta Hannum. *Spin a Silver Dollar: The Story of a Desert Trading Post*. New York: Viking Press, 1945, p. 86.

144.

T. A. Fahy. «Lycanthropy: A Review». *Journal of the Royal Society of Medicine*, vol. 82, January 1989, pp. 37–39.

145.

E. Poulakou-Rebelakou, C. Tsiamis, G. Panteleakos, and D. Ploumpidis. «Lycanthropy in Byzantine Times (330–1453 AD)». *History of Psychiatry Journal*, vol. 20, no. 4, 2009, p. 470.

146.

Robert Eisler.

147.

Kathy Freston. «Shattering the Meat Myth: Humans Are Natural Vegetarians». http://www.huffingtonpost.com/kathy-freston/shattering-the-meat-myth_b_214390.html.

148.

Robert Eisler, p. 48.

149.

Robert K. Ressler, Ann W. Burgess, John E. Douglas, *Sexual Homicide*, Kindle location 4151.

150.

John Louis Emil Dreyer. *A History of Astronomy from Thales to Kepler*. New York: Dover Publications, 1953, pp. 20, 37–38.

151.

Leslie A. Sconduto, *Metamorphoses of the Werewolf*, Kindle location 219.

152.

Блаженный Августин. О граде Божиим, Книга XVIII.17. М.: АСТ, 2000.

153.

Wolfgang Behringer. *Witches and Witch-hunts: A Global History*. Cambridge: Polity Press, 2004, p. 30.

154.

Glyn Sheridan Burgess. *The Lais of Marie de France: Text and Context*. Athens: University of Georgia Press, 1987, p. 175.

155.

Henry Charles Lea. *Materials Toward a History of Witchcraft*, 3 vols. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1939. New York: Thomas Yoseloff, 1957, vol. 1, pp. 179–80.

156.

Brian p. Levack. «The Horrors of Witchcraft and Demonic Possession». *Journal of Social Research*, vol. 81, no. 4, Winter 2014, pp. 921–939.

157.

Richard M. Golden, ed. *Encyclopedia of Witchcraft: The Western Tradition*. Santa Barbara, CA: ABC-CLIO Inc., 2006, pp. 713–715.

158.

E. Poulakou-Rebelakou et al., and Nadine Metzger. «Battling Demons with Medical Authority: Werewolves, Physicians and Rationalization». *History of Psychiatry*, vol. 24, no. 3, 2013, pp. 341–355.

159.

Jan Dirk Blom. «When Doctors Cry Wolf: A Systematic Review of the Literature on Clinical Lycanthropy». *History of Psychiatry*, vol. 25, no. 1, 2014, pp. 87–102.

160.

Mansoureh Nasirian, MD, Nabi Banazadeh, MD, and Ali Kheradmand, MD. «Rare Variant of Lycanthropy and Ecstasy». *Addict Health*, vol. 1, no. 1, Summer 2009, pp. 53–56.

161.

Sconduto, *Metamorphoses of the Werewolf*, chapters 3–7.

162.

Eva Shield. What Are Your Chances of Being Killed in a Terrorist Attack? <http://pressfortruth.ca/top-stories/what-are-your-chances-being-killed-terrorist-attack>. Также Terrorism Statistics Every American Needs to Hear, <http://www.globalresearch.ca/the-terrorism-statistics-every-american-needs-to-hear/5382818>.

163.

Jonathan L. Pearl. «French Catholic Demonologists and Their Enemies in the Late Sixteenth and Early Seventeenth Centuries». *Church History*, vol. 52, no. 4, December 1983, pp. 457–467.

164.

Anna Garland. «The Great Witch Hunt: The Persecution of Witches in England, 1550–1660». *Auckland University Law Review*, vol. 9, no. 4, 2003, p. 1154. Вопреки распространенному мнению, Malleus Maleficarum в большей степени был распространен на территории Германии, но назвать его стандартным руководством, которого придерживались охотники на ведьм по всей Европе, нельзя.

165.

Richard M. Golden, *Encyclopedia of Witchcraft*, p. 720.

166.

Heinrich Kramer. *Malleus Maleficarum*. 1486, part 1: 63A–63C.

167.

Kramer, *Malleus Maleficarum*, part 1: 7C; Sconduto, *Metamorphoses of the Werewolf*, Kindle location 1849.

168.

Подробнее о характере обвинений, выдвинутых против де Ре и Батори, читайте в книгах П. Вронского: *Serial Killers* и *Female Serial Killers*.

169.

Подлинная история. Речь пойдет о жизни и смерти некоего Штуббе Петера, самого нечестивого и безумного колдуна, что в обличье волка совершил убийств множество, лишая жизни и

поглощая мужчин, женщин и детей. Продолжалась подобная дьявольщина двадцать пять лет. За это он был взят под стражу и казнен 31 октября в городе Бедбурге, что рядом с Кельном в Германии. Истинно переведено с верхненемецкого языка с той книги, что напечатана в Кельне, а переслана в Англию обычной почтой Джорджем Боресом, кто сам лично все видел и слышал, одиннадцатого дня настоящего месяца июня, 1590 г. Лондон: напечатан (Р. Уордом) для Эдварда Венге для продажи на Флит-стрит под знаком виноградной лозы (1590 г.). Древние английские книги онлайн:: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=eebo;idno=A13085.0001.001>.

170.

Sconduto, *Metamorphoses of the Werewolf*, Kindle locations 1926–1929.

171.

Jean Bodin. *De la demonomanie des sorciers*. Paris: n.p., 1587, pp. 106–7.

172.

Katherine Ramsland. *The Human Predator*. New York: Berkley, 2005.

173.

Pierre de Lancre. *Tableau de L'inconstance des Mauvais Anges et Demons (On the Inconstancy of Witches and Demons)*, 1612.

174.

Pierre de Lancre and Sabine Baring-Gould. *The Book of Were-Wolves*. London: Smith Elder & Co., 1865.